

RED ROOM

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

№5 (12)

2017

ВИКТОР
ГЛЕБОВ

АЛЕКСАНДР
ДЕДОВ

АЛЕКСАНДР
МАТЮХИН

МИТЯ
ЛАЗАРЕВ

ЕВГЕНИЙ
ШИКОВ

СЕРГЕЙ
КАТУКОВ

АЛЕКСЕЙ
ЖАРКОВ

ВАЛЕРИЙ
ЛИСИЦКИЙ

АЛЕКСАНДР
ЮМ

МИХАИЛ
АРТЕМЬЕВ

АЛЕКСАНДР
ПОДОЛЬСКИЙ

НИКИТА
СТОРОЖЕНКО

ИРИНА
ЕПИФАНОВА

РОМАН
ДАВЫДОВ

Для ценителей и знатоков отечественного хоррора

ЭКСКЛЮЗИВНО!

КОЛЛЕКЦИОННЫЕ МИКРОТИРАЖНЫЕ ИЗДАНИЯ

Алексей Шолохов

Сборник рассказов
«СТРАХ КАК ОН ЕСТЬ»

Сборник рассказов
«ПОСЛЕДНЯЯ СКАЗКА»

Приобрести можно только в группах ВК:

«Творчество Алексея Шолохова»

vk.com/aleksejsholokhov

и «Альманах REDRUM»

vk.com/redrum_mag

ПОВЕСТЬ

Виктор Глебов
[«Из моря» \(Повесть. Часть 2\)](#) 2

РАССКАЗЫ

Александр Дедов
[«Семантика смерти»](#) 11

Александр Матюхин
[«Я нюхаю твоё лицо»](#) 22

Митя Лазарев
[«Ящик»](#) 31

Евгений Шиков
[«Цыган»](#) 48

Сергей Катукон
[«Эксперимент Барта»](#) 59

Алексей Жарков
[«Ворона и её психи»](#) 67

Валерий Лисицкий
[«Паскудники»](#) 78

Александр Юм
[«Беленькое»](#) 87

Александр Подольский
[«К кошащей матери»](#) 93

Никита Стороженко
[«Тени на дне бассейна»](#) 96

СТИХИ

Ирина Епифанова
[Стихи](#) 104

ОБРУБКИ

Роман Давыдов
[«Одаренный»](#) 105

МАСТЕРСКАЯ

Мария Артемьева
[«Пугать глаголом. Повествовательные формы в хорроре»](#) 106

УЖАСЫ В КАРТИНКАХ

Михаил Артемьев
[«Каппа и путник»](#)
[\(по рассказу А. Шолохова\)](#) 110

RedRum, № 5 (12), сентябрь 2017 | Альманах литературно-художественный, 18+

Главный редактор: Мария Артемьева

Заместитель главного редактора: Алексей Шолохов

Дизайн, верстка: Денис Назаров

Иллюстрации в номере: Михаил Городецкий

Оформление обложки: Виктор Глебов

Москва,

типография «Белый ветер».

Подписано в печать: 12.11.2017 г.

Тираж 70 экз.

Коллекционное издание

Заказ №

REDBOOK

© Издательство RedBook
vk.com/redrum_mag

ВИКТОР ГЛЕБОВ

(Продолжение. Начало в №4(11)-2017).

В предыдущих главах: после ночного шторма, затопившего набережные Города, на берег оказываются выброшенными тысячи странных существ, похожих на моллюсков. Пока ученые пытаются исследовать их, некоторые люди просто съедают неизвестные организмы. После чего поведение этих людей необъяснимо меняется.

ГЛАВА 3.

От земли поднимался коричневатый туман. Он сочился из почвы, путаясь в траве, кустах и ветках деревьев.

Леонид Андреевич смотрел в окно. Он чувствовал себя старым и уставшим: ночное происшествие сильно повлияло на него, не говоря уж о том, что помешало выспаться. В последнее время беспокоило сердце: стоило понервничать, и оно начинало стучать не ритмично, то замирая, то ускоряясь. Жене и сыну Леонид Андреевич ничего не говорил, но накануне втихаря зашёл в аптеку и купил «Корвалол». А вообще надо показаться врачу, конечно. В ближайшие дни.

Этой ночью он впервые принял лекарство. Полегчало.

Кто бы мог подумать, что дурачок способен спалить церковь — или вообще выкинуть нечто подобное? Всегда был тише воды. Вспомнился пожар: чёрный крест в коптящем багровом пламени.

Леонид Андреевич надеялся, что Валеру не сильно помяли. Теперь его наверняка отправят в клинику — не в тюрьму же дурачка сажать?

Ночью Леонид Андреевич слышал, как люди говорили: убогого надо изолировать, а то и дома жечь начнёт — этак весь город спалить можно.

С улицы донеслись крики.

Высунувшись, Леонид Андреевич увидел соседку. Та стояла в своём палисаднике, опершись локтями на забор, и выговаривала каким-то мальчишкам лет тринадцати. Один из них держал оранжевый баскетбольный мяч, другой — очищенную от коры палку, которой медленно водил по земле. Было заметно, что обоим не терпится уйти, но они не решаются прервать таким грубым образом злую тётю.

Прислушавшись, Леонид Андреевич разобрал несколько фраз и удивлённо поднял брови: соседка выбрала странную, нехарактерную для себя тему.

— За такие вещи, ублюдки вы мелкие, — громко говорила Маруся голосом, полным презрения и ненависти, — вы будете гореть в аду, это я вам гарантирую! Сначала истлеют волосы, потом лопнут и вытекут глаза, затем кожа начнёт...

Мальчишки, наконец, не выдержали и, переглянувшись, припустили прочь.

— Куда, сволочи?! — подавшись вперёд, заорала соседка.

Она разразилась отборным матом. Леонид Андреевич поморщился: он никогда прежде не слышал от Маруси бранных слов. Захлопнув окно, накапал себе десять капель «Корвалола»: в груди тянуло с самого утра, но ощущения были неясные: то ли боль, то ли просто дискомфорт. Леонид Андреевич сначала

не хотел пить лекарство «чуть что», но потом решил не рисковать. К тому же на улице было сыро — вон, даже туман какой-то поднялся — а сердечники это, говорят, плохо переносят. Подумав так, Леонид Андреевич невесело усмехнулся: вот он уже и записал себя в хроники. С другой стороны, лучше смотреть правде в глаза.

Нина ушла в лабораторию. Кажется, сегодня к ней должен прийти какой-то химик, чтоб исследовать те гнилые останки, которые она сохранила для анализа. Антон гулял с приятелем — быдловатым Колей. Леонид Андреевич подозревал, что старший брат того балуется наркотиками, и боялся, как бы кто-нибудь из них не подсадил Антона. Впрочем, сын ведь умный мальчик... Хотя... Умный — не умный... Кто только не поддаётся дурному влиянию — и дураки, и гении. Леонид Андреевич тяжело вздохнул и с тоской поглядел на пузырёк с лекарством. Выпить ещё, что ли?

Я

— Ты уверен? — спросил Антон. — Ещё шесть?

Они с Коляном шли очень быстро — боялись опоздать и не увидеть, как тела будут увозить.

— Шесть. Сам видел по телику репортаж.

— Наверное, их уже забрали.

— Да, нет, это было экстренное включение, прямо с пляжа.

Приятель свернули налево и припустили к набережной.

— Слышал про осквернение могил? — спросил Колян.

— Нет.

— Этой ночью кто-то раскопал на кладбище несколько. Трупы достали из гробов и положили рядышком. Репортёр сказал, мертвецы будто чего-то ждали, — Колян усмехнулся. — Родоки пошли проверять, не тронуты ли могилы бабки с дедом. Хотели и меня с собой потащить — еле отбилсь.

— Что ты им сказал?

— Что мертвецов боюсь.

— Мог бы и сходить.

— Очень надо. И потом, кому могилы наших предков нужны?

— Ну, чьи-то же понадобились.

Некоторое время бежали молча. Небо равномерно затянуло серыми тучами, скрывшими солнце.

— Чёртов туман! — на ходу проговорил Колян. — Откуда он взялся?

— Это из-за влажности, — начал было объяснять Антон, но дышалка сбилась, и пришлось замолчать.

Физкультура никогда не была его любимым предметом в школе. И вообще, сильной стороной. Другое дело — Колян. Одни пятёрки, участие во всех соревнованиях, боксёрская секция.

— Понятно, что из-за влажности, — Колян двигался равномерно, как буксир. — Почему он коричневый, вот чего я не понимаю.

На это Антону ответить было нечего. Он подозревал, что дело в ферменте, оставшемся на земле после выброшенных на берег моллюсков, но говорить об этом вслух не решался: версия казалась ему несколько надуманной.

Туман производил зловещее впечатление: густой внизу, он делался прозрачным

на высоте одного метра, но при этом медленно клубился, несмотря на полное отсутствие ветра. Кроме того, он тянулся к морю. Сам. Антон заметил это, когда они с Коляном добрались до пляжа: полосы тумана стелились по песку и плыли над волнами.

Метрах в двухстах левее приятели заметили группу людей и несколько машин.

— Вот они! — обрадовался Колян. — Давай туда.

— Нас всё равно близко не пустят, — заметил Антон, надеясь, что они останутся передохнуть или хотя бы сбавят темп, но Колян только отмахнулся:

— Близко нам и не надо. Подойдём и встанем. Прогнать они нас не имеют права. Тем более, там уже и так народ собрался.

Колян был прав: неподалёку топталось человек пятнадцать любопытных. Даже странно, что так мало.

— Интересно, на этих телах тоже есть следы? — проговорил Антон, едва поспевая за приятелем.

В боку начинало колоть, сердце стучало гулко, как колокол.

Вдруг Колян перешёл на шаг. Похоже, он даже не запыхался — наверное, просто решил, что трупы никуда не денутся, и можно не торопиться. Антон с облегчением остановился.

— Ты чего? — обернулся приятель. — Давай, двигай.

— Шас, погоду.

— Шевели булками, барышня.

Колян коротко хохотнул и достал сигареты.

— Что там ещё за следы? — спросил он, щёлкнув зажигалкой.

— Как будто рыбы объели тела.

— А-а. Ну, и что тут особенного?

— Да, в общем-то, наверное, ничего.

— Почему тогда тебя это интересует?

Приятели приблизились к тому месту, где стояли репортёры, полицейские и, должно быть, криминалисты. До зевак оставалось метров двадцать.

— Встанем здесь, — предложил Колян.

— Судя по отметинам, трупы объели довольно крупные животные, — сказал Антон. — Вроде акул.

— Неужели? У нас, вроде, не водятся.

— Конечно, нет.

— Значит, не акулы.

— Я не говорю, что это были акулы. Но кто-то здоровенный.

— Это ты по телику так хорошо всё разглядел?

Антон кивнул.

— Ну-ну.

— Не веришь?

Колян пожал плечами.

— Я не обратил внимания. Хочешь, подойди вон туда и спроси, нет ли на них укусов.

Антон понимал, что приятель прикалывается: никто его даже близко не подпустил бы к утопленникам.

— Ха-ха, — сказал он. — Зачем мы сюда припёрлись?

— От нечего делать. Может, в кадр попадём. Вон сколько репортёров. Хочешь,

чтобы тебя по телику показали?

— Не особо.

— Врёшь. Все этого хотят.

Антон спорить не стал. Репортёры-то, наверное, тела видели. Когда полиция уедет, можно будет спросить у них, нет ли на трупах ран от укусов. А если они сделали фотки...

— Интересно, откуда Валера взял бензин, — проговорил, прервав его мысли, Колян. — Он же нищий.

— Да слил из машины, — отозвался Антон. — Это ж как два пальца.

— Возможно. Говорят, ночью его здорово помяли. Наверное, теперь посадят.

— Не факт. Он же невменяемый.

— А это ещё как доктор скажет.

— Какой доктор?

— Какой-какой... психиатр, — Колян бросил и затоптал окурок. — Освидетельствование сначала проводят, а потом уж решают: посадить или отправить на принудительное лечение. В любом случае, Валеру мы не скоро увидим. Если вообще... Кстати, ты знаешь, что священник свалил из города?

— Что значит «свалил»?

— Сел утром в тачку и уехал. Насовсем. Сказал, его здесь больше ничего не держит.

— Разве так можно?

— Почему нет? Церковь-то сгорела.

— Но он ведь священник.

— Ну, и?

— Мне кажется, он не должен был уезжать.

Колян усмехнулся.

— И тем не менее.

— Откуда ты знаешь?

— Братан рассказал. Он с корешами ночь прошатался, а часов в семь утра видел, как поп вещички в тачку закидывал. Его люди, которые приютили после пожара, остаться уговаривали, а они им ответил — мол, нечего мне тут больше делать.

— Мрак.

— Да и чёрт с ним. Кому он нужен? Тем более, церкви действительно больше нет.

— Были времена, когда священники проводили богослужение и молились без всяких церквей.

Колян поморщился.

— Давай без лекций, ладно?

Антон пожал плечами.

Его взгляд привлекла тёмная полоса, возникшая на морском горизонте и приближающаяся к берегу. Кажется, она увеличивалась, причём довольно быстро.

— Смотри, что это?

— Где? — Колян обернулся. — Ты о чём?

— Да вон там, вдалеке. Видишь?

— А-а-а... Да.

— Что это такое?

Колян нахмурился.

- Чёрт! — пробормотал он спустя секунд десять. — По-моему, волна.
- Волна?
- Угу. Огромная такая волна.
- Даже ветра нет, — с сомнением сказал Антон.
- Ну, выскажи свою версию.

Полоса тем временем приблизилась к берегу метров на триста. Теперь было видно, что она гораздо больше, чем показалась Антону вначале. Люди на пляже, занятые утопленниками, ничего не замечали.

— Надо их предупредить, — сказал Антон через полминуты, когда стало очевидно, что к берегу действительно приближается огромная волна. — Иначе их смоем.

- Да, наверное, — согласился Колян, но не пошевелился.
- Может, сбегает?
- А успеем?
- Но ведь нельзя же просто стоять и смотреть?!
- Можно крикнуть.

На гребне волны белела пена — её уже было хорошо видно. Секунд тридцать — и вода накроет пляж и всех, кто там находится.

Антон смерил взглядом расстояние до репортёров и полицейских. Наверное, услышат...

Но ему не пришлось кричать. От группы зевак отделился какой-то парень и побежал к морю, размахивая руками. Ему удалось привлечь внимание находившихся на пляже.

— Они не понимают, чего он хочет, — сказал Антон. — Вообще отвернулись от волны и смотрят на него. Теперь точно не увидят и не успеют.

— Господи, она высотой с дом! — проговорил Колян. — Сколько же в ней воды?!

Антон вдруг понял, что приятель прав: волна оказалась чудовищной! Воздух разорвал протяжный гул — словно из ниоткуда появился реактивный самолёт и завис над морем.

Парень, пытавшийся предупредить репортёров и полицейских, остановился и попятился. Помедлив пару секунд, он развернулся и кинулся назад.

Кто-то из операторов, наконец, посмотрел в сторону моря — наверное, услышал рёв.

Через миг на берегу началась паника.

Люди побежали прочь от воды, бросив шесть уложенных в ряд тел и даже какое-то оборудование, но уже было ясно, что не успеют: волна накатила на берег, от неё на песок упала тень. Уши заложило от низкого, почти звериного рёва.

Как замороженный, Антон наблюдал за тем, как несколько тонн тёмной воды обрушились на берег, поглотили трупы и устремились вслед бегущим. Волна подхватила полицейских и журналистов, завертела, потащила вперёд. Некоторые сразу исчезли, другие отчаянно боролись за жизнь, но пена накрыла и их.

— Бежим! — крикнул вдруг Колян, с силой хлопнув Антона по плечу. Что?! Зачем?

Вода их не достанет: они слишком далеко от линии прибоя...

И вдруг Антон понял, что Колян прав: волна быстро приближалась к тому месту, где они стояли, и должна была добраться до них через несколько секунд.

Развернувшись, Антон кинулся следом за улёпётывавшим приятелем.

Спасти удалось только двоих. Несколько человек исчезли в море — даже их тел не осталось на берегу, когда волна схлынула. К счастью, в состав прибывшей на пляж бригады криминалистов входили врачи — они успели откачать одного полицейского и одного оператора.

Собралась толпа. Ждали «скорую». Всё блестело от влаги, но нигде по-прежнему не было ни единой выброшенной рыбёшки. Странных моллюсков, впрочем, тоже.

Антон с Коляном вернулись к берегу, чтобы посмотреть, чем кончилось дело, спустя минут пять после того, как на берег нахлынула волна. Парни стояли возле покосившихся уличных зонтиков, мокрых и понурых.

— Жсть! — проговорил Колян, доставая дрожащими пальцами сигарету. — После той бури началась какая-то фигня, ты заметил?

Антон неуверенно кивнул.

— Эти твари, вонища, пожар, а теперь вот... — Колян кивнул в сторону разложенных на набережной тел. — Журналисты будут в восторге. Те, которые не утонули, конечно.

— Не понимаю, откуда эта волна. Ведь даже шторма нет. И по телику не обещали ухудшения погоды.

— Знаю. Катаклизм, — Колян с трудом выговорил это слово и глубоко затынулся. Антон смотрел на море. Оно колыхалось, как таз на шаткой табуретке.

Сосед-учитель сказал, что на Земле сейчас Эра Водолея — а значит, стоит ждать наводнений, штормов и так далее. Может, они стали свидетелями чего-то такого? С другой стороны, в эзотерику Антон не верил. Во всяком случае, старался себя одёргивать. Он учёный, и происходящему должно быть рациональное объяснение.

— Смотри! — Колян слегка толкнул его в плечо, привлекая внимание. — Чё это за процессия?

Повернув голову, Антон увидел приближающихся к пляжу людей. Впереди шагала Валера, прямой, как струна — оказалось, что он довольно высокий — а за ним — человек тридцать мужчин и женщин. Было даже несколько подростков.

Все они держали в руках канистры, пластиковые бутылки или бидоны. Толпа распространяла запах бензина.

— Это что, наш убогий? — процедил Колян. — Его ж замели! Откуда он тут взялся?

— Наверное, выпустили, — отозвался Антон.

— Да с какого перепуга?

— Понятия не имею. А что с ним за компания?

— Не знаю, но лучше им держаться от меня и моей сигареты подальше. Похоже, они только что не пропитались бензином.

Антону вспомнилось детское стихотворение про лисичек, которые подождли море. Может, и эти люди намеревались сделать нечто подобное? Вид у них был, во всяком случае, достаточно безумный, чтобы попытаться.

Завидев приближающуюся толпу, от группы полицейских отделился сержант и поспешил навстречу Валере.

— Нельзя! — поговорил он, выставив руку. — Здесь не на что смотреть.

Учуяв запах бензина, он нахмурился. Взгляд скользнул по канистрам и бутылкам.

Люди обходили его с двух сторон, не поворачивая голов. От такого игнорирования у стража правопорядка к лицу прилила краска. Он повернулся и схватил Валеру за руку повыше локтя. Дёрнув к себе, повалил на песок.

И в этот миг спутники дурачка остановились. Дружно, словно повинувшись чему-то приказу, поставили ёмкости с бензином.

Антон понял, что сейчас произойдёт нечто страшное. В движениях людей было нечто механическое: они словно лишились индивидуальности и мыслили одинаково.

Невысокий коренастый мужик в тельняшке первым бросился на сержанта. Его примеру последовали другие, и уже через пару секунд на песке образовалась куча-мала, к которой устремились остальные полицейские. Их было человек восемь, не больше. Некоторые вытаскивали дубинки, некоторые — пистолеты.

— Щас начнётся! — сообщил Колян, бросая на асфальт окуроч. — Вот это жесткач!

Похоже, ему перспектива побоища нравилась.

— Надо на телефон заснять, — он полез в карман за мобильником.

Раздался выстрел: один из полицейских пальнул в воздух. Его коллеги принялись охаживать напавших на сержанта дубинками. Как ни странно, никто не кричал.

— Что вы делаете?! — по-базарному заголосила какая-то появившаяся на улице баба, непонятно, к кому обращаясь.

К пляжу подтягивались зрители, а драка была в полном разгаре: Валера со спутниками и не подумали сдаться властям. Численное преимущество было на их стороне, и вскоре большинство полицейских оказались прижаты к песку. Их избивали.

Раздались выстрелы. Двое стражей правопорядка открыли, наконец, стрельбу на поражение. Упал сначала один, потом другой нападавший. В толпе зрителей закричали, кто-то кинулся прочь, опасаясь, что поймает шальную пулю. Застрелили или ранили ещё двоих, но вот одного из стрелявших сбили с ног. Отлетел в сторону пистолет.

— Они их всех прикончат, — сказал Колян. — Они свихнулись!

Антон был согласен. Стало страшно.

Валера тем временем, шатаясь, встал на ноги. По его лицу струилась кровь, к ней прилип песок. Дурачок утерся ладонью и нашёл взглядом свою канистру. Она опрокинулась набок, но благодаря завинченной крышке бензин из неё не вытек. Валера поднял ношу и пошёл к воде. Постепенно за ним последовали остальные. Люди вставали, оставляя на песке растерзанные тела полицейских, подбирали бутылки и шагали за своим странным лидером.

Колян смачно выматерился.

— Их всех прикончат, — сказал он. — Менты такое не прощают. Перестреляют, как собак.

Антон глядел на усеянный трупами пляж и чувствовал, как к горлу подкатывает тошнота. Нет, это не поддавалось рациональному объяснению. Бредущие к воде люди, несущие на себе запах бензина, казались существами из иного мира. При их приближении врачи разбежались — так семейство

зайцев даёт стрекача при виде волка.

Валера остановился у края воды, поставил канистру и опустился на колени. Спутники убогого последовали его примеру. Они не обращали внимания на медиков, робко приблизившихся к мёртвым — или тяжело раненым — полицейским.

— Вот это уже начинает меня реально пугать, — проговорил Колян, до сих пор следивший за происходящим с живым интересом. Он опустил телефон. — Что за сектантство? Решили поклоняться моллюскам, что ли? Так их давно сожгли.

У Антона возникло сильное желание развернуться и побежать. Мчаться прочь и без оглядки, пока море и стоящие на коленях люди не исчезнут из виду, но он будто прирос к земле и не мог заставить себя сделать ни шага. Взгляд его был прикован к распростёршимся ниц.

Зрители, осмелев, придвинулись к пляжу. Некоторые поспешили на помощь медикам, присевшим возле полицейских. В толпе страх сменялся возмущением. Раздались гневные крики, адресованные тем, кто стоял на коленях у линии прибой.

Антон показало, что он слышит несущуюся над волнами молитву. Неужели галлюцинация? Но нет, это Валера со товарищи что-то выкрикивали нараспев. Слов было не разобрать.

— О, чёрт! — Антон вздрогнул всем телом, когда Колян вцепился в его плечо твёрдыми, как железо, пальцами. — Гляди, чувак!

Он указал на горизонт, где поднималась новая волна, ещё больше прежней. Она катилась к берегу, и её рёв поглощал слова странной молитвы.

— Бежим? — спросил Антон, не отводя глаз от волны. Ему показалось, что за ней есть ещё что-то. Тёмная гора, поднимающаяся из моря.

— Погодь! — должно быть, Колян тоже заметил. — Ты видишь?

Антон кивнул.

— Нас накроет, — сказал он. — На этот раз по полной.

— Я хочу рассмотреть эту штуку, — заявил Колян. — Поднимемся на водонапорку.

Метрах в ста от пляжа стояла старая ржавая башня, опутанная цепями. Предполагалось, что они должны помешать детворе лазать по ненадёжной конструкции. Конечно, ребянтю цепи не останавливали. Башня служила постоянным источником недовольства родителей, забрасывавших городскую администрацию требованиями снести её. Однако то ли из-за нежелания муниципалитета тратить бюджетные средства, то ли в соответствии с нормативами пожарной безопасности, железный уродец до сих пор стоял на своём месте, бросая вызов всем, кто пытался его уничтожить.

При мысли, что надо будет карабкаться по держащимся на честном слове опорам, сердце у Антона ушло куда-то вниз.

— Если волна ударит по башне, — сказал он, — мы рухнем вместе с ней.

— Блин, ты прав, — расстроился Колян. — Но надо занять позицию повыше.

Над волной тем временем поднималась чёрная полусфера — словно из моря выкатывался гигантский шар. Он-то и толкал перед собой тонны воды, грозившейся обрушиться на берег в ближайшее время.

Зеваки тоже заметили странное явление. Зная, чем грозит такая волна, люди поспешили прочь. Врачи подхватили двоих полицейских — должно

быть, те ещё подавали признаки жизни — и потащили к машине «скорой помощи», увязая ногами в мокром песке.

— Зря, — констатировал Колян. — Не успеют. Лучше бы бросили.

— Надо валить, — сказал Антон, сбрасывая оцепенение.

Парни побежали трусцой к домам, но всё же не торопились: очень уж им хотелось узнать, что это за чёрная гора приближается к берегу.

— Ладно, надо ускоряться, — сказал Колян. — Иначе потопнем. Такая волна, пожалуй, до Ленинградки дойдёт.

Ленинградская улица пересекала город параллельно пляжу, служа условной границей между курортной и жилой зонами.

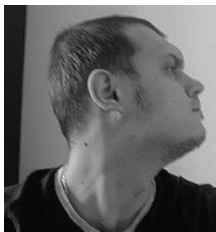
— Поднимемся на последний этаж торгового центра, — предложил Антон. — Оттуда должно быть всё видно.

Чудь подумав, Колян кивнул.

Продолжение в следующем номере.

АЛЕКСАНДР ДЕДОВ

От автора: «Я очень долго был копирайтером. Со всеми вытекающими... Вредительские SEO-статьи, „продажные“ и бессмысленные тексты, хамоватые заказчики и т.д. В этом рассказе я убил свою бывшую работу и всё, что меня в ней так раздражало».

В углу большого кабинета стоял массивный дубовый стол. Рядом, мерно отсчитывая секунды, тикали старинные часы с кукушкой. На западной стене висели яркие гобелены с неизвестной геральдикой; стену восточную украшали многочисленные грамоты и патенты в аккуратных рамочках. Артём и представить себе не мог, что офис похоронного бюро может быть столь уютным.

За столом удобно расположился сухопарый старичок, одетый в строгий костюм чёрного цвета. Он жестом пригласил Артёма сесть.

— Это так замечательно, что вы согласились нам помочь! Ваши предшественники от слов «похоронное бюро» шарахались как чёрт от ладана.

— Деньги не пахнут, — улыбнулся Артём. — Да и поработать с вами — опыт интересный. Мне прежде не приходилось делать рекламу ритуальных услуг. Скажите, а зачем вам, собственно, реклама в интернете? Мне кажется, похороны дело деликатное. Традиционных СМИ-каналов разве недостаточно?

— Молодой человек, прежде чем мы заключим контракт, я хочу, чтобы вы знали, насколько глубоко моя семья привязана к похоронным делам. Нашей компании уже триста лет. Её основал ещё мой прапрадед. Ни у кого нет такого уникального опыта на этом поприще. За три века мы помогли отойти в мир иной тысячам христиан разных конфессий, евреям, мусульманам и даже буддистам. Помню и одного индонезийца. Он и его пожилой отец жили на искусственном острове в Чёрном море, держали рыбную ферму. Когда старик скончался, по доброй традиции народа тораджи, сын периодически выкапывал отца из могилы, и шёл с ним по тропинке к домику на побережье. Он несколько раз вызывал наших плотников с просьбой отремонтировать гроб. Хороший мальчик! В наше время такое почтение к родителям большая редкость.

Артём чувствовал, как спина покрывается мурашками, а внутри живота разливается неприятный холодок.

— А что говорить о наших сегодняшних конкурентах? Им лишь бы закопать человека, забросать курган венками, воткнуть крест в землю, и готово. Они, если выразиться грубо, совершенно не чтят дух смерти! Вы верите в бога, Артём?

— Если честно — нет. Я атеист.

Лицо старика вдруг сделалось добродушным.

— Вера — личное дело каждого. Наша семья верит в смерть, в её персонификацию.

Мы относимся с глубоким уважением к таинству перехода в мир мёртвых, и нам бы хотелось, чтобы люди отправлялись в свой последний путь надлежащим образом.

— Александр Иоганнович, я прошу прощения, но давайте вернёмся к обсуждению контракта. Будут какие-то специальные пожелания к оформлению сайта, баннеров, к контекстной рекламе в интернете?

Седобородый гробовщик глянул исподлобья на Артёма своими глубоко-ими светло-кариими глазами. Казалось, по ту сторону радужек полыхает пламя. Когда Александр Иоганнович заговорил снова, Артём почувствовал себя так, будто упал с большой высоты.

— Это хорошо, что вы такой деловой человек, Артём. Время — это, действительно, величайшая из ценностей. Что ж, главное требование у меня таково: на сайте должны быть отражены пять ключевых парадигм нашего бюро. Первая из них — «ожидание перехода»: предполагает набор услуг на случай, когда человек неизлечимо болен или получил смертельную травму, и его похороны лишь вопрос времени. Вторая парадигма — «подготовка к переходу»: представляет собой стандартный набор похоронных услуг; подходит в случаях, когда человек уже умер. Третья — «отложенное путешествие». Эта услуга была популярна у советских полярников и лётчиков-испытателей, суть её заключается в том, что мы за небольшую плату резервируем для клиента место на кладбище, готовим гроб и венки заранее, чтобы похороны не стали для семьи усопшего обременительной неожиданностью. И четвёртая парадигма — «проводы в последний путь». Здесь всё куда интереснее, фееричные проводы человека на тот свет! Организация поминальной трапезы, оркестр, услуги профессиональных плакальщиц, оплата работы балзамификатора, всё в комплексе!

В каком виде отразить эти парадигмы на сайте — вам виднее. Моё требование заключается лишь в том, чтобы вы их отразили в правильном ключе. Если вы не против, я вернусь к срочным делам, ещё раз спасибо за то, что откликнулись!

Снаружи похоронное бюро «Аэтернум» не выглядело столь же уютно. Здание походило на исполинский чёрный гроб, к которому за каким-то лешим приладили двускатную крышу. Артём не испугался жуткого старика, однако какая-то неприятная оторопь гуляла на рубежах сознания.

Автобусная остановка находилась в паре шагов местного филиала смерти. Артёму повезло: он и автобус подошли к остановке синхронно. Пока бабульки и суровые мощные тётки грузились в салон, парень успел разглядеть рекламу на боку автобуса. Сюжет был довольно мрачным: человек в военной форме и некий абстрактный «террорист» вели перестрелку, откуда-то сбоку, в сторону террориста крался «гражданский» с дувстволкой, на фоне сего действия возвышалась неясная, чёрная фигура, венчала же страшную картину надпись — «Не лезь в чужие дела».

— Вот так эмбиент медиа! — ухмыльнулся Артём.

— Чего?! — на голос оглянулась ветхая бабка и близоруко сощурилась.

— Ничего, бабуль! Реклама, говорю, страшная!

Артём прошёл вглубь салона и уселся возле окна, наблюдая, как по ту сторону стекла проплывают многоэтажки, улицы и скверы.

В кармане завибрировал мобильник.

— Алло, Тёмыч, ну чё там, как дела с сайтом Царства смерти?

— А, привет, Мишаня. Да, если честно, говно какое-то. Хозяин мутный, какую-то хрень предлагает, сам не понимает, чего хочет. Там и бабок, походу, не айс... Не то время, чтобы за идею работать.

— Блин, подстава... Мне за ипотеку надо заплатить, а на работе зарплату задерживают. Если б не декретные жены, с голоду бы подошли... Вот сучара этот гробовщик, прям зла не хватает. Ну ничего, что-нибудь придумаю. Ты держись там, Тёмыч! Прорвёмся.

— Спасибо, и ты держись. Конец связи.

Мишка был талантливым программистом, но дурашливый ребячий нрав и известная доля лени не позволили ему сколотить собственный бизнес. На этот раз Артём посчитал, что несправедливо привлекать к работе старого приятеля: не Мишка нашёл похоронное бюро, не Мишка договаривался, не Мишка будет продумывать концепт проекта вплоть до последней буквы. Как всегда, напишет движок за пару дней и свалит бить баклуши, пока Артём не доведёт всё «до победного». Ну, уж нет, не сегодня! Ипотекой решил на жалость надавить... Ха! Сам коренной — родители через два дома живут, да и у жены мама с папой в соседнем районе — ничего, выкрутятся!

Самообман немного успокоил, лишь где-то в глубине подсознания шевельнулся недобитый зародыш совести, слабёхоньким голосочком пропищал: ты, Артём, жадный убудок!

Уже дома Артём плотно засел за анализ конкурентов. Несмотря на актуальность, ритуальные услуги в Интернете предлагали всего несколько компаний — по пальцам пересчитать. Как сказал бы Александр Иоганнович: «Лишь бы закопать, ничего особенного». Не нашлось ничего и близко похожего на пресловутые парадигмы старого гробовщика.

Ещё до визита в похоронное бюро Артём сверстал «скелет» сайта, осталось только подправить разделы в файловом каталоге и наполнить их текстом, но прежде нужно составить «семантическое ядро». Молодой человек старательно вводил в строку поисковой системы название каждой парадигмы, а позже выуживал устойчивые словосочетания, по которым люди ищут в сети ритуальные услуги. Жутковатое «похороны, заказать онлайн» соседствовало с не менее жутким «ремонт гробов»; Артём сразу же вспомнил того индонезийца на искусственном острове, и живо представил его прогулку с трупом отца.

Артём не боялся мертвецов, но сама щекотливость темы заставляла чувствовать тягучую дурноту. Работа шла с трудом: отяжелевшим от недосыпа мозгам требовалось всё больше кофейно-сигаретного топлива. Не желая делиться гонораром, для нынешнего проекта Артём использовал простенький бесплатный движок. «Полный цикл производства» отнял много сил, зато все деньги достанутся ему.

К утру скелет сайта оброс мясом из текста, картинок и баннеров. Артём сделал и счётчик посетителей. И вот странное дело: ещё ничего не выложено на хостинг в Интернете, а индикатор уже показал одного гостя «онлайн». Что за чертовщина? Артём сглотнул, протёр слезящиеся глаза, глянул ещё раз: на счётчике «ноль».

На столе завибрировал телефон, пришла СМС: «На счёт поступили 42 000 рублей. Платёж: аванс за вёрстку сайта, ООО «Аэтрнум».

Лечь спать с хорошим настроением не получилось: позвонил Мишка.

Предчувствуя неладное, Артём решил не брать трубку. Лунная соната проиграла два раза, два чёртовых долгих раза. Мишка был упёртым малым. Сказать потом, что не слышал звонка? Не поверит.

— Алло!? — Артём крепко прижал динамик к уху, сквозь треск статических помех слышалось тяжёлое дыхание.

— Ну, ты и крыса, Тёмыч. Говно какое-то, говоришь? Хозяин мутный, бабок не айс? — Мишка взял паузу, чтобы перевести дыхание. Артём знал, что любые сказанные сейчас слова прозвучат фальшиво, поэтому предпочёл молчать. — Я звонил в этот Аэтернум, хотел взяться за работу, чтобы хоть какая-то копейка, у меня сейчас вообще голяк... А мне там говорят, что уже некто Артём Скворцов взял заказ. Я сначала не поверил, что это ты, переспросил, сказал, что сам у тебя иногда подрабатываю. Думал ошибка, но нет, ИП «Скворцов», адрес регистрации с твоим совпадает. За что ты так со мной, а, Тёмыч? Я ж всегда к тебе, по первой весточке, а ты... Заказ закрысил?! Не друзья мы больше, Тёмыч, не хочу я с крысой дружить...

На этой тяжёлой ноте Артём положил трубку. С удивительной лёгкостью удалось заснуть. Сны снились мрачные и тревожные: чёрная фигура стояла в тоннеле света и молча наблюдала за тем, как согбенный человечек сидит за компьютером и истерично клацает пальцами по клавиатуре.

Встреча в похоронном бюро была намечена на полдень. По своему обыкновению Артём загрузил демо-версию сайта на портативный жёсткий диск, позавтракал и вышел из дому за полтора часа до назначенного времени.

Вчерашний разговор оставил неприятный осадочек, впрочем, Артём быстро утешился. А что? Мишка-то тоже не ангел — пытался подобрать контракт, что называется, «в тихую», за спиной... Совесть у рекламиста Артёма давным-давно атрофировалась, а сегодня, по всей видимости, отвалилась совсем.

В почтовом ящике парень обнаружил традиционный бумажный «спам». Среди прочих листовок он нашёл престранный буклет: на ламинированной бумаге была нарисована смерть. Сидя спиной к наблюдателю, она играла в какую-то гоночную игру — на мониторе компьютера видно только руки и спидометр, над картинкой крупными буквами алела надпись — «Не играй со смертью».

— Ага, передам водителю маршрутки! — съязвил Артём, однако позже предпочёл поехать на троллейбусе.

В полуденный час дороги обыкновенно пустовали, и до пяти вечера путешествия на общественном транспорте можно было назвать комфортными. Всего за сорок минут троллейбус довёз Артёма прямо до похоронного бюро. Чёрное здание без окон даже в ясную солнечную погоду выглядело зловеще.

Артём сделал глубокий вдох, и вошёл в открытую дверь. Должно быть, Александр Иоганнович очень любил люминесцентные лампы: несмотря на полное отсутствие окон, в помещении было светлее, чем на улице, белый хирургический свет будто бы обволакивал похоронное убранство торгового зала. В воздухе висела лёгкая дымка, пахло какими-то благовониями — в сочетании с белым хирургическим светом атмосфера заведения и вправду напоминала загробный мир.

— Артём, здравствуйте! — старик выплыл из белой мглы, словно лодка Харона. — Пойдёмте в кабинет, вы человек, не привыкший к такой обстановке,

идём-идём, там вам будет уютнее.

Артём охотно согласился и зашагал следом за долговязым и сухощавым Александром Иоганновичем.

В кабинете их уже ждали две чашки кофе и кипа бумаг на подпись.

— Вы получили аванс, Артём?

— Да, Александр Иоганнович. Всё до последней копейки. Уже готовы наработки сайта, у меня всё с собой, на жёстком диске. Можно сесть за компьютер?

— Пожалуйста, присаживайтесь!

— В общем, смотрите, Александр Иоганнович, я разбил сайт на несколько разделов — в соответствии с парадигмами вашего бюро. А вот здесь у нас контактная информация, здесь отдельный каталог товаров, а вот тут — ссылка на главную страницу. Цветовая гамма, расположение баннеров и логотипа могу поменять, если не нравится.

— Всё прекрасно, Артём! Я бы и сам лучше не придумал, вы так живо перенесли мои пожелания в электронный формат. Что ж, давайте теперь подписем оставшиеся документы. Согласно этому договору, с момента фактического запуска сайт является собственностью бюро, любые несогласованные изменения противозаконны. Этот договор на остаток транша по оплате ваших услуг, а вот этот — в подарок. На случай непреодолимых обстоятельств наше бюро обязуется проводить вас в последний путь совершенно бесплатно. Считайте это своеобразным «страховым полисом».

— Спасибо, конечно, за такой подарок, но мне как-то...неудобно. При жизни оформлять договор на похороны, по-моему, как-то кощунственно.

— Вы слишком суеверны для атеиста, Артём. Представьте, что вас не станет внезапно. Всякое может случиться, верно? Вашим родным и близким не придётся судорожно собирать все справки, оплачивать похороны и сопутствующие расходы, смерть — это всегда дело хлопотное, при любом исходе из этого мира в мир иной. А так вы избавите своих родных от большой доли хлопот. Да и потом, этот договор, он ведь кушать не просит? Есть и есть. В конце концов, ваши родственники могут им и не воспользоваться. Я ещё раз повторяю, всё абсолютно бесплатно!

— Наверное, вы правы, — ответил Артём, а сам почувствовал, как по спине разбегаются мурашки. — Где, говорите, нужно расписаться?

Артём кое-что подправил по мелочам и выложил сайт на хостинг. Вот. И отлично обошёлся без Мишки!

В ту же секунду пришла СМС с подтверждением о переводе ещё пятидесяти тысяч рублей. Артём почувствовал какой-то необъяснимый груз на душе. Похоже, погоня за длинным рублём увела его в те области, куда простому смертному лезть не стоит. Артём с тоской глянул на договор о собственных «экспресс-похоронах» и почувствовал подступающую к горлу дурноту.

— Спасибо за заботу, старик, но мне ещё рановато думать о вечности! — с этими словами Артём пошёл на кухню, зажёл газовую конфорку и подпалил треклятый похоронный договор. — Так-то!

Настроение немного поднялось, и Артём лёг спать, чтобы не думать о всякой мрачной дряни. «Ремонт гробов», с ума сойти!

Наутро он собрался было, по своему обыкновению, пойти в ближайшее кафе

завтракать. На прикроватной тумбочке завибрировал мобильник, высветилось имя абонента: «Сестра».

— Женька, привет! Вот так неожиданность, чего звонишь?

— Здравствуй, Тёмчик, — голос Жени дрожал. — Тут такое дело... Мама просила позвонить, — девушка едва сдерживала плач. — Папа в больнице.

— Вот чёрт, а что случилось?

— Ему попался какой-то бракованный инсулин... Он как обычно, укололся, поел и прилёг спать, а потом... Мама с утра просыпается, а он... Весь синюшный... Сейчас в реанимации... Тёмчик...

— Очень хреновые новости... А что врачи говорят?

— Говорят, что вряд ли выкарабкается. Говорят, будут делать всё возможно, но отец уже в ожидании перехода.

— Что... Что ты сейчас сказала?!

— Умирает папа! — сестра всё-таки разразилась громким плачем. — Овощ под капельницей! Артём, ты приедешь? Маме сейчас очень плохо...

— Конечно, приеду... Сейчас мигом в Шереметьево и сяду на ближайший самолёт до Владивостока.

Автобус от метро «Планерная» набился под завязку. Дизельный двигатель нутжно всхрипнул, и машина двинулась в путь. Артём не был во Владивостоке уже пять лет, отец попал в беду и вот он, хорошенький сыночек, только сейчас собрался к порогу родительского дома. Парень испытывал стыд.

Уже в Химках, по пути к аэропорту, поднялась метель. На дворе март, две недели стояла ясная, не по-московски тёплая погода и — на тебе... Подспудное чувство неотвратимого рока нарастало, Артём ужасно беспокоился за отца.

Автобус проторчал в пробке добрых сорок минут, а после, стоило переступить порог аэропорта Шереметьево, объявили об отмене всех рейсов на ближайшую неделю: синоптики прогнозируют мощнейшую снежную бурю.

— Твою мать! Но почему так невовремя, сука?!

Артём нашарил в кармане мобильник и набрал сестру. Заспанная Женька взяла телефон. Ругаясь и нервничая, Артём поведал сестре о погоде, Аэрофлоте и везении в жизни. Сестра — посдержаннее и поблагоразумнее — предложила единственный выход: железную дорогу.

Времени половина третьего дня. Артём зашёл на сайт РЖД с расписанием поездов — ближайший отправляется с Ярославского вокзала в половине первого. Артём решил заехать домой, собрать сумку: поезд — не самолет, ехать неделю.

Обратная дорога домой была столь же нудной и долгой. У себя в квартире на юго-востоке Москвы Артём оказался лишь через два часа. Едва переступив через порог, Артём увидел кипу бумаг, лежащую на столе в прихожей. И сверху — чёртов похоронный договор. Целёхонький. Артём отчётливо помнил, как сжигал прошлым вечером все эти бумажки — одну за другой. Быть может, приснилось?

Шок понемногу отпустил. Артём изорвал договор в мелкие клочья и выбросил в окно. Отец при смерти, и даже самая жуткая чертовщина не могла сейчас отвлечь его от одной ужасной мысли — «Отца скоро не станет».

Закинув в сумку всё, что могло понадобиться для недельного путешествия, Артём покинул квартиру.

В вагоне поезда было тесно от провожающих. Артёму досталась боковушка в плацкарте возле туалета, спасибо, хоть нижняя. Однако, не в его ситуации придирается к уровню комфорта. Эх! А ведь ещё пару дней назад рисовались такие радужные перспективы: отличный клиент с «якорными заказами», удалось отвязаться от вечного прихлебателя Мишки, в одном из ведущих рекламных агентств Москвы предложили работу на полставки... А теперь? Целую неделю трястись в холодной железной коробке, чтобы приехать на порог к горю, боже...

Поезд тронулся. Старики на соседних местах начали рассовывать объёмистую поклажу по всем щелям, а после уселись поглощать копчёную рыбу. Где-то рядом надрывно вопил ребёнок.

Артём воткнул в уши наушники, и, как назло, первой песней в плейлисте попала «Highway to hell», совершенно неуместный аккомпанемент. Эта песня отправилась в небытие. Под звуки какой-то безымянной электроники Артём провалился в сон.

В два часа ночи мобильник завибрировал в кармане.

— Алло, Женька... Я сплю ещё...

— Папа умер, — голос с той стороны звучал с замогильной беспристрастностью. — Его отключили от аппарата искусственного дыхания.

— Что? Ах... — горячая слеза побежала по щеке. — Как всё быстро, как быстро...

— Держись, братик, ты нам сейчас всем очень нужен. Мы с моргом договорились, что до твоего приезда хоронить не будем, подготовим в последний путь...

— Хорошо, Жень, и спасибо... Передай маме, что я её очень сильно люблю.

— Она здесь, можешь поговорить...

— Мама, алло, тебя плохо слышно.

— Артёмка! Сыночек, мы тут т..бя жд..м ч... Приезжай ск... Люблю! — И всё. «Абонент вне зоны действия сети».

Артём не стал сдерживать себя, разревелся, как девка. Хотя они с отцом часто бывали в контрах, подолгу могли не общаться, но всё же любили друг друга суровой мужской любовью. А теперь его нет... Столько всего недосказано, столько ещё можно было сделать...

Удивлённые попутчики шарахались от Артёма, как от прокажённого. Большинство сделали вид, что ничего не замечают, орущий ребёнок услышал мощного конкурента и заткнулся.

Тяжёлая поездка к могиле отца — самая страшная и мерзкая из всех поездок домой...

Артём достал ноутбук: интернет-сёрфинг и просмотр вирусных роликов немного успокаивали нервы. Молодой человек начал было клевать носом под какой-то однообразный документальный фильм, как вдруг браузер открыл вкладку с сайтом похоронного бюро. Фоном пошёл неприятный звук — будто кто-то царапает камнем дерево. Артём выдернул наушники и отключил звук

на ноутбуке. Над вкладками парадигм «подготовка перехода» и «ожидание путешествия» горели иконки с надписью «+1». Трясущейся рукой Артём навлёл курсор мыши на вкладку «подготовка перехода». Посреди пустой страницы висел один-единственный видеоролик: в бородатом седоволосом мужчине Артём узнал своего отца, тот сидел посреди чёрной комнаты, лицо его было встревоженным. Щелчок мыши на кнопку «play» и отец заговорил.

— Артём, здравствуй, сынок! Ты уже наверняка знаешь, что я умер. Боже, как мне тяжело всё это говорить... Сынок, тебя обманул Маммон, вернее, не только тебя... Демон обманул и смерть, заставил работать на себя, а теперь и ты влез в эту кабалу! Ты подписал договор... Теперь каждая парадигма придёт в действие, я не знаю чем тебе помочь. Это всё, что я знаю...— Где-то позади послышался низкий, бас-октава, голос. Тысячекратным эхо он возвестил:

— Хватит болтать, старик, тебе пора! — Отец смотрел сквозь экран глазами, полными слёз, голос его дрогнул, но не успел он произнести последнего слова, как что-то чёрное утащило его во тьму.

Зазвонил мобильник. Это снова была Женька.

— Артём! — сестра еле сдерживала плач. — Ночью был ураган, дерево упало и в электрощитовой морга что-то замкнуло, во всём здании перегорела проводка. Родственников срочно заставили всех покойников забрать. Прости, Артём, всё случилось так быстро. Мы сегодня похоронили отца. Ты не успел...

— Я знаю.

Во вкладке «отложенное путешествие» Артём увидел собственную фотографию, перехваченную чёрной ленточкой. Под изображением красными буквами горела подпись: «Ожидает перехода».

— Ах ты, грёбанный Александр Иоганнович, во что ты меня втянул?!

Артём зашёл на хостинг, залез в файловый каталог сайта и принялся одну за одной удалять страницы проклятого ресурса. Он несколько раз проверил все папки, облазил всю файловую систему и вычистил каждый угол. Обновил страницу похоронного бюро — сайт всё ещё жив! Зашёл обратно на хостинг — все файлы опять на месте, целёхонькие.

Артём истерично вычищал папку за папкой, обновлял страницу браузера, но всё без толку: проклятый сайт снова и снова восставал, будто феникс из пепла. Вздвигнутый до предела Артём не знал, что и думать! Но все же собрался с мыслями и отыскал в записной книжке номер телефона хостинга. Набрал номер, постарался как можно доходчивее объяснить суть проблемы.

— Обновите страницу ещё раз, так, снова всё на месте? Извините, я ничего не могу поделать. Не знаю, почему так происходит... Такое в первый раз, честно.

— Чертовщина! Как такое возможно?

— Не знаю, Артём Валерьевич. Теоретически кто-то мог использовать скрипт восстановления с другого ресурса, но это исключено — я перепроверил. Я свяжусь с нашим старшим программистом, если он найдёт решение проблемы — мы вам перезвоним, — с той стороны повесили трубку.

В вагоне на Артёма смотрели испуганно, кто-то продолжал делать вид, что ничего не происходит. Люди ощущали тревогу, им казалось, что вместе с ними едет душевнобольной человек.

Артём трясущимися руками набрал личный номер Александра Иоганновича. «Набранный номер не существует», — ответил мобильник гнусавым контральто.

Нужно срочно что-то придумать... Единственное, что оставалось, — выйти на ближайшей станции и сесть на обратный поезд до Москвы.

Ближайшая остановка — на небольшом вокзале города Уяр. В кассе сообщили, что ближайший поезд до Москвы будет только утром, в половине девятого. Нашлось и место: снова боковушка возле туалета, только на этот раз верхняя.

Обратный поезд опоздал на сорок минут. В вагоне, набитом людьми под завязку, пахло потом и чем-то кислым. Артём взобрался на полку, выпил несколько таблеток снотворного и уснул. Он проспал целые сутки пути.

Несколько раз звонили сестра и мать. Орали в трубку, требовали объяснить срочность возвращения в Москву. Артём не мог придумать ничего путного, сбивчиво врал, после чего родные перестали выходить на связь. «Абонент временно недоступен», — слова автоответчика вызывали величайшее чувство стыда и страха. Из-за Артёма умер отец, а он даже не приехал его хоронить, не увидел могилу.

Все попытки удалить чёртов сайт были безуспешны, уничтоженные файлы воскресали вновь и вновь, после одного из многочисленных звонков в службу технической поддержки у Артёма сдали нервы и он наорал на диспетчера. Там перестали брать трубку...

Последние километры пути до Москвы прошли в мучительном ожидании какого-то катарсиса, но на душе легче не становилось. Напротив, столичное небо, затянутое пеленой свинцово-серых облаков, казалось затаившим угрозу.

Покинув вокзал, Артём спустился в метро, включил ноутбук и поймал wi-fi. Будто одержимый, он раз за разом пытался удалить сайт, но ничего не выходило. Очередная попытка избавиться от этого электронного наваждения кончилась блокировкой на хостинге.

— Суки! Сволочи! — Артём швырнул ноутбук на пол, вскочил и принялся энергично скакать по несчастью компьютеру. Попутчики старательно делали вид, что ничего не замечают.

Будто ошпаренный, Артём выскочил из вагона, расталкивая людей на станции, понёсся вверх по эскалатору. На автобусной остановке он грубо отпихнул медлительную старушку и под возмущённое бормотание вокруг уселся возле окна. Нервы были на пределе, его всё раздражало: разговоры попутчиков казались слишком громкими, водители машин за окном будто бы специально ехали медленнее, задерживая автобус, даже дождь пошёл назло! От страха и злости сердце бешено билось, Артём крепко стиснул зубы, стараясь найти рациональное объяснение той чертовщине, что творилась с ним. Рекламные щиты, мелькающие за окном, недвусмысленно намекали на бесконечность этого безумия: социальная реклама с неизменно мрачным сюжетом вещала, что Артём доигрался, что деньги не главная ценность в жизни и о последствиях нужно думать, что назад дороги нет. Огромный баннер со сморщенным лицом старухи и надписью «Ты мой» поставил жирную точку в этом ландшафтном повествовании.

Белый ЛИАЗ плавно притормозил на нужной остановке. Артём пулей вы-

скачил из салона и побежал. Уже возле самых дверей похоронного бюро обнаружилось, что вывеска с гордым названием «Аэтернум» куда-то исчезла. Вблизи здание выглядело покинутым: краска на фасаде облупилась, ржавчина покрыла дверные петли, в щелях между кирпичами клочками висит паутина.

— Какого хрена происходит, твою мать?! — Артём с силой пнул дверь, в воздух поднялась ржавая пыль. — Какого, сука, хрена?

— Чего орёшь, полоумный? — сзади нарисовалась согбенная фигура бабки с тележкой, той самой, которую Артём толкнул в автобусе.

— Бабушка, милая, — по лицу рекламиста размазались слёзы вперемешку с соплями. — Скажите, а когда похоронное бюро переехало?

— Тыфу ты, больной!! Какое похоронное бюро? Не было его тут никогда, двадцать лет назад был овощной склад, да и тот закрылся. А ты к врачу сходи, сынок, у тебя голова слабая...

«Я же был здесь, своими глазами видел. Сайт есть, а бюро нет?» — думал Артём, сидя в салоне автобуса. За окном погода сходилась с ума: дождь и снег сменяли друг друга, в перерывах битвы стихий проглядывало солнце.

Артёму снова захотелось своими глазами увидеть этот бессмертный сайт несуществующего бюро. Разбитый ноутбук остался в метро, а телефон, по всей видимости, лежал на самом дне большой спортивной сумки, его никак не удавалось достать.

Кончики пальцев коснулись чего-то хрусткого и шелестящего... Бумага. Артём похолодел. Это же тот самый «похоронный договор»!

— А-ха-ха-ха-ха! Я же тебя уничтожил... Дважды!

По щекам Артёма полились слезы. В салоне автобуса он был единственным пассажиром. Обезумев, Артём ринулся к кабине и сквозь окошко протянул водителю стопку листов.

— Ты что делаешь, придурок!? — огрызнулся усатый толстяк в синей кепке.

— Посмотри, посмотри! — Артём навязчиво совал в руки водителю пресловутой договор. — Я его дважды уничтожил, дважды! А-ха-ха-ха-ха! Посмотри!

Артём с силой дёрнул на себя дверь, отделяющую его от кабины, отворил её и бросил стопку бумаг в лицо водителю — тот не успел среагировать, резко крутанул руль и дал по тормозам.

Автобус на большой скорости вылетел на встречную полосу, лоб в лоб встретившись с огромным грузовиком. Осколки стекла брызнули в лицо.

Артём очнулся. Он сидел на удобном стуле за компьютерным столом посреди тёмной комнаты. Немыслимым образом она напоминала сайт похоронного бюро. Кругом висели буквы, по дальней стене бегал курсор, отовсюду раздавался неприятный звук, будто камни ударяют по дереву...

— Где я? Это что, ад?

— Хуже... — ответил низкий, тысячеголосовой бас-профундо, очень знакомый. Казалось, говорят сами стены.

Артём пошевелил мышкой, загорелся монитор. Стартовой страницей браузера был, конечно, сайт похоронного бюро Аэтернум. Над вкладкой «провода

в последний путь» горела зловещая единичка; Артём сглотнул и щёлкнул по иконке курсором. В это же мгновение пошевелился и щёлкнул исполинский курсор у него за спиной.

Во вкладке Артём увидел свою фотографию: под портретом аела надпись «его провожают в дальнюю дорогу».

— Нет, нет, нет! Этого не может быть...

Артём попытался зайти в свою электронную почту, ввёл логин и пароль, нажал Enter... Браузер вывел на экран сообщение: «Ошибка 666, запрещено соединение с миром живых». Попытался зайти на одноклассники — та же история, Facebook — аналогично, ВКонтакте — снова нет...

Отчаявшись, Артём набрал в поисковой строке «Контакта» имя и фамилию сестры, нашёл её страницу и вскрикнул: Женька выложила одну за другой жуткие фотографии. На них — толпа неизвестных людей в чёрных одеждах, все плачут. Плакальщики... Духовой оркестр в чёрных фраках, снимки плачущих родственников и «селфи» самой Женьки. На последней фотографии Артём узнал себя, лежащего в гробу. «Евгения Скворцова поделилась фотографией сорок секунд назад».

Отвратительный шуршащий звук, будто по дереву бьют мелкими камешками, стих. Посреди темноты открылся проход, ослепительный белый свет очерчивал чёрную высокую фигуру.

— Уже закопали, — пробасил чёрный человек. — Пойдём, провожу!

АЛЕКСАНДР МАТЮХИН

От автора: «Однажды смотрел спектакль, и в нём один актер выкладывался на 200%, душу из себя рвал. И я подумал, что это ведь он для нас, зрителей, старается. Вывуживает из себя эмоции и отдает. А мы сидим в зале и едим его эмоции. Как на ужине. Ну, вот так и пришла идея. В слегка извращенной форме, конечно :)».

Денег на жизнь катастрофически не хватало.

Лиза успела раз десять пожалеть о том, что отказалась от той мелкой подработки в супермаркете. Постояла бы в костюме бутерброда недельку, что такого? Зато платили сразу на руки и каждый день. Так нет же, выиграло тщеславие. «Я на актерском учусь! Мне б в театр, а не в магазине проходим флайеры пихать».

— Сиди теперь без денег, — бурчала Лиза себе под нос. — Доигралась, блин, дурочка.

Она и сидела — на углу кровати, закутавшись в плед. Угрюмо разглядывала через окно желтые стены дома-колодца напротив.

Жизнь складывалась так себе. Во-первых, надо было платить за учебу, во-вторых, за комнату, в-третьих (и это самое поганое) взять денег было решительно негде. Всего полгода назад Лиза насмерть разругалась с родителями и дала себе «честное-пионерское слово», что больше не возьмет у них ни копейки. Папа, видите ли, вздумал читать нравоучения! Не нравится ему, что единственная дочь поехала учиться в Питер! Мало ли, говорит, с кем она там свяжется. Город наркоманов и проституток... Конечно, других-то людей здесь не бывает...

В итоге все шло к тому, что через неделю Лиза купит билет до Владимира и будет униженно просить прощения у родителей. О культурной столице можно забыть, с «актерского» выпрут, да и вообще вся жизнь покатится под откос. Мама устроит каким-нибудь администратором в свою фирму — отличнейшая карьера, о чем еще мечтать? Хорошо хоть не секретаршей...

Не снимая пледа, Лиза прошла на кухню. За круглым столом под светом зеленого абажура сидели Павел Эдуардович и Екатерина Марковна — хозяйева квартиры. Они чуть ли не со времен Хрущева жили здесь и сдавали две свободные комнаты таким вот романтически настроенным студентам, как Лиза.

Хозяйева были людьми хорошими, жить не мешали, в личные дела не лезли и даже время от времени помогали по мелочам. Лизе они нравились как типичные представители интеллигентного Питера, будто сошедшие с экранов старых кинолент. Павел Эдуардович, какой-то профессор на пенсии, постоянно писал научные заметки в разные журналы, а Екатерина Марковна преподавала английский на дому. Лиза иногда даже думала, что наличие таких вот хозяев придает квартире еще больший шарм, нежели Фонтанка или Казанский

собор неподалеку.

— Вы почему же такая грустная? — спросил Павел Эдуардович, едва Лиза зашла. — Ходите, как призрак, ей-богу.

— Тихая какая-то, — подхватила Екатерина Марковна. — Обычно болтаете, рот не закрывается, а сегодня что? Рассказывайте, не томите.

Они пили какао и читали газеты — классический вечер пожилой пары. Лизе внезапно тоже захотелось нырнуть под зеленый свет абажура, в уютную атмосферу покоя и уюта. Она заварила зеленый чай, села на диван и рассказала, как на духу, о проблемах с семьей, о нехватке денег и вообще о тяжелом студенческом бремени. Наверное, в жизни каждого были такие моменты, когда хочется вывалить переживания и горе на первых подвернувшихся людей. Сразу как-то жить легче становится.

Хозяева слушали внимательно. Когда же Лиза заговорила о том, что никак не может найти нормальную подработку, Павел Эдуардович неожиданно взял ее ладонь в свои ладони. Руки у него были холодными и чуть влажными, с морщинистой желтоватой кожей, покрытой множеством тонких голубых вен и темных пятнышек.

— Помните, я говорил вам, что один знакомый из театральных кругов ищет актеров для своего... Как это по-современному... Проекта? — спросил он.

Лиза ничего такого не помнила, но из вежливости кивнула. Несколько раз она говорила с хозяевами о своей будущей профессии. Кажется, им нравилось, что комнату снимает не какая-нибудь очередная девочка-менеджер или юрист, а актриса.

— Я могу спросить, нуждается ли он еще в молодых дарованиях, — улыбнулся Павел Эдуардович. — Миллионы, конечно, не заплатит, но на жизнь, я уверен, хватит. Как вам такая идея?

— Замечательная, — кивнула Лиза нерешительно. Она пока еще не поняла, хорошо это или плохо — когда тебе помогают незнакомые, в сущности, люди.

— Морока с этой молодежью, — вставила Екатерина Марковна. — Вы не подумайте чего, но кругом же деградация! Если съедете, нам же новых придется искать. А где их найти, хороших? Одни курят в комнатах, другие водят не пойми кого. Где культура общения? Где интеллект? Вот у вас, Лизочка, интеллект есть. По лицу вижу. Сразу сказала Паше, что с вами хорошо заживем.

— А давайте я прямо сейчас и позвоню? Чем черт не шутит! — Павел Эдуардович игриво подмигнул, взял в руки старенький, еще кнопочный, телефон. — Ну-ка, где тут у нас... Проклятая записная книжка... Как же его? Толик... Анатолий... ага... Вот! Секунду, моя дорогая, сейчас все уладим. Как в лучших сюжетных перипетиях Шекспира.

Кажется, это была какая-то старая поговорка, которую Лиза не знала. Она вежливо улыбнулась. Вышло так, что сама пришла и сама же напросилась на помощь. Сделалось неловко, но возразить она не решилась.

Павел Эдуардович тем временем прислонил трубку к уху и долго вслушивался. Потом лицо его расплылось в улыбке, он заговорил:

— Толик? Толик, дорогой, это Павел! Да, мой хороший, узнал! Жизнь? Жизнь кипит, знаешь ли. Куда нам, старикам, деваться, кроме как не жить, а? Вот скажи, твоя-то жизнь как? Рад за тебя! Бизнес развиваешь? Дела идут? Проект как? Ага. Я как раз про проект и хотел спросить. Актеров же ищешь? Есть нужда такая, да? Которые с эмоциями? Так вот у меня одна дама на примете.

Хорошая, говорят, девочка. Актриса начинающая. Хочешь пообщаться?.. Ну, это тебе решать, подойдет или нет. Я человек маленький, моё дело предложить. Ага. Записываю. Отличное предложение. Дорогой ты мой человек, в долгу не останусь!

Павел Эдуардович рассмеялся, потом еще минут пять обменивался с неизвестным Толиком любезностями, а сам что-то записывал карандашом в углу газеты.

— Всё улажено, Лизочка, — сообщил он, положив трубку. — У вас послезавтра собеседование. Не подведите меня, хорошо? Ему нужны девушки молодые, студентки. У них, знаете ли, задора больше, рвения. Огонь в глазах у вас есть, это даже я вижу. А дальше уж сами. Милейший человек, этот Анатолий.

— Он видный режиссер. Ставил в Мариинке в девяностых, — добавила Екатерина Марковна и ее губы тронула легкая улыбка. — Не подумайте чего дурного.

Лиза действительно сначала подумала «дурное». Питер, как известно, был отечественной столицей порноиндустрии, и молоденькие девушки, оставшиеся без денег, вполне логично задумывались о начале актерской карьеры не на подмостках театров, а в накрахмаленной постели в какой-нибудь комнатке с видом на Исаакиевский собор.

Бывшая соседка по квартире, девятнадцатилетняя Катенька, как раз была из таких. В Питере она отучилась год то ли на технолога, то ли на дизайнера, потом связалась с кем-то, бросила учебу, а по вечерам просиживала в комнате Лизы, рассказывая о перспективах быстрого и легкого заработка. Да еще и удовольствие получать! Месяц назад Катенька пропала из квартиры вместе с вещами. Хозяйева сокрушались по поводу поиска новых девочек, но пока никого не нашли.

Лиза, конечно, и не думала решать свои финансовые проблемы подобным образом, но когда шла на встречу с Анатолием, проворачивала в голове различные варианты. В современном искусстве запредельная эпатажность стала играть главную роль. Тут не до классических пьес, драм и высоких отношений. Кто-то обливает себя краской на сцене и становится суперзвездой, а кто-то годами учит тексты пьес, вкладывает душу в роль, но видит полупустой зал и седых стариков, дремлющих на передних сиденьях. Мало ли что там у Анатолия за проект...

Его театр располагался в паутине улиц старого Петербурга, среди домов-колодцев, желтых овальных арок, гор мусора и неистребимых луж под ногами. В Питере было полно подобных театров, ютящихся в подвалах или в старых заброшенных домах, будто близость к чему-то низкому, разрушающемуся делало их обитателей ближе к настоящему искусству, наполняло стены театров неповторимой атмосферой, какую не найти в Мариинке или в Большом Драматическом. Хотя, скорее всего, проза жизни заключалась в том, что у бедных театралов попросту не хватало денег на аренду дорогих помещений, и им приходилось выкручиваться подобным образом, создавая легенду об истинном искусстве с запахом плесени, водосточных труб, промокших ног и не выпавших студентов. Лиза и сама навещала в подобные театры, где можно было сидеть со стаканчиком кофе, закутаться в плед и чувствовать себя единым целым с остальными зрителями под низким сводом щербатого потолка. Вот только, поступая на актерский, она мечтала совсем о другом подмостках...

Сначала она увидела фанерку над крыльцом. На фанерке от руки синей

краской было написано: «Проект». Металлическая лестница вела вниз, к крохотной дверце в подвале старого дома.

Лиза спустилась, звоном каблучков по ступенькам разгоняя утреннюю тишину узкого пустынного двора. Дверца была не заперта, Лиза осторожно заглянула внутрь и обнаружила узкий холл, освещенный тусклым желтым светом. Помещение было от пола до потолка обклеено флаерами и плакатами. Со всех сторон на Лизу смотрели очаровательные принцессы, добрые рыцари, бизнесмены с широкой душой, аферисты, одинокие женщины, желающие познакомиться — в общем, обычные типажи стандартных пьес. На всех фото лица людей были закрыты классическими театральными масками, двучетыными, изображающими радость и веселье. Видимо, какой-то творческий ход.

— Дверь закрывайте, сквозит!

За небольшим столиком в углу сидела девушка лет двадцати и вырезала ножницами флаеры. Стол был усеян ворохом бумажных отрывков.

Лиза поспешно закрыла дверь, отрезая лучи солнечного света.

— Вы за билетом? — спросила девушка, не поднимая взгляда. Ножницы в ее руке часто и отрывисто щелкали. — На «Злобную горгону» или «Смех утопленницы»? На завтра уже нет, максимум на четверг и субботу.

— Я по поводу работы. К Анатолию.

Девушка сложила обрезанный флаер поверх аккуратной стопки, кивнула на дверь справа от стола:

— Проходите, по коридору налево, до конца. Не ошибётесь.

Лиза нырнула за дверь в тусклый коридор. Из комнатки вновь раздалось частое щелканье ножниц. Вдоль шершавых, плохо отштукатуренных стен тянулись провода, тонкие и толстые трубы, разбегающиеся вверх и вниз, исчезающие в потолке или под полом. Изнутри труб гудело, булькало и шипело. Под ногами оказалась рассыпана какая-то мелкая желтая крошка. Лампы висели редко, света едва хватало.

Коридор заканчивался кирпичной стеной, справа обнаружилась еще одна дверь. За ней Лиза увидела сплошную густую черноту, будто бы вязкую и вполне осязаемую. Чернота походила на желе, казалось, что если ткнуть в нее пальцем, то воздух задрожит и пойдет волнами.

— Не разгоняйте, уважаемая! — неожиданно попросили изнутри уставшим мужским голосом. — Проходите, прикрывайте дверь. Умоляю, скорее!

Лиза, вздрогнув, поспешила, шагнула в эту маслянистую (так ей показалось) субстанцию, одновременно закрывая дверь. Мир вокруг погрузился в непроглядную темноту. Стало прохладно.

— Проходите, присаживайтесь, — сказали из темноты. Голос был с хрипотцой, старческий.

— Я же ничего не вижу.

— А вы два шага вперед сделайте, нащупаете стул. На него и садитесь... Вы же Лиза, верно? Меня предупредили...

Лиза сделала два неловких шага, выставив перед собой руки. Пальцами наткнулась на мягкую спинку стула, вцепилась в него, обогнула и села. Стул был с боковыми ручками и скрипящим сиденьем.

— Проклятая сцена, — сухо произнесли из темноты. Лиза не могла сообразить, насколько далеко находится обладатель голоса. Эха в помещении не было,

слова растворялись в черноте, едва успев прозвучать. Не желе, а вата...

- Можно включить свет?
- Разве он обязателен? Я вас прекрасно вижу.
- Но я-то вас нет...

Лиза поежилась. Ей почему-то показалось, что таинственный Анатолий стоит где-то рядом. Может быть, около стула. Может, даже склонился над ней.

— К чему вам меня видеть? — спросили из темноты. — Нам с вами на брудершафт не пить. В ближайшее время. Пройдете собеседование — тогда сколько угодно. А нет — к чему эти лишние знакомства?

Выходило как-то совсем странно.

- Я не понимаю...
- Вы на каком курсе учитесь? — равнодушно перебили из темноты.
- На третьем.
- Эмоции показывать умеете? Проходили? Изобразите удивление. Нормальное такое, как будто увидели, скажем... Поющего кита!
- Удивление? — не сразу сообразила Лиза.
- Да-да, к чему тратить время? Переходим к делу. Я жду.

Темнота словно застыла в ожидании. Лизе показалось, что она расслышала частое глухое сопение. В целом же было очень тихо.

— Удивление, значит...

В конце концов, ее пока не заставляют раздеваться и всё такое.

Лиза представила поющего кита. Бредовая такая картинка. Будто из мультфильмов Уолта Диснея. Кит стоял вертикально, опираясь о хвост, и улыбался мощной зубастой пастью. Лиза, создав его в своем воображении, старательно удивилась: склонила голову на бок, чуть приоткрыла рот, подняла брови. Педагог говорил, что на лице можно вылепить любую эмоцию, если знать, что с чем хорошо работает. Каждый индивидуален, и задача актера — выжать максимум из своей индивидуальности.

Из темноты раздался протяженный сопящий звук, словно кто-то втягивал носом воздух. Лиза почувствовала на лице чье-то дыхание... или это был просто сквозняк? Темнота как будто шевельнулась и надтреснутый голос произнес:

- Достаточно. Вот так хорошо.
- Что-нибудь еще? — спросила Лиза.
- Радость. Вы умеете радоваться? Изобразите, пожалуйста.

Это было легко. Лиза растянула губы в улыбке, оживилась.

— Искренне, — предупредили из темноты. — Скажем, вам только что сделали предложение.

Нашелся бы еще парень, который захотел сделать предложение...

Она прижала руки к груди, выдохнула, приоткрыла рот, все еще растянутой в улыбке. Кожа на нижней губе неожиданно болезненно лопнула, и Лиза ощутила, как по подбородку потекла кровь.

— Отлично, — сказали из темноты. Снова раздался этот странный сопящий звук. — Теперь задумчивость.

Лиза вдруг поняла, что не может перестать улыбаться. То есть ее лицо застыло, будто маска. Рот приоткрыт, кровь течет по подбородку, а губы начало пощипывать.

- Я... я не могу, — выдавила она, чувствуя, как дрожат от напряжения мышцы.
- Задуматься не можете? Это же легко.

— У меня улыбка... и глаза... Что-то с моим лицом!

Лиза подняла руки, пальцами ощупала растянутые губы, трещинку с кровью, дотронулась до вздернутый бровей. Она ощущала прикосновения, но казалось, что поверх ее нормальной кожи появилась еще одна, ненастоящая, резиновая что ли?

Лиза хотела встать, но что-то плотное, тяжелое легло ей на плечи и с силой вдавило в сиденье стула. словно сама темнота вдруг обрела вес.

В этой темноте шумно вздохнули. Старческий голос сказал:

— Подумайте о чем-то глубоко, философском.

— Вы не слышали? — пробормотала Лиза с испугом. — Я не могу... Я не могу убрать улыбку... Что происходит?

— Все вы можете, — ответили в темноте. — Постарайтесь, ну же. Я давно не видел задумчивости на прекрасных юных лицах.

— Я не буду... Что это такое? Как вы это сделали?

В темноте перед ее глазами вспыхнули искорки. Лиза почувствовала чей-то невероятно тяжелый взгляд, чье-то присутствие. Пространство вокруг заполнилось движением, теплым воздух лизнул ее по лицу, холодное и липкое коснулось подбородка, раздался свистящий звук, сопение и тихий, скрипучий голос шепнул в ухо:

— Я нюхаю твоё лицо. О, этот чудесный аромат удивления и сладкий запах радости. Лучшее блюдо сегодняшнего дня. Дай мне задумчивость, Лиза, дай мне унюхать твою эмоцию.

Лиза хотела закричать, но что-то забило ей в горло. Темнота, похожая на безвкусное желе.

— Изобрази! — рявкнули в ухо. — Немедленно!

Темнота заколыхалась, подобно покрывалу на ветру. Из глаз Лизы потекли слезы. Она представила, как изображает задумчивость: хмурится, смотрит в никуда, поджимает губы, морщит лоб. Мышцы на лице дрогнули, искажаясь против воли. Уголки губ поползли вниз. Брови изогнулись. Показалось, что чьи-то холодные и влажные руки дотрагиваются до кожи и лепят новую маску, словно лицо Лизы было из пластилина.

— Превосходно, — раздалось из темноты. — А говорила, что не умеешь. Для третьего курса весьма неплохо.

— Зачем вы это делаете? — выдавила Лиза.

— А для чего ты хочешь стать актрисой? Ты получаешь удовольствие от того, что отдаешь чужим людям эмоции. Тебя ведь этому учат, да? Люди приходят в театр, чтобы полакомиться ощущениями. Одним по вкусу твоя радость, другим — грусть. Третьи любят погорячее, а четвертые — чтобы можно было подумать. Ты никогда не задумывалась о том, что актерская игра — это хорошо приготовленный десерт? Лакомство. Людская жизнь сера и невыносима, как ежедневные бизнес-ланчи на работе или бич-пакеты на ужин. Им хочется лакомства. То, что ты называешь искусством, всего лишь чиз-кейк из эмоций. Вкусный он будет или нет — зависит от мастерства, — в темноте откашлялись. — Изобрази, пожалуйста, испуг. Как будто ты увидела таракана.

Пальцы Лизы вцепились в стул так сильно, что она чувствовала, как болезненно отходит ноготь на одном из пальцев. В голове кружился ворох мыслей, но не было ни одной спасительной — той самой, которая по всем законам

жанра должна была прийти в подходящий момент.

Вместо этого она вдруг представила таракана, выполняющего из сливного отверстия раковины. И раковину увидела — старую, с пожелтевшими краями и пучком кошачьей шерсти, намотанном на металлической решетке отверстия... Вновь что-то холодное и влажное дотронулось до ее кожи на лице, растянуло веки, приоткрыло рот, поелозив по потрескавшимся губам, смяло щеки и лоб. Заболела голова — что-то внутри головы! Лиза почувствовала, будто под черепом, в области левого виска, что-то шевелится, беспокойно ерзает, пытается выбраться наружу, скребется лапками... О, этот звук! Внезапная боль заставила Лиза вскрикнуть. Кажется, порвалась кожа на виске, и что-то маленькое и липкое побежало по лицу.

Теперь уже Лиза закричала что было сил. Завопила. Заверещала. Замотала головой, пытаясь стряхнуть что-то, что выбралось из-под ее кожи. А нечто невидимое и маленькое пробежало по подбородку, коснулось губ усиками и... Пропало.

Из темноты рассмеялись.

— Извини. Я просто немного усилил эффект. Вишенка на торте, все дела. Очень вкусно, спасибо! Ты справляешься!

Лиза почувствовала чужое дыхание. Кто-то сопел и втягивал носом воздух. Кто-то нюхал ее лицо. Кожа как будто отслаивалась, какие-то частички, мягкие и твердые комочки под хрупким слоем эпидермиса... Мышцы?.. Может быть, эмоции? Нечто из темноты забирало ее эмоции. Пожирало их, как десерт.

По щекам потекли слезы.

— Не надо так, — сказали, как будто с сочувствием. — Смотри на жизнь проще. Актеришки из театров похожи на многоразовые жевательные резинки, тебе же повезло стать блюдом дня! Ты умеешь изображать боль?

Что он от нее хочет?

— Боль... — мягко повторили из темноты. — Настоящими актерами становятся только через боль. Настоящий актер — это пластилин, из которого можно вылепить что угодно. Если пройдешь тест, я обещаю, возьму тебя на работу. Тебе же нужна эта работа?

Как бы она хотела сейчас сказать «нет», выбежать из комнаты и никогда больше не возвращаться! Прочь из города, в родной Владимир, к родителям, помириться!

Конечно же, чуда не произошло. Что-то из темноты взяло ее за щеки и с силой дернуло. Кожа отслоилась — Лиза чувствовала, как она отходит от черепа, словно луковая кожура — с треском лопается на затылке. А в это время что-то подхватило ее руки и вывернуло локти. Кости сломались, будто сухие ветки. Огненная боль растекалась по телу, и Лиза закричала, не в силах сдерживаться. Ее тело ломали, мяли, изгибали. Кто-то вышиб стул. Лиза упала, кожа с лица сорвалась. В рот, в ноздри хлынула кровь. Крик перешел в кашель. Хрустнула коленная чашечка на левой ноге.

— Великолечно! — сказали из темноты. — Талант!

Кажется, Лизу отпустили. Она лежала в пыли, глотая собственную кровь, в полнейшей темноте, и не понимала, почему все еще жива. Где-то в глубине растерзанного тела трепетало сердце.

— Вы приняты, — голос говорившего дрожал то ли от удовольствия, то ли от усталости. — Нет, правда. Вкус ваших эмоций выше всяких похвал. Мне

нравится. Из вас еще лепить и лепить.

Где-то раздался скрип двери. Полоска света разрезала черноту и ослепила. Лиза не могла моргнуть. Перед глазами замелькали черные и красные точки.

На полу, покрытом пеплом или влажным песком, отчетливо виднелись следы ног — продолговатые, с вытянутыми пальцами и когтями. Нечеловеческие следы.

— Извините, — раздался женский голос той самой секретарши, что сидела в коридоре в холле. — Тут ваш знакомый пришел. Попросить подождать или как?

— Ксюшенька, зови немедленно! — сказали из темноты. — Это даже хорошо! Вовремя!

Любое движение вызывало непереносимую боль. Лиза застонала снова. На земле вокруг лица собралась лужа крови. Кровь забивалась в нос при каждом вздохе. Сквозняк больно резал обнаженную плоть на месте губ и щек.

Дверь отворилась шире, свет залил помещение, осветив ряды кресел с овальными металлическими номерками на спинках, уходящие в темноту.

— Здравствуй, уважаемый, — произнесли с порога, и Лиза сразу узнала этот голос.

— Павел Эдуардович, рад видеть! Какими судьбами?

— Заглянул, знаешь ли, проверить, как проходит собеседование. Как тут наша девочка, справляется?

— Как видишь, — ответили из темноты. — Чистые эмоции. Сложно переоценить. Жемчужинку мне нашли, ничего не скажешь.

— Считай, расплачиваемся за прошлый раз. А то с Катенькой неудобно вышло.

— Катеньку надо было сожрать, и дело с концом. Она больше ни на что не годилась. Не эмоции, а шлак. Проститутка. Никакого таланта.

— Сложно найти актрис, — посетовал Павел Эдуардович. — Город портится. Одни экономисты, модельеры, певицы, бизнесмены. Теперь сюда едут не за культурой, а за деньгами. Представь, мы с утра подали объявление о сдаче комнаты, позвонило шесть человек — и ни один не подходит. Безликие люди. Что за жизнь?

Лиза различила нарастающую в пятне света тень. Павел Эдуардович подошел и присел перед ней на корточки. Сквозь слезы Лиза различила его добродушное полное лицо, вспомнила, какой вкусный кофе он иногда варил по выходным.

— Когда позовешь на ужин? — спросил Павел Эдуардович, дотрагиваясь до Лизино лба кончиком пальца.

— Блюдо должно настояться, — кашлянули из темноты. — Настоящий талант, как вино. Чем дольше срок, тем больше выдержка.

— Будем с нетерпением ждать. Видите, Лиза, я же говорил, что вас примут. В вас есть искорка. Вы такая живая, интересная, не изгаженная городской жизнью. Рад, очень рад, честное слово.

Павел Эдуардович улыбнулся, выпрямился и исчез из ее поля зрения. Вскочив скрипнула закрывающаяся дверь, и комната снова погрузилась в темноту.

— Зрители в моем театре питаются только настоящими эмоциями, — сказали у самого уха. — Каждая роль — главная. Пора приниматься за работу.

Что-то подхватило Лизу подмышки и взвило в воздух. Боль захлестнула, в тело будто впились сотни раскаленных игл. Лизу куда-то несли. А еще казалось, что по обнаженным мышцам лица скользит влажный язык, слизывает что-то...

— Мы из тебя вылепим настоящую актрису, — говорили в ухо. — Станешь звездой вечера. Лучший проект этого года. Это не в порно сниматься, уж поверь.

И не флайеры раздавать в бизнес-центре. Тут настоящее искусство!

Темнота замелькала светлыми пятнышками, будто огоньками ламп под потолком. Потом вдруг стало совершенно светло, и Лиза поняла, что ее принесли к месту назначения.

Вдоль стен были развешены бурые свертки, похожие на коконы, из которых в беспорядке торчали кисти рук с растопыренными пальцами, локти, голени, коленки, пятки... Только это были не коконы, а изуродованные человеческие тела без кожи. Вместо лица у каждого — театральные маски, изображающие грусть или веселье. Кое-где на стенах болтались пустые металлические крючья на цепях. Увидев их, Лиза сообразила, что ее сейчас ждет.

Кто-то, кто нес ее сюда, развернул Лизу к себе лицом.

— Вот и пришли. Это место, где ты станешь великой актрисой, — сказала нечто хриловатым и чуть осипшим голосом.

Лиза завопила.

Она увидела огромный морщинистый нос, выпуклый, покрытый волдырями и бородавками, занимающий большую часть уродливого, неровного, желтого лица. Носом этим существо дотронулось до Лизы, втянуло носом воздух и улыбнулось.

Лиза вопила, когда ее навешивали на тяжелый крюк.

Она вопила, когда металл пронзал кожу и ломал позвонки.

Она вопила, когда нечто, сопя и облизываясь, натягивало на ее обезображенное лицо маску.

Кажется, она вопила даже тогда, когда умелые руки сдирали с ее тела остатки кожи.

Кто-то нюхал ее лицо, кто-то вытягивал остатки эмоций.

Затем свет в комнате погас, и пришла та самая плотная, вязкая чернота, в которой было слышно только возбужденное сопение.

МИТЯ ЛАЗАРЕВ

Автор о себе: «Родился, живу, работаю, пачкаю бумагу. По образованию программист, в душе писатель, в трудовой книжке — технический директор маркетингового агентства. Публиковался в сборниках „Самая Страшная Книга 2015“ и „Самая Страшная Книга 2016“, антологии „Темная сторона сети“ и вебзине „Даркер“».

ЖИТЬЯ

— Киря, проснись!

Звук доносился из вязкой, пульсирующей темноты. Кирилл промычал что-то нечленораздельное и отвернулся, заваливаясь на бок (темнота пьяно качнулась), пока не уперся во что-то мягкое, ватное. Диванный подлокотник, что ли.

Кто-то потряс его за плечо.

— Проснись уже, ну!

В голове изрядно шумело, однако голос проявлял отвратительную настойчивость, ввинчиваясь в мозг не хуже электродрели, и Кирилл сдался. С трудом приподняв отяжелевшие веки, он увидел своего друга Яна, бледная физиономия которого плавала перед глазами, как полная луна.

— Чего? — выдавил Кирилл пересохшими губами.

— Это что, блин, за хренотень?

Его палец указывал куда-то за спину. Недовольно бурча, Кирилл обернулся, хрустнув шейными позвонками. Слипающиеся глаза, покрасневшие от недосыпа, лицезрели безрадостную картину тотального срача: разбросанные всюду пивные бутылки, полупустые пачки из-под чипсов и орешков, подсыхающая возле дверей лужа непонятного происхождения, сваленная в углу одежда (раньше она была свалена на стуле) и сам стул, опрокинутый на спинку. Под окном валялись плоские коробки с остатками пиццы (в одной из них почему-то оказался грязный носок), а завершал натюрморт большой деревянный ящик, водруженный на журнальный столик посреди комнаты, словно восклицательный знак, неожиданно оказавшийся в середине строки.

— Откуда на столе этот ящик?

Киря нахмурился. Сведенные вместе брови отражали мощную работу мысли, происходящую в его голове.

— Понятия не имею, — пробормотал он, наконец. — Это что, такая шутка?

— Какая шутка, — растерянно сказал Ян, и что-то в его голосе побудило Кирилла проснуться окончательно.

— Так че, кто-то принёс нам ящик?

Они посмотрели друг на друга.

— Дверь!

Ян рванул в коридор и тут же вернулся, разведя руки в стороны — задвинутая щеколда исключала любой вариант проникновения извне.

— Ты меня точно не дуришь?

— Да мы же в говно, — пробормотал Кирилл, и это было правдой. — Я глаза-то

еле подрал...

Он попытался восстановить события прошедшего субботнего вечера. Сквозь похмельную дымку прорвались образы девчонок, которых они пытались склеить у метро (лиц Кирилл не запомнил, но у одной из них были шикарные рыжие волосы), посиделки в ирландском пабе, кассирша в «Пятерочке», которую Ян настойчиво звал в гости (она отказалась, хвала богам), прогулка вдоль грибоедовского канала и долгое afterпати в Яновой кухне (разбитый стакан, заряд безудержного веселья, головная боль под утро) — в общем, никакого ящика там не фигурировало...

За напряженной физиономией Яна угадывались схожие мысли. Переступив порог комнаты, он наступил в лужу на полу, но не обратил на это внимания. Теперь загадочный ящик притягивал взгляд, как магнит.

Они обступили находку с любопытством туземцев, рассматривающих упавший с неба космический скафандр.

Ящик выглядел очень старым. Дерево, из которого он был сделан, потемнело, в щелях между плотно подогнанными досками чернела окаменевшая пыль. Каждую стенку, шириной и высотой около полуметра, окантовывали по углам пластинки порыжевшего железа. Кирилл живо представил себе бригантину или какой-нибудь другой старинный корабль, нагруженный подобными ящиками. Он протянул руку и погладил шершавую крышку, ощущая трепет в пальцах.

— Тут шарниры, — показал он и тут же понял, что не хочет открывать ящик.

Ян взялся за стенки ящика и издал возглас удивления, когда тот легко повернулся, словно совсем ничего не весил. С другой стороны обнаружилась кованая латунная ручка, как у сундука. Над ней темнела прорезь для ключа.

— Закрыто, — сказал он, подергав за ручку. — Подожди-ка...

Развернувшись, Ян скрылся в коридоре, оставив Кирилла наедине с ящиком. Тот склонился, заглядывая в замочную скважину. Потом понюхал, но не ощутил никакого запаха, кроме сухих ароматов лежалой пыли и старого дерева. Выпрямившись, Кирилл приподнял ящик и наклонил его, прислушиваясь — если бы внутри что-то лежало, оно бы перекатилось по дну — но так ничего и не услышал. Видимо, загадочный ящик пустовал.

И, хотя возникновение в закрытой квартире постороннего предмета априори не могло сулить ничего хорошего, Кириллу стало немного полегче. Весь фокус заключался в том, что сами по себе ящики, коробки и прочие представители этой братии не казались ему зловещими, какими бы эффектами не сопровождалось их появление — вся соль крылась именно в содержимом, и если оценивать ситуацию с этой стороны, пустой ящик казался куда предпочтительнее полного.

Не успел он перевести дух, как вернулся Ян, сжимая в руках долото и большой молоток. Куда делось его похмелье — лицо друга сияло нетерпением, глаза сверкали, как у ненормального, и Кириллу подумалось, что, наверное, именно так выглядели золотоискатели, обнаружившие признаки золотой жилы под ногами.

— Может, нам не стоит... — начал было Кирилл, но его друг уже пристроил острие долота в щель между крышкой и замочной скважиной. Хватило двух ударов, чтобы хлипкий язычок замка провалился внутрь, и крышка приоткрылась.

Наружу дохнуло холодом.

— Ну-ка, ну-ка, — азартно бормотал Ян. Опустив инструменты на столик, он схватился за ручку и рывком откинул крышку, жадно подаваясь вперед.

А потом они оба уставились внутрь ящика.

Кирилл почувствовал, как пол уходит из-под ног. Шагнув назад, он рухнул на диван, и комната закачалась перед ним, как пьяная — хотя именно в этот момент Кирилл окончательно протрезвел — а перед глазами намертво отпечаталось то, что было в ящике.

Он крепко зажмурился, почти оглушенный барабанным боем крови в ушах, а когда снова открыл глаза (казалось, с тех пор прошла целая вечность), Ян все еще стоял у стола, вглядываясь внутрь ящика — как Кошей, чахнувший над своим сундуком. На миг Кириллу действительно показалось, что перед ним другой человек.

— Ян, — прохрипел он срывающимся голосом.

— Киря, — пробормотал тот, снова становясь похожим на самого себя. — Как это?..

Кирилл поднялся и на нетвердых ногах подошел к ящику.

Внутри была бездна.

Они стояли у ящика, не в силах оторвать взгляда от черноты, клубящейся далеко внизу.

Внутренность ящика представляла собой глубокий колодец с деревянными стенками, уходящий в черноту. Первые три-пять метров были видны достаточно хорошо, освещенные отраженным солнечным светом, глубже следовало, наверное, десятиметровый ствол стущающегося полумрака, плотного, как кисель, а дальше все терялось в непроглядной мгле. Это было совершенно невозможно, учитывая, что ящик стоял на поверхности журнального столика, и внешняя сторона его стенок не превышала и полуметра — ощущение ирреальности происходящего вызывало дурноту.

Из глубин деревянной шахты поднимался холодный воздух.

Слева зашевелился Ян — и прежде, чем Кирилл успел остановить его, засунул руку в ящик. Погрузил ее по локоть.

По плечо.

Пальцы опускались все ниже, не встречая сопротивления. Ян тянулся и тянулся, словно собираясь нырнуть в ящик, и Кирилл судорожно вцепился в его пояс.

— Сдурел?!

Ян выпрямился, и Кирилл неожиданно понял, что друг потрясен — но не выглядел испуганно, в отличие от него самого. Скорее, он был очарован.

— Нет дна, — сказал Ян. — Это не иллюзия. Там действительно нет дна.

Осмотревшись, он поднял с пола бутылку и вновь вернулся к ящику. Кирилл открыл было рот, чтобы остановить его, но ничего не сказал. Предостережения о том, что подобная выходка может таить опасность, были разумны в той же степени, в которой была безумна вся ситуация, однако он понял, что тоже хочет этого.

Хочет услышать звук, с которым брошенная бутылка достигнет дна.

Выставив руку на середину колодца, Ян разжал пальцы.

Бутылка падала вниз, быстро уменьшаясь в размерах, пока ее не поглотила тьма. Они застыли, обратившись в слух. В тишине тикали настенные часы,

и с каждой пройденной секундой росло чувство нереальности происходящего.

Через тридцать секунд Кирилл выпрямился и с грохотом захлопнул крышку ящика.

Они сидели прямо на полу, судорожно глотая пиво — благо, со вчерашнего дня осталось несколько бутылок. Закрытый ящик мирно покоился на журнальном столике — невинный, как младенец.

Ян шевелил губами, загибая пальцы на руках. Через некоторое время он сообщил:

— Не меньше полусотни метров, если учитывать, что с большего расстояния мы могли не услышать звука. Если, конечно, там внизу нет чего-то мягкого, типа пуховой перины. Тогда, возможно, и меньше.

Он сделал глоток. Кирилл мрачно посмотрел на него.

— Какая, на хрен, разница? Что пять метров, что пятьсот — все равно больше, чем полметра.

Он опустил пустую бутылку и покатил ее, как шар для боулинга. Бутылка прокатилась под журнальным столиком — как раз там, где проходил невидимый колодец — не встретив никакого сопротивления, и ударилась о противоположную стену.

— Один фиг, браток. — Кирилл ткнул пальцем в сторону ящика. — Если там внутри не портал в какое-нибудь измерение Икс, то я — Стивен Кинг.

Он хотел было взять еще пива, но передумал.

Проклятая бутылка. Какого хрена они не остановились, пока была возможность?

Кирилл представил, как она летит, кувыркаясь, все ниже и ниже. Сто метров. Двести. Тысяча. Деревянные стенки колодца покрываются инеем, ствол постепенно раздается в стороны и становится земляным, а бутылка все падает и падает — пока, на глубине пары-тройки километров, не застревает в чем-то липком, тянущемся, слабо светящемся в темноте. Это напоминает паутину, и оно здесь повсюду — и очень скоро на вибрации сетей из черных нор выбираются их обитатели. Они спали тысячи лет, но бутылка, пущенная сверху парочкой глупцов, пробудила их ото сна. Сети начинают раскачиваться, скрипят и прогибаясь под тяжестью членистоногих существ, устремившихся к колодцу — туда, откуда доносится еле ощутимый запах свежего воздуха...

Сердце вновь прыгнуло в галоп. Видение было таким ярким, что Кирилл с ужасом уставился на ящик, готовый к тому, что крышка вот-вот откинется и наружу выберется нечто — черное, волосатое и невыразимо кошмарное. В какой-то момент ему показалось, что ящик еле заметно подрагивает, сотрясаемый движением тысяч и тысяч когтистых конечностей, карабкающихся вверх по стволу колодца — однако мгновения спустя Кирилл понял, что тот неподвижен, как бетонная плита.

— Нужно избавиться от него, — тихо сказал он, поднимаясь.

Ян вытаращился на него, как на умалишенного.

— Чего?!

Ян быстро вскочил, очутившись между ним и ящиком. А потом он заговорил — быстро и невнятно, с поразившей Кирилла страстью.

— Кирилл, это же... Это же чудо! Настоящее чудо. Шкатулка Пандоры или как

там её... А ты — вот так взять, и избавиться? Киря, да ты чего?..

Кирилл всплеснул руками.

— Ян, ты нормальный? У тебя на столе — гребаная адская дыра, о которой мы вообще ни хрена не знаем. Откуда взялся этот ящик? Это раз. Куда он ведет? Это два, — он видел, что Ян собирается возразить, и потому повысил голос. — Что может быть там, внизу? Это три... А если там что-то живет, готов поспорить — на кошечек и зайчиков оно не похоже! И это четыре. Хотя, по моему, хватило бы и одного.

Ян часто заморгал, как пропустивший удар боксер. А потом наклонил голову и попер в атаку.

— Да плевать! Чувак, такой шанс! Нужно исследовать... Это же... как открыть шкаф и обнаружить среди рубашек проход в Нарнию!

— Это не проход в Нарнию, Ян, — Кирилл старался, чтобы его голос звучал рассудительно. — Это огромная, мать ее, нора. Как ты собираешься ее исследовать?

— Придумаю... Мы вместе придумаем! Опустим туда лампочку на шнуре, барометр какой-нибудь... Или что там еще... — он отмахнулся. — Это придумаются. Но избавляться... Как? Вынести на помойку? Чтобы его нашел кто-нибудь другой? Или, может, ты хочешь позвонить один-один-два?

— Вывезем в лес и закопаем, — Кирилл пожал плечами. — Сожжем. Разломаем кувалдой, наконец, хотя этот способ выглядит сомнительно. Что, если дыра останется...

Ян категорично замотал головой, и Кирилл вновь поразился нездоровому блеску в его глазах.

— Нет. Нет, ящик останется... И вообще, это не тебе решать. В конце концов, мы у меня дома, и он появился в моей комнате. Это... Это мой ящик!

Повисло молчание. Ян продолжал стоять, загораживая собой ящик, словно Кирилл мог схватить его и убежать.

— И что же, — негромко сказал Кирилл, — ты будешь делать, если ночью из этого колодца вылезет какая-нибудь тварь и нападет на тебя?

Ян криво усмехнулся.

— А я заколочу его перед сном.

Эта фраза словно отрезала последующий разговор, сделав слова бесполезными. Кирилл почувствовал себя жутко уставшим.

— Знаешь что? Хрен с тобой, — проговорил он, опуская руки. — Валяй. Развлекайся... Я иду домой.

Он повернулся, чтобы уйти. Ян поймал его за рукав.

— Никому ни слова! Слышишь? Никому!

Воскресенье прошло отвратительно. Кирилл то валялся в постели, то вскакивал, принимаясь рассказывать по комнате, закусив кончик большого пальца. Головная боль накатывала волнами, не унимаясь, до самого вечера, но все его мысли были заняты ящиком, неведомым образом возникшим в квартире Яна. Проклятым ящиком, с его невообразимым, совершенно фантастическим содержимым. Бездна в глубинах колодца снова и снова представляла перед глазами, и тогда Кирилл падал на кровать, чувствуя во рту отвратительный привкус — железистый, кислый привкус первобытного страха. Членистоногие,

мерзкие существа взбирались по стенкам колодца — гигантские насекомые, омары с чудовищными щупальцами, слизистые плотоядные монстры — нечто с полотен Босха, проступающее из темноты, кипящей массой поднималось вверх, чтобы выплеснуться из ящика, вторгаясь в беззащитный человеческий мир...

Несколько раз он писал Яну сообщения, и получал краткие, все более раздраженные ответы, пока тот, наконец, не попросил не отвлекать его. Ян заявил, что исследует ящик, и результатами поделится позже. Пару раз Кирилл подумал присоединиться к приятелю, но мысли о чудовищах, обитающих в ящике, всплывали вновь, и он оставался дома, чувствуя отвращение к самому себе. Что, если и в самом деле...

Нет, повторял он упрямо — чушь всё это. Колодец слишком глубок, чтобы что-то могло... вскарабкаться.

С другой стороны, герои фильмов ужасов всегда думали точно так же. И что из этого выходило?

Проклятый ящик!

Ночь, вконец разбитый, Кирилл забылся беспокойным сном.

Ян не пришел на работу.

Проспавший Кирилл, примчавшийся в торговый центр к самому открытию, мрачно оглядывал пустые ряды с телевизорами и видеосистемами. Потом, спрятавшись за огромной плазменной панелью, достал телефон и набрал приятеля.

Длинные гудки.

Неприятный холодок заворочался в груди, с каждым новым гудком распolzаясь все шире и шире. Что, если...

— Слушаю, — проскрипел динамик.

— Ян, мать твою, — выдохнул Кирилл.

— О, Киря! — обрадовался собеседник. — Скажи Сергеичу, что я заболел, окей?

— Ты чего не на работе?

— Не могу оторваться, — азартно проговорил Ян. — Это охренеть просто... Как только сможешь, дуй сюда! Я тебе такое покажу...

— Ты спал вообще? — хмыкнул Кирилл, расслабляясь. И чего он только ни напридумывал...

— Да, да... Приходи в общем, понял?

— Заметано, — сказал Кирилл и нажал на отбой.

Первое, что он увидел, переступив порог квартиры друга — огромные бухты с проводами, выстроившиеся в ряд в коридоре. Они занимали практически всё место, оставляя для прохода узкую тропинку вдоль стенки. Комната тоже претерпела изменения — теперь она напоминала мастерскую. Тут и там были разложены инструменты, какие-то проводки, болты и саморезы, половы брезента и листы резины. Под окном появилась большая клетка, в которой попискивали морские свинки — две белые и одна разноцветная.

Ящик оставался на месте. Ян приделал к нему новый замок — тяжелый, амбарный, взамен хлипкого старого замочка.

— Ты времени зря не терял, — хмыкнул Кирилл, глянув на взволнованное лицо друга. Тот скромно улыбнулся.

— Лучше присядь. Рассказ будет долгим, — он указал на диван, и Кирилл послушно опустился на подушки. Сам хозяин квартиры остался стоять.

— В общем, я тут провел некоторые исследования, — начал он, загадочно улыбаясь, — и выяснил много интересного. Смотри внимательно, Киря. Это будет похоже на цирковое представление...

Насмешливо поклонившись, он повернулся к ящику и снял амбарный замок, после чего откинул крышку. Кирилл хотел подняться, так как с дивана не видел внутренностей ящика, однако Ян жестом остановил его.

— Вуаля!

Плавным движением он уложил ящик на бок, открытой крышкой в сторону гостя, и Кирилл вновь, как и в первый раз, ощутил легкое головокружение, когда невообразимый ствол колодца завалился набок, превратившись из вертикальной шахты в горизонтальный коридор, уходящий в темноту.

Улыбнувшись, Ян извлек из кармана оранжевый шнурок и продемонстрировал его приятелю.

— Как видите, это обычный шнурок. В нашем шапито никакого обмана! А теперь...

Взяв шнурок за один конец — так, что остальная часть повисла в воздухе, Ян поднес его к ящику. И, как только рука оказалась внутри, что-то произошло. Дернувшись, свободный конец шнура вытянулся в сторону дна колодца, словно стрелка компаса, к которой поднесли магнит. Кирилл открыл рот.

Довольный произведенным эффектом, Ян вынул шнурок (тот мгновенно опал) и повторил операцию. А потом разжал пальцы, и тонкая оранжевая змейка полетела в темноту, двигаясь параллельно полу комнаты.

— Собственная гравитация, — объявил Ян. — Как бы ни поворачивался ящик... Фокус номер два!

Он нашарил под столом пустую бутылку и поставил ее на пол. А потом, схватив ящик, перевернул его и опустил сверху.

— Алле!

Бутылка исчезла. Вне всякого сомнения, ее унесло вверх, в глубины колодца.

— Неплохо, — похвалил Кирилл. — Но не отменяет того факта, что ее судьба так и останется неизвестной.

Ян развел руками.

— Как ты, возможно, догадался, я пробовал достигнуть дна колодца. — Он кивнул на бухты в коридоре. — В общей сложности, удалось преодолеть примерно восемьсот метров, причем только пять сотен передавались в режиме онлайн — ничего не поделаешь, ограничение работоспособности кабеля... но там, по правде говоря, после первых трех сотен ничего особо не меняется. Быть может, на большей глубине...

Ян смущенно улыбнулся.

— Достать больше кабеля не удалось, да и сматывать столько оказалось весьма затруднительным...

— Это и так больше, чем я мог вообразить, — сказал Кирилл, порядком

заинтригованный, — ты покажешь запись?

— Лучше, — заявил Ян. — Мы повторим спуск! Помоги-ка...

Он поманил Кирилла в коридор, а сам скрылся на кухне, вернувшись через несколько секунд. Перед собой хозяин квартиры толкал громоздкий агрегат, напоминающий гигантскую прятку.

— Берем вон ту бухту, и насаживаем ее на ось — велел он, и они не без труда проделали это.

— Спустимся на три сотни, глубже смысла нет — заявил Ян, вкатывая всю конструкцию в комнату (Кирилл думал, что бухта с кабелем не пройдет в двери, но обошлось). — Сам все увидишь...

Кирилл наблюдал, как он подключал к кабелю миниатюрную камеру и корзинку с металлическим брусом в качестве грузила. Поверх бруска Ян прикрутил маленькую клетку, а затем, прогулявшись до вольера с грызунами, водворил в нее одну из белых морских свинок. Зашуршал кулер ноутбука, разогреваясь. Через минуту Ян вывел изображение с камеры на экран.

— Поехали, — сказал он, и Кирилл переключил внимание на ноутбук.

Ящик установили прямо на полу, на этот раз безо всяких ухищрений — крышкой вверх. Ян перекинул поперек него черенок от швабры, зафиксировал его и опустил внутрь корзинку, пустив кабель по черенку, чтобы вся конструкция оставалась в центре колодца.

— Крутим барабан...

Поднявшись, он принялся медленно раскручивать бухту. Кирилл наблюдал на экране монитора, как клетка с морской свинкой, покачиваясь, опускается вниз. Скоро корзинка оказалась в темноте, однако фонарик на камере довольно прилично освещал влажные деревянные стенки колодца.

— Есть пятьдесят метров, — прокомментировал Ян. — В одно из погружений я опускал в корзинке градусник, так, чтобы его было видно через камеру. Так вот, температура там держится около плюс десяти. И она понижается каждые двести метров, примерно на полградуса.

Кирилл кивнул. Камера продолжала неспешный спуск, вяло покачиваясь из стороны в сторону. Наверное, если направить ее вверх, крышка ящика оттуда покажется не больше спичечного коробка...

— Сто метров.

Никаких изменений. Бесконечная стена влажного дерева, плывущая перед камерой. Так же скучно миновали сто пятьдесят метров, и только потом Кирилл начал замечать что-то новое. То тут, то там камера выхватывала странные белесые подтеки на дереве, напоминающие высушенные водоросли. Постепенно водорослей становилось все больше, и, когда Ян объявил две сотни метров, оказалось, что все стены сплошь покрыты ими.

Кирилл прильнул к экрану, с отвращением рассматривая белесую массу. Раз или два ему показалось, что ветки слабо шевельнулись, подавшись в сторону корзины, но он списал это на игру света и тени. А вот то, что случилось потом, он видел совершенно отчетливо.

Одна из водорослей, отслоившись от стены, выстрелила в стороны корзины, как змея, целя в клетку. Раздался испуганный визг морской свинки. Крупная капля крови набухла на ее мордочке и покатилась вниз. В тот же момент новое белесое щупальце ударило откуда-то сзади, вызвав новый визг. Белая

шерстка несчастного зверька окрасилась красным. Корзинка между тем безжалостно опускалась все ниже, навстречу оживающим стенам, хищно сужающимся вокруг добычи.

Кирилл вскочил на ноги, бросив яростный взгляд на друга, наблюдающего за его реакцией с любопытством натуралиста, скармливающего тарантулу живого кузнечика.

— Ты что творишь, придурок! Тащи ее назад!

Ян поднял руки, показывая, что больше не крутит бухту, и пожал плечами.

— Бесполезно, Кирилл. Я забыл сказать тебе — тут задержка сигнала в пятнадцать секунд. Бедняжку уже сожрали...

Вопли раздираемой на части свинки перешли в сплошной визг. Шагнув к ноутбуку, Кирилл захлопнул его пинком ноги, борясь с желанием наступить сверху.

— Это какие-то черви, — радостно пояснил Ян, начиная крутить бухту в обратную сторону. — Они совершенно слепые, ясное дело... некоторые пытались закусить камерой, всю ее измазали какой-то слизью...

— На хрена ты это сделал?!

— А что? Это всего лишь крыса...

Кирилл оттолкнул его, и Ян врезался в стену, клацнув зубами.

— Она ведь живая! По-твоему, это прикольно? Я...

Ян не отвечал, сползая все ниже и ниже. Нижняя губа крупно дрогнула, а потом он закашлялся, закрывая рот ладонью, словно удар вышиб из него дух.

— Эй, ты в порядке?

Кирилл опустился на корточки рядом с другом.

Ян никак не мог остановиться. Спазмы сотрясали его грудь, пока он не застыл, обессиленно привалившись к стене.

— Чувак, прости... Ты как?

— Нормально... Нормально, — Ян отмахнулся. Вытер руку о футболку. — Ты здесь ни при чем... Я просто немного простыл. Из этого колодца, знаешь ли, здорово дует.

Он кашлянул еще раз — мелко, будто сухую ветку переломил, и виновато улыбнулся.

— Ты прав, я слегка увлекся. Просто... это все так интересно. Там живой мир, Киря. Там есть жизнь. Я хотел показать тебе это.

— Видеозаписи вполне хватило бы.

Кирилл опустился на пол рядом с приятелем.

Ящик чернел в другом конце комнаты, холодный и чужой.

— Только задумайся, что может скрывать эта бездна... Была бы камера помощнее, и достаточно кабеля... — проговорил Ян.

Кирилл хмыкнул.

— Осади, сынок. Это дело — для каких-нибудь институтов, чтоб им занимались ученые в специальных скафандрах, со всяким оборудованием и всем таким, а не два чувака, впаривающие телики молодым мамашам. Я думаю, надо нам позвонить им... Куда-нибудь. Ведь это же сенсация, мать ее.

— Да, да... — Ян задумчиво посмотрел на ящик. — Наверное, мы так и сделаем, в конце концов... Но только не сегодня.

Он замолчал, но Кирилл и так все понял.

Сегодня они — единственные на свете владельцы фантастического артефакта,

врат, ведущих в чужое измерение... Обладатели невероятной тайны...

Стоит проболтаться, и они вновь станут обычными парнями, продающими телевизоры в магазине электротехники.

— Не сегодня, — тихо сказал он.

Работа не клеилась — на вопросы покупателей Кирилл отвечал невпопад и всячески старался свернуть разговор, чтобы вновь остаться наедине со своими мыслями. Сказавшись больным, Ян и вовсе забил на все, просиживая целые дни у заветного ящика.

Они разжились еще одной бухтой с кабелем, удливив его суммарную длину до тысячи двухсот метров, и в тот же день вновь спустили корзинку с камерой. Изображение на экране ноутбука проплыло ряд белесых червей, с вялым интересом исследовавших камеру, и погасло, как только Ян пустил в дело вторую бухту. Но посмотреть запись не удалось — примерно на половине последней бухты кабель повело в сторону, а потом он бессильно обвис. Несколько минут они сосредоточенно вращали бухты, а потом Кирилл многозначительно посмотрел на приятеля, демонстрируя рваный разрез, с торчащими в разные стороны остатками изоляционной обмотки.

Ян грустно повертел в руках оборванный конец, где недавно была его камера, и закашлялся. В полумраке комнаты он действительно выглядел больным.

— Возможно, перегрузили... Длина-то ого-го какая...

— Конечно, — хмыкнул Кирилл. — Как же...

Он зябко поежился. В комнате было довольно холодно.

— Не удивительно, что ты простыл. Смотри...

Пол вокруг ящика покрывала тоненькая корочка инея. Обойдя вокруг, Кирилл приподнял крышку. С шарниров посыпалась белая пыль.

— Ты вообще его закрывал хоть раз за эти дни?

Ян виновато развел руки в стороны. Только сейчас Кирилл обратил внимание, насколько бледна кожа приятеля.

— Ты хотя бы из дома выходил?

— Да как-то не до этого...

Кирилл решительно захлопнул крышку ящика.

— Одевайся, мы идем в паб.

Теперь все их разговоры сводились к одному и тому же. Ян заявил, что намеревается добыть червей со стенок колодца и попробовать переселить их в аквариум для более тесного знакомства. Разглагольствуя, он практически не пил, с нездоровым блеском в глазах повествуя о новых и новых исследованиях, которые он намеревался произвести. Кирилл слушал все меньше, с беспокойством наблюдая, как мертвенная бледность наползает на лицо друга. То, как он тяжело вдыхал, переводя дух между предложениями, как то и дело шмыгал носом, вытирая его рукавом, как глухо покашливал в ладонь, наводило на мысль, что Ян серьезно болен.

— Ты в порядке? — спросил он, когда Ян в очередной раз взял паузу, чтобы хрипло отдышаться.

— Честно говоря... Бывало и лучше.

Ян выглядел озадаченным. Он рассеянно пощупал лоб, проверяя температуру.

— Давай по домам, — Кирилл поднялся. — И не торчи сегодня больше у этого ящика!

— Окей, босс!

Они простились у Таврического сада, и Ян заковылял в сторону дома. Кирилл сделал несколько неуверенных шагов, глядя в его удаляющуюся спину. Приятель шел, низко опустив голову, обхватив себя руками, несмотря на довольно теплый вечер. Возможно, следовало проводить его...

— Глупости, — пробормотал Кирилл. — Он и сам...

Ян упал, не дойдя до перекрестка.

Мать твою!

Когда Кирилл подрос, Ян уже сидел, прислонившись спиной к парковой ограде. Хриплое дыхание вырывалось из широко открытого рта.

— Ты чего, ну?!

— Голова что-то закружилась...

Кирилл помог ему подняться.

— Пошли, провожу.

Они перешли дорогу и свернули в проулок. Кирилл поддерживал Яна, которого ощутимо косило в сторону.

— Давай, еще чуток. Почти пришли...

— Воздуха не хватает... Воздуха, — бормотал Ян. — Домой, домой...

— Еще чуть-чуть...

Они миновали двор-колодец, пустую улицу, еще несколько домов (хриплый звук, вырывающийся из груди друга, здорово пугал Кирилла), и, наконец, очутились у Яновой парадной.

— Не раскисай, ну? Осталось всего ничего...

Пустая квартира встретила холодом. Кирилл буквально втащил Яна внутрь.

— Погоди, сейчас скорую вызову...

Он достал телефон и снял блокировку, лихорадочно вспоминая, как звонить в больницу с мобильных. Неожиданно Янова рука вцепилась в запястье.

— С ума сошел? — прошепел Ян, страдальчески сморщившись. — У нас же...

Он кивнул на дверь комнаты.

— И что? Ты посмотри на себя! Спрячем, да и все...

— Не звони, — попросил Ян. — Мне уже лучше...

В подтверждение своих слов он поднялся и, качнувшись, скрылся в комнате. Кирилл отправился следом.

— Как знаешь... Я тебе не мамочка.

Он остановился в дверях.

Ян стоял посреди комнаты, глубоко вдыхая холодный воздух. Его уже не штормило, на лице появилась легкая улыбка. А еще — Кириллу показалось, что он ослышался — дыхание приятеля выровнялось, хрипы исчезли.

Белое пятно инея вокруг ящика увеличилось в размерах. От него разило холодом, как от ледяной глыбы. Нижние углы покрылись слипшимися зернистыми снежинками.

— Пошли на кухню, — сказал Кирилл, не сводя взгляда с ящика. — Чаю

горячего выпьем...

— Ты иди... Я сейчас.

Пожав плечами, Кирилл отправился ставить чайник. Когда он вернулся, Ян сидел на диване, укутавшись в теплую кофту. Ящик стоял перед ним — крышка была откинута.

— Клинь клином, что ли? — усмехнулся Кирилл. — Ты в своем уме?

— Мне уже лучше, — повторил Ян. — Так что там с чаем?

Несмотря на пугающий приступ возле паба, дома Ян действительно ожил, и Кирилл покидал его без угрызений совести. В конце концов, сам сможет вызвать себе скорую, если совсем прижмет, не маленький...

Однако, чем дольше Кирилл задумывался об этом, тем беспокойнее ему становилось. Что-то нехорошее случилось с его другом. Вообще Ян обладал завидным здоровьем, и вряд ли какой-то сквознячок мог так прохватить его... Скорее, дело в ящике — в том, что скрывали темные глубины колодца. Ток воздуха — холодный, влажный, дыхание подземелья, отравляющее атмосферу... Что, если ящик источает ядовитые испарения? Выделяет какой-нибудь вредный газ?

Если подумать как следует, оставлять столь опасную находку себе было безумием...

Ян позвонил ранним утром, когда Кирилл заканчивал завтракать.

— Киря, срочно приезжай!

— Что-то с ящиком?..

— Да! Забей на работу, мухой сюда!

Голос Яна звенел от возбуждения. Наскоро одевшись, Кирилл помчался к другу.

Ян, открывший дверь, был облачен в теплую куртку с капюшоном и зимние штаны с подкладом.

— Разболелся, что ли? — начал было Кирилл, но приятель отмахнулся, затащивая его в квартиру.

— Смотри!

Комната стала пещерой.

«Это не по-настоящему», подумал Кирилл, переступая порог.

— Я забыл закрыть крышку на ночь, — трещал под ухом Ян, — а когда проснулся...

В комнате царил полумрак — тяжелые шторы были задернуты. Пол, стены, потолок — все вокруг поросло белой травой. Незастеленный диван оказался единственным темным пятном в царстве молочного цвета. Вокруг открытого ящика трава росла особенно густо — древние стенки были полностью скрыты буйной растительностью. Кириллу показалось, что трава слабо шевелится.

— Наверное, этот ток воздуха из колодца поднял какие-то семена, — продолжал Ян. — И они отлично прижились...

Кирилл опустился на корточки, осторожно касаясь ладонью молодой поросли. Потом, ухватив длинный росток, с трудом сорвал его и поднес к глазам.

На траву это походило мало. Поверхность сорванного растения сплошь

состояла из ромбовидных чешуек, с черными вкраплениями в мутных белесых глубинах — точь-в-точь крошечные, затянутые пленкой слепые глаза.. Стебелек венчало круглое утолщение, похожее на бутон.

— А ты не думал, — прервал он разглагольствования друга, — что это могут быть ростки тех червячков, сожравших твоих свинок?

Ян отмахнулся.

— Не смешивай флору и фауну, паникер. Смотри...

Не давая другу вставить слово, Ян шагнул в самый центр лужайки и улегся на пол.

— Видишь? Они безопасны...

— Тебе откуда знать? — Кирилл окинул взглядом комнату. — Как ты здесь жить собираешься?

Укутанный в теплую куртку с капюшоном, Ян выглядел совершенно удовлетворенным.

— Разберемся... Ты главного не видел.

Порывшись в кармане, Ян извлек маленький фонарик.

— Смотри...

Лампочка брызнула тусклым фиолетовым светом, и Кирилл ахнул от неожиданности.

Воздух вспыхнул сотнями крошечных светящихся точек, похожих на маленькие звездочки. Они плавали в свете луча, будто пылинки, источая слабое голубое свечение.

— Охренеть...

Кирилл поймал одну звездочку на ладонь и поднес к глазам. Крошечное, с игольное ушко, полупрозрачное существо, похожее на медузу, лениво дрейфовало в воздухе, загребая непропорционально длинными щупальцами. На его глазах туловище малютки вспучилось, мутнея, пошло судорогами, а потом раздалось, разделилось надвое — и новорожденные медузки поплыли в разные стороны...

— Ультрафиолет, — продолжал Ян. — Попробовал вчера наудачу — и вот...

Он взмахнул фонарем, оставив в воздухе загадочно светящуюся полосу.

— Красиво, правда? Эй, что с тобой...

Кирилл стоял, вытаращив глаза; ладони крепко стиснули рот и нос, закрывая лицо. Крошечная звездочка, влетевшая в ноздрю Яна, еще секунду подсвечивала переносицу изнутри, а потом пропала.

— Кирилл?

Сорвавшись с места, тот пинком захлопнул ящик и, схватив Яна за шиворот, поднял его на ноги.

— Ты чего...

Не слушая возражений, Кирилл вытолкнул Яна в коридор, хлопнув дверью. Только тут Яну удалось освободиться. Изумленный, он смотрел на приятеля, тяжело вдыхающего воздух.

— Ты дышишь этой дрянью четвертый день, — отрывисто сказал Кирилл. — Эта твоя болезнь... Как я сразу не понял?!

— Я и сейчас не понимаю, — признался Ян.

— А ну пошли, — Кирилл ткнул пальцем во входную дверь. — Быстро...

Едва дождавшись, пока Ян зашнурует, он вытолкнул друга на лестничную

площадку.

— Дай сюда.

Вывапив фонарик, Кирилл внимательно осветил все вокруг. В воздухе обнаружилось несколько медуз, лениво дрейфующих у самого потолка.

— Ну и?

— Нужно было сразу же от него избавиться, — пробормотал он.

— Тебя так напугали эти светлячки? Они ничего такого...

— Да ты совсем спятил с этим ящиком, — громко сказал Кирилл. — И я тоже хорош... Твои хрипы. Забыл? Ты же в обморок чуть не грохнулся, там, у Таврического. А когда вернулись, живо в себя пришел. Как тебе такое?

— Думаешь, это связано с...

— А с чем еще? Сколько этих хреновин залетело тебе в легкие? Как они там проживают, интересно — может, уже основали небольшую колонию?

Ян побледнел.

— Пойдем, — Кирилл схватил его за рукав и потащил к лестнице. — Пойдем, подышишь свежим воздухом... Посмотрим, как им это понравится!

— Кирия, да ты чего...

Они едва ли не кубарем скатились вниз.

— Погоди... Погоди, — пыхтел Ян, едва поспевая за приятелем, перевшим вперед, как танк.

— Сюда!

Кирилл усадил его на скамейку, примостившуюся у черного хода во дворе-колодце. Встал рядом, пытливо глядявываясь в лицо приятеля.

— Ну, как?

— Дышу, — раздраженно сказал Ян. — Почему бы тебе не... Не...

Он вздрогнул, с удивлением посмотрев на грудь.

— Как странно...

— Что?

Ян медленно поднес руку к груди, словно хотел проверить, бьется ли еще сердце. Его лицо испуганно вытянулось.

— Жжется...

Неожиданно он выгнулся дугой, издав страшный хрип.

— Ян!

Кирилл вцепился в его плечи, удерживая на скамейке.

— Дыши! Нужно продышаться, давай!

— Кирия! — прохрипел Ян. — Жжется! Уйди!

— Онидохнут! Давай, дыши, мать твою!

— Нет! Домой! Пустиииии!..

Его грудь подымалась-опускалась, как кузнечный мех, будто Яна становилось больше под разбухающей курткой. Он хрипел и корчился, вращая глазами, а Кирилл что-то кричал, но не слышал сам себя. В его руках, сквозь подклад рыбьего меха, под курткой Яна двигалось, ворочалось, пузырилось...

Яркой вспышкой обрушился удар. Двор крутанулся, и сквозь радужные круги в глазах Кирилл увидел удирающего Яна — слепо растопырив руки, тот нырнул в темную арку.

В ушах звенело.

Кирилл уперся в холодную землю, пытаясь подняться, но все вокруг крутилось,

крутилось, крутилось...

А потом звуки стали далекими, словно доносились сквозь толщу воды, и в рухнувшей тишине он услышал нещадно колотящееся сердце.

Он закашлялся.

Из подворотни выглядывали любопытные, привлеченные криками. С трудом поднявшись, Кирилл проскользнул мимо них — серые лица оборачивались вслед, плавно, будто во сне. Порыв ветра, всасывающийся в арку, подталкивал в спину холодными пальцами. Впереди в ватном безмолвии неся поток машин.

Неужели он ошибался? Неужели из-за него...

Тук-тук. Тук-тук.

Кирилл вывалился из арки, и оглушительный грохот улицы обрушился со всех сторон. Оттолкнув кого-то, он распахнул парадную дверь и нырнул внутрь, обратно в пыльную тишину.

На лестнице темнело что-то продолговатое. Фонарик Яна. Подняв находку, Кирилл продолжил подъем, подсвечивая себе фиолетовым лучом.

Дверь квартиры приятеля была приоткрыта. Плотный поток прозрачных существ, загадочно мерца в свете фонарика, стелился под потолком — словно ручеек, стекающий вверх по лестнице.

Прямо в открытое окно.

Невесомые тела, подхваченные сквозняком, уносились в небо, похожие на искры костра. И — делились, делились, делились...

Вытащив из кармана платок, Кирилл плотно обмотал лицо.

Он постоял перед дверью, прислушиваясь. В квартире было тихо.

Вспомнилось мягкое, пузырящееся под курткой. Словно кипящий студень... Словно ком белесых червей.

Кирилл содрогнулся. И вошел внутрь.

Что-то мелко поблескивало на полу в полумраке коридора — зеркало с дверцы шифоньера было разбито вдребезги. Осколки тоскливо хрустнули под ногами.

— Ян! — негромко позвал Кирилл, останавливаясь у дверей комнаты. Из темноты донесся протяжный вздох.

— Ты там? — спросил он, хотя прекрасно знал ответ. Поплотнее прижав платок ко рту, Кирилл шагнул вперед.

Окно по-прежнему скрывали плотные шторы, и молодая поросль неведомого растения смутно белела в полумраке.

— Стой.

Ян стоял у окна, спиной к двери, отодвинув тяжелую ткань, словно высматривал кого-то на улице.

— Ты... Как?

— Мне хана, — проговорил Ян спокойным, чужим голосом.

Он продолжал пялиться в окно. Куртка, висевшая лохмотьями на его спине, странно топорщилась в стороны.

— Чувак, прости... Я думал, это поможет, — сказал Кирилл поднимая руки. — Теперь мы просто...

— И тебе тоже, — продолжил Ян, обращившись.

Кирилл завопил.

Грудная клетка Яна была раскрыта, словно чудовищная книга; полы разорванной куртки висели на растопыренных, в обрывках посеревшей обескровленной плоти, ребрах. Два продолговатых, склизких, надувшихся мешка легких густо расцвели бутонами сизого цвета с плотными листьями, проросшими прямо сквозь мясо, как сквозь решето. Между ними слабо пульсировал бесформенный овал сердца, а чуть ниже, в белой пене и слизи, поблескивали ленты кишок.

Застывшее, пепельного цвета лицо Яна оскалилось.

— Я могу пощупать собственный желудок. Смотри...

Вытянув руку, он продел ее через рваную дыру на куртке, сквозь клетку ребер — и, запустив ладонь в кишки, сжал кулак. Влажноватое мясо просочилось между пальцев.

Кирилл сорвал платок, и его вырвало. Согнувшись, он блевал, обильно орошая пол, и никак не мог остановиться.

— Мне совсем не больно, — тихо сказал Ян. — Это, наверное, какой-то наркотик... У меня будто мозги замерзли, чувачок.

— Ян, — прокашлял Кирилл, и новый приступ рвоту швырнул его на колени. Это длилось не меньше минуты, да так, что в глазах заплескали радужные точки.

— Гребаная хрень... Откуда мне было знать?

По лицу Яна струились слезы. Сделав пару шагов вперед, он оказался у открытого ящика.

— Откуда мне было знать?! — заорал он в бездонный ствол колодца.

Кирилл отодвинулся от дымящейся лужи на полу, судорожно прижимая к губам грязный платок, и вжался в стену, стуча зубами.

— Ты прав, я надышался этими тварями... Они принялись, отлично приняли, — захихикал вдруг Ян, наставив палец на Кирилла. — Ты скоро узнаешь, ты ведь тоже дышал! Ты тоже дышал!

Глаза Яна сделались совершенно черными. Зарывав, он принялся рвать сизые бутоны, вырывая куски плоти, хохоча и рыдая одновременно. В открывшихся проплешинах копошилось что-то длинное, трубчатое, невыразимо чужое...

А потом, издав дикий вопль, безумец перевалился через край ящика и исчез в недрах колодца.

Кирилл сидел на берегу Финского залива, неподвижно глядя в ночное небо. Руки ныли от тяжелой работы, на пальцах набухали свежие мозоли, оставленные лопатой.

Позади, на глубине полутора метров, в земле покоился заколоченный ящик. Кирилл знал, что яма вышла слишком мелкой, но на большее у него просто не хватило сил.

Какие же они были тупицы...

На крышку ящика ушли все найденные у Яна гвозди. Он снова и снова ударял молотком, и лишь когда последний гвоздь по шляпку вошел в старые

доски, счел, что сделал достаточно.

Зачем, зачем они вообще открывали это долбаный ящик?!

Здесь, в тени старого леса, достаточно далеко от любого жилья, ящик мог гнить в земле десятилетиями, пока древние доски не обратятся в труху или не окаменеют. В любом случае, это было уже не важно...

«Ты дышал! Ты тоже дышал!»

Кирилл сидел на холодных камнях, глядя в темное небо.

Крошечные невидимые существа из ящика действительно обладали невероятной приспособляемостью... А еще они делились. Чудовищно быстро делились.

Крупная слеза скатилась по его щеке.

Две особи давали четыре. Четыре — восемь. Восемь — шестнадцать. И так далее, до совершенно головокружительных чисел в поздних поколениях...

Нашарив в камнях Янов фонарик, Кирилл направил его в небо и нажал на кнопку.

В воздухе лениво плавали, игриво светясь в голубоватом свете луча, мириады невесомых медуз.

ЕВГЕНИЙ ШИКОВ

От автора: «Рассказ написан для одной из «Фантлабораторных работ» и не является космохоррором в полной мере. Если присмотреться к тексту, то можно увидеть, что это классический хоррор с заменой сеттинга (что и делает его полностью непредсказуемым). В качестве издёвки я, к тому же, добавил в повествование множество «пасхалок». Ни одна из них по отдельности не раскрывает сюжетные повороты рассказа, но самые внимательные читатели, наверное, догадаются о сути происходящего чуть раньше, чем остальные».

Соседом Чандера оказался Коля Серебрянников по правую руку и Ваня Месяцев по левую. Для них это был уже не первый полёт, так что они, не суетясь, залезли в свои капсулы, затянули ремни и, позёвывая, стали ждать укола, изредка перебрасываясь словами. Чандер к тому времени только-только устроился в своей капсуле и теперь пытался нащупать на ремне зажим. Ему почему-то казалось, что и ремни, и зажим, и даже он сам находились вовсе не на том месте, где должны были находиться по инструкции.

«Это всё она, — подумал Чандер. — Карга старая, сволочь такая».

— Вася! Ты что, оглох?

Вздвогнув, Чандер понял, что его окликали уже несколько раз. Серебрянников, улыбаясь, смотрел на то, как он пытается справиться с ремнём.

— На груди, — сказал он. — Забыл, что ли?

— На груди? — Чандер вдруг вспомнил и стал застёгивать ремни чуть ниже подбородка. — Точно! Вначале на груди надо...

— Ты не бойсь только, понял? В первый раз все нервничают, ничего страшного.

— Ну да.

— У меня, — подал голос Месяцев, — в первый раз так руки тряслись, что ремни застегнуть не мог. Думал, сейчас анабиозка подойдёт, увидит, что не справился, и скажет — всё, братан, вылезай, приехали, нам такие придурки в космосе ни к чему! Потом только узнал, что даже если рваться будешь — усыпят и пристегнут. Правило у них такое, — все капсулы должны быть заполнены. Без исключения. А тогда, конечно, боялся.

Чандер, наконец, застегнул последний ремень и, выдохнув, положил голову на мягкий подголовник. Серебрянников поймал его взгляд и, улыбнувшись, подмигнул. Чандер тоже улыбнулся.

«Вот тебе, старая», — подумал он.

— Слышь, Вася? И каково это? Первым в своём роде? — спросил Месяцев.

Чандер попытался пожать плечами, но из-за стягивающих его ремней ничего у него не получилось.

— Не знаю. Что-то вроде... Знаете, что мне брат сказал? Цыганам в космосе не место, говорит. В космосе лошадей нету.

— Так и сказал? — рассмеялся Месяцев. — Ну, ты даёшь. А остальные чего?

— Чего... — Чандер вдруг почувствовал жгучую потребность выговориться. — Я позавчера к матери пришёл. А она, как услышала — прокляла.

— В смысле?

— В смысле — сказала, что проклинает меня. Что, если я туда полечу, обратно я не вернусь никогда. Сказала, что я нарушаю замысел Божий, что лезу туда, куда не должен соваться... много чего говорила.

— Плюнь и разотри, — Месяцев стал вдруг очень серьёзным. — Не думай даже об этом. Лучше думай, как обратно вернёшься, и что ей тогда ответишь. Нормально всё будет.

— Да я знаю, — Чандер вздохнул. — Но всё равно стрёмно.

— Так, мальчики, готовы? — к их капсулам подошла девушка в светло-зелёном халате. Чандер вдруг страшно засмутился своей наготы. — Кто первым будет?

— Вася будет, — Серебрянников качнул головой в сторону Чандера. — Он у нас в первый раз на орбиту летит, нервничает.

— Не нервничаю... чуть-чуть только, — сказал Чандер, наблюдая за тем, как девушка протирает его руку наспиртованной ваткой. — А как это будет?

— Как-как... Как сон, — она достала из медпояса шприц и освободила его от упаковки. — Через четверо суток очнётесь. И, при нахождении в капсуле, в любой аварийной ситуации ваши шансы выжить возрастают в два с половиной раза...

— Какие ситуации, девочка? — спросил Месяцев грубым голосом. — Чего каркаешь?

Девушка, смутившись, посмотрела на Чандера.

— Ну да, что я говорю? На моей памяти никаких ситуаций и не было...

— А как я проснусь? — спросил Чандер. Его слегка колотило.

— С улыбкой, — она вогнала иглу ему в руку и нажала на поршень.

«Странно, — подумал Чандер. — Лечу в космос, а шприцы такие, будто мне в школе манту делают».

— Вы не почувствуете ни погружения в сон, ни пробуждения, — девушка вытащила шприц и прижала ватку. — Для вас всё это будет как монтажная склейка в фильме, понимаете? Моргнёт — и вы уже на орбите, выбираетесь из своей капсулы.

— Всё хорошо будет, не ссы, — опять заговорил Серебрянников.

— И самое главное, — продолжала девушка, доставая второй шприц и направляясь к Месяцеву, — будет ощущение долгого и здорового сна. Все люди выходят из анабиоза с улыбкой на лице, уж поверьте. Наша компания заботится о том, чтобы пробуждение было одним из самых приятных моментов в...

Он попытался пошевелиться и ударился о железо так, что воздух вышвырнуло из лёгких. Захотев подняться, поскользнулся, упал, закричал. Подняв голову, увидел огромное смотровое окно, в которое светила Земля, крупная, цветная, далёкая.

Обернулся, приходя в себя. Света не было. Лишь мигала красная «аварийка». Громыхало металлическим, неприятным.

— ...в спасательных капсулах! Всему персоналу станции срочно направиться в блоки D и C и занять свои места в спасательных...

Чандер поднял руки, присмотрелся, и, вздрогнув, отшатнулся от них, пытаясь убежать, будто это были не его руки, а какие-то гадкие существа, отдельные

от него и ему не принадлежащие. Затем опустил взгляд, осмотрелся.

Кровь. Везде кровь. В свете родной планеты он увидел целые потоки крови, заливающие обломки капсул, разбитых, разорванных на части, и какие-то предметы, напоминающие то ли подушки, то ли детали одежды...

Люди, понял он. Люди, разделанные, как жареные куры.

— Эээээй! — Чандер, всхлипывая, направился к двери в другой отсек. — Кто-нибудь! — он бессознательно водил руками по своей груди, рукам, голове, стараясь избавиться от измазанного его красного, но ничего не получалось — он лишь размазывал его ещё больше. Под ногами было липко. — Э-эй!

Дверь была выбита, будто что-то просто прорвалось сквозь неё, огромное и яростное. Чандер подошёл к пульту и, набрав код, прибавил свет. Обернулся.

— Г-господи, — он почувствовал, как холодеют ноги, и вцепился в стену, чтобы не упасть.

Капсулы были разбросаны по всему отсеку, расплюснуты, вжаты в пол, некоторые оставались в своих гнёздах, но что-то вырвало из них людей, вытаскило сквозь рваные края пробоин в пневмостекле. Некоторые тела были почти не тронуты — лишь голов не было на тех местах, где они должны были быть, у других отсутствовали ноги, или руки — и долгие кровавые следы обозначали траекторию попыток сбежать. Ползком, пытаясь забиться в угол или под пульт управления.

«Ты не вернёшься оттуда...» — вспомнил он.

Подняв глаза, Чандер увидел над собой переплетение кабелей, с застрявшими в них телами, частями тел и разбитыми капсулами.

«Оттуда, — понял он. — Оттуда я и упал... там я и проснулся».

Он набрал ещё один код. Запросил съёмку со станционных камер наблюдения. Металлический голос, раз за разом предлагавший мертвецам переместиться в блоки D и C, оборвался, но уже через секунду заговорил вновь.

— Недостаточно прав для просмотра данных. Пожалуйста, введите оперативный код.

— Оперативный код? — Чандер оглянулся и сглотнул. — Что за код такой?

— Всеми персоналу...

— Да пошла ты в жопу, дрянь! — Чандер ударил по панели. — Персонал дохлый весь!

На сверкающей огнями панели остался кровавый отпечаток его кулака. Чандер, обернувшись по сторонам, заметил кусок рваного железа, поднял его и тут же выронил — острые края обрезали ему руку.

— Твою мать, — он осмотрелся, затем нагнулся, поднял окровавленные обрывки проводов, вырванные из какой-то капсулы, и стал аккуратно обматывать ими один из краёв железки. Наконец, у неё появилось подобие ручки, и Чандер, ухватившись за неё, двинулся к выходу. Когда он пролезал в разорванную, окровавленную дверь, ему даже не пришлось пригибать голову.

«И ты думаешь, что сможешь противостоять ЭТОМУ с какой-то железкой в руках? — зазвучал внутри его головы голос матери. — Ты останешься здесь, в черноте, там, где тебя даже Бог не видит. Ты никогда не вернёшься».

— Заткнись, карга, — сказал ей Чандер, пробираясь по коридору. — Заткни свою глотку, ведьма дряхлая! Я твоего проклятия не боюсь.

Пуля ударила в стену чуть выше его головы, и, срикошетив, полетела дальше,

ударяясь о стены.

— Не стреляйте! — заорал Чандер. — Я член экипажа! Чандер Васильев, техник-настройщик!

— Вот чёрт! — из-за переплетения проводов вышел мужчина в серебристой форме. — Простите меня. Вы не ранены?

— Нет... Вроде нет.

— Просто я услышал, как кто-то идёт, какое-то бормотание... Простите ещё раз.

— Хорошо, — Чандер слотнул. — А откуда у вас оружие?

Мужчина приблизился к нему. Высокий и слегка тучный, двигался он легко и мягко. Пистолет он держал, направив стволом вниз.

— Я Андрей Полнов, сотрудник службы безопасности станции, — представился он. — Нас... было четверо, но теперь только я остался.

— Что произошло? — Чандер указал рукой себе за спину. — Там такое...

— Что ты видел? — Полнов обхватил рукоять двумя руками и направил пистолет Чандеру за спину. — Оно ещё там? Ты видел его?

— Кого? — Чандер слотнул. — Кого я видел?

— Существо? Ты его видел?

— Нет, — Чандер покачал головой. — А вы видели?

— Если бы видел, я бы с тобой не разговаривал, — он опустил пистолет. — Серёга Фазов видел, и Мунсон, и майор Волков тоже... Они оставили меня прикрывать спины, а сами направились в блок D, с оружием... Недалеко ушли. Я слышал, как оно их убивает, но когда прибежал, всё уже закончилось, а оно ушло в другой блок. Мне просто повезло. Что ты видел?

— Ничего... трупы только. Я очнулся от удара, вокруг — трупы... Я в капсуле был.

— В капсуле? — Полнов вдруг напрягся. — Только прилетел?

— Да, наверное... А что такое?

— Ну да, конечно, ты же голый, — Полнов потёр голову, морщась от боли. — Первый сигнал был как раз оттуда. Вы что-то подцепили, пока к нам летели.

— Что? В каком смысле — подцепили?

— Какую-то тварь, не знаю. Вначале мы думали, что к вам прицепились китайцы или ещё кто, чтобы станцию захватить, но потом... Они все кричали, и все разное... Вы что-то принесли с собой из космоса, и во время стыковки оно проникло сюда. И начало убивать.

— Как в «Чужом»? — спросил Чандер. — Какого-то инопланетянина? Серьёзно?

— Не знаю, — покачал головой Полнов и, повернувшись, направился дальше по коридору. Чандер поспешил за ним. — Но это существо за несколько секунд разорвало в клочья трёх хорошо обученных вооружённых бойцов. Они только и успели, что пару раз выстрелить. А ещё капитан включил код семнадцать шестьдесят, что очень, очень плохо.

— Код? Мне панель трещала о каком-то оперативном коде...

— Это код заражения. Помнишь «Лунную»?

— Да. Помню. Все люди пропали, станция осталась, — Чандер вздрогнул. — И что?

— Это код семнадцать шестьдесят. Заражение неизвестным вирусом, имеющим неземное происхождение. Капитан обязан уничтожить весь экипаж. Они проходят к спускапсулам, а борткомпьютер просто отсоединяет их без герметизации. В один момент две сотни человек вышвырнуло в открытый

космос. Ни одного не нашли.

— Господи, это правда?

— Должно быть. Этот код известен очень давно, — Полнов вдруг остановился и повернулся к нему. — Ты должен знать, что станция теперь не на нашей стороне. Капитан увидел что-то такое, после чего включил программу уничтожения всего живого.

— Но... Если это не вирус, то зачем...

— Не знаю. Может быть, он решил, что только так можно эту тварь уничтожить? Со времён «Лунной» систему сильно усовершенствовали. Не проходи сквозь открытые двери, предварительно их не заблокировав. Не подходи к шлюзам и иллюминаторам с пневмостеклом. Держись подальше от высокого напряжения. Не доверяй гравитации. Бортовой компьютер включает и выключает её по своему усмотрению. Не смотри направо.

— Что? — сбитый с толку Чандер посмотрел, и у него перехватило горло. Они шли вдоль огромного смотрового стекла, за которым, не спеша, в самых странных позах, крутились мёртвые тела. — Это сделал компьютер?

— Да. И с тобой он то же самое сделает, если расслабишься, — Полнов вздохнул. — Я очень надеюсь, что и тварь эту он так же выбросил, уж очень долго её не слышно... Но, может, она просто-напросто спит, — он подошёл к чуть подсвеченной стойке, открыл её и, вытащив комбинезон, бросил его Чандеру. — На, одевай. А то ходишь тут, в чём мать родила.

Поднявшись по неудобной лестнице, они оказались в блоке Е. Чандер, осмотревшись, увидел, что и здесь оно побывало — на стенах потёки крови, на полу разбросаны небольшие предметы, к которым не хотелось присматриваться, — и раскуроченные стенные панели, будто кто-то рвал их, просто чтобы насладиться своей силой.

— Здесь, — сказал негромко Полнов, — Здесь ещё один.

— Что? В каком смысле? — Чандер сжал рукоятку крепче. — Их было несколько?

Полнов достал из кармана небольшую ручную панель.

— У службы безопасности станции свои секреты. Доступ к камерам и управлению нам сразу же отрезали, но эта штука компьютером не управляется, — он потряс панелью. — Датчики движения. Когда всё закончилось, осталось только четыре движущихся объекта. Один — я. Второй — ты. Ты был ближе всего. Третий — здесь, в экоблоке. Четвёртый — в грузовом отсеке. Так что это может быть и оно.

— Зачем тогда... Какого хера? — Чандер прижался спиной к стенке коридора. — Я туда не пойду. Оно же нас уничтожит!

— Возможно, — сказал Полнов. — Но других вариантов выжить у нас нет. Либо ждать, пока оно нас найдёт, либо найти его, когда оно... Спит, или отдыхает. К тому же скорость передвижения слишком мала.

— А почему ты за ним не следил? Если знал его скорость?

— Слишком много движения, — Полнов облизнул губы. — После встречи с ним... Люди какое-то время ещё двигались, понимаешь? Из-за этого отследить его не удалось. Я думаю, что здесь всё-таки ещё один выживший. Но даже если это оно... Мы должны, понимаешь? Это наш единственный шанс.

Впереди, из раскуроченной двери экоблока, на пол коридора полосами

падал свет. Полнов шёл впереди, сжимая в руках пистолет, Чандер, часто оглядываясь, шёл за ним, выставив перед собой своё самодельное оружие.

— Слышишь? — спросил его Полнов.

Чандер кивнул. Внутри экоблока кто-то был — слышалось шуршание, кто-то двигался сквозь ряды растений, задевая иногда листья. Пригнувшись, Полнов проскользнул внутрь, и, не разгибаясь, двинулся по спирали в центр блока. Большинство растений были не повреждены, лишь изредка приходилось переступать через разорванные клумбы. Однажды им встретилось выпотрошенное тело человека в залитом кровью халате, но всё же создавалось ощущение, что существо заглянуло сюда лишь мельком. Поглядев вверх, Чандер увидел заляпанное кровью обзорное стекло, за которым всё так же висела Земля.

«Неужели они так и не пришлют к нам помощь? — подумал он. — Они же не могут нас просто бросить!»

Впереди зашевелились листья. Полнов прицелился. Подняв руку, он показал Чандеру три пальца. Затем два. Затем один. Затем...

— Вот так, — женский голос раздался так неожиданно, что Чандер вскрикнул. Полнов, дёрнувшись, опустил пистолет. — Всё правильно, теперь ты не умрёшь. Теперь выживешь...

Одним прыжком Полнов перескочил через клумбу, и голос женщины перешёл в визг, захлебнувшийся сдавленным мычанием. Перебравшись через клумбу, Чандер увидел Полнова, пытающегося успокоить окровавленную грязную женщину. Заткнув ей рот ладонью, он старался другой рукой прижать её к полу, но женщина всё время вырывалась. Наконец, Полнов не выдержал и залепил ей пощёчину. Женщина замерла и уставилась вверх остекленевшим взглядом. Полнов аккуратно убрал ладонь с её рта.

— Рано, — сказала она абсолютно спокойным голосом и недружелюбно посмотрела на Полнова. — Как вы смеете меня бить?

— У вас была истерика, — сказал Полнов. — Извините.

— У меня два высших образования, молодой человек, — женщина поднялась на ноги. — А у вас хорошо, если техникум. Так что держитесь от меня подальше, — она вновь посмотрела вверх. — И всё-таки, рано.

— Что рано? — спросил Чандер.

— Рано подрезать усы. Я совсем забыла, что мы в космосе, понимаете ли. На Земле я всё делала точно в срок, даже выпустила несколько садоводческих календарей, представляете? А тут? — она махнула рукой вверх. — Я забыла, что тут нельзя ориентироваться на небесные светила, они тут, чёрт побери, всегда одинаковые! Ты прости меня, — сказала она, нагнувшись к каким-то кустам. — Ты же понимаешь, что я хотела как лучше? Я забыла, что я не на Земле и эта чёртова Луна сбила меня с толка. Ну, прости.

— Как вы выжили? — спросил Полнов.

— Главное — вовремя подкармливать и не позволять этим чёртовым автоматам, — она кивнула на раскуроченные машины, из которых вяло сочились вода, — чрезмерно увлажнять почву, понимаете? Если бы не я, тут бы почти ничего живого не было.

— Нет! — Чандер подошёл к ней и положил руку на плечо. — Существо? Вы его видели?

— Какое ещё существо? — она потёрла в лоб и вдруг уставилась ему прямо

в глаза. — Ах, вы про него? Да, он тут основательно нагадил, это верно.

— Так вы его видели?

— Мой горох, — она вдруг заплакала. — Он вытоптал мой горох. Я так долго прибираюсь за ним, но всё равно работы ещё очень, очень много! А ещё я не могу вспомнить, какой сейчас день и месяц, и эти чёртовы планеты, которые всегда одинаковые...

— Что это? — перебил её болтовню Полнов. — Как оно выглядело? Это был прищелец?

— Прищелец? — она удивлённо покачала головой. — Не думаю, что это прищелец, о нет. Мне он показался весьма, знаете ли, земным. Да. Думаю да, он пришёл не из другой галактики. Просто когда взлетал корабль с капсулами, он как-то прицепился... да. Да! — вдруг вскрикнула она. — У меня же должны быть записи, а там — и календарь!

Она попыталась было двинуться к выходу, но Полнов ухватил её за руку и вернул на место.

— Что это? Как оно выглядит? — он взял женщину за плечи и несколько раз встряхнул. — Ну?

— Выглядит? — она задумалась. — Знаете, я не думаю, что он злой... Я не думаю даже, что он вообще понимает, что такое зло или добро. Он не выглядел злым или дьявольским... Хотя, может, дьявольское в нём что-то и было, не знаю... Я думаю, он был просто голодный, понимаете? А когда он голодный, он кушает, — она скосила взгляд в сторону, на окровавленные внутренности, лежащие поверх рассыпанной земли. — Он же не виноват, что, кроме нас, здесь кушать нечего, понимаете?

Чандер вновь посмотрел вверх. Та же планета, те же звёзды. Вдруг его страх ушёл. В этот момент он понял, что всё это правда, всё, что сказала его мать. Он понял, что никогда не вернётся на Землю, что никогда не сможет покинуть эту проклятую станцию. Ему стало спокойно, и даже если бы прямо сейчас на него выползло что-то огромное и страшное, он бы не испугался.

— Я просто легла вот сюда и присыпала себя землёй, — продолжала говорить женщина. — Он порвал моего ассистента, я, правда, всегда забываю, как его зовут, то ли Фуль-Мун-Чу, то ли Чу-Мун-Фуль, я его называла всегда просто Чу, а вот теперь, знаете, он ведь умер. И я, наверное, должна вспомнить его полное имя, понимаете? А я не могу. Получается, что бедный Чу умер, а вокруг не было ни одного человека, знающего, как его зовут... И, как он его порвал, то взялся за какую-то девушку — она забежала сюда просто так... Он, собственно, за нею и пришёл, так что она, в какой-то мере, сама виновата... Ну, в общем, её он трепал немного подольше... Забрызгал всё кровью и всяким... Наверно, потому и не нашёл — я-то в землюю легла, да сверху зеленью накрылась, да ещё и в крови вся... Не нашёл, не смог...

— Достаточно, — Полнов вздохнул и вытащил панель. — Хватит. Вы пойдёте с нами, — он показал Чандеру панель. — В грузовом движении, но совсем медленное. Скорее всего, раненый.

— Но, если и там раненый, — Чандер покачал головой. — Где тогда оно?

— Может быть, снаружи, — пробурчал Полнов. — Где ему самое место.

— А что, если он может там выжить? — Чандер выбрался в коридор, помог выбраться женщине, имени которой так и не узнал, и продолжил. — Ведь он

как-то, не знаю, прицепился к нашему кораблю... Или на Земле, или уже в космосе... А потом как-то проник внутрь... Что, если он сейчас снаружи, отдыхает, или там переваривает, а когда проголодается...

— Тогда, — сказал Полнов, — мы умрём.

До входа в грузовой отсек они добирались почти через час, — приходилось обходить работающие двери и держаться подальше от бойлеров — чётов компьютер умудрился ошпарить Полнова струёй кипятка, и тот теперь шёл хмурый, даже не пытаясь разговаривать. Несколько раз Чандер пытался разговаривать женщину, но она теперь говорила лишь о своих растениях, и даже имя называть отказывалась. Чандер оставил попытки — как раз перед тем, как они увидели кровавый след.

— Полз кто-то, — сказал Полнов. — Раненый.

След привёл их прямоком к дверям грузового отсека, открытым им на встречу, словно подъёмный мост в средневековом замке.

— Пойдёмте, — Полнов первый ступил на них и зашагал в отсек. — Они не могут подниматься быстрее нескольких километров в час — слишком тяжёлые.

Кровавый след тянулся вниз по лестнице и прятался за одним из контейнеров. Посмотрев на нагромождение огромных металлических коробов, Чандеру стало не по себе — на его взгляд, здесь было слишком много мест, где можно было укрыться чему-то большому.

— Шлюз, — вдруг вспомнил он. — Здесь же есть грузовой шлюз, что с ним?

Полнов махнул рукой.

— Он питается автономно. Его открывает пристыковавшийся корабль, а не борткомпьютер, поэтому всё нормально.

— А что, — Чандер слотнул, — а что, если оно так и проникло к нам? Через этот шлюз?

Они оба посмотрели в сторону огромных ворот шлюза. Женщина всё так же пялилась в обзорное окно.

— Скоро, — сказала она вдруг. — Уже скоро он опять захочет кушать.

— Что вы...

— Не подходите! — заорал вдруг кто-то. — Не подходите, или я буду стрелять!

Полнов выхватил пистолет и спрятался за один из бульдозеров. Чандер, схватив бормочущую женщину, поспешил за ним. Вдруг раздалось гудение, и, обернувшись, он увидел, как позади них закрываются ворота.

— Полнов! Ворота! — закричал он. — Эта сволочь нас запирает!

— Эй! — заорал Полнов, не обращая на него внимания, — Мы — люди, из экипажа, такие же, как вы!

— Ни черта подобного! Ни черта! Я знаю, кто вы!

— Что?

— А то вы не знаете! Нашёл меня, всё-таки, тварь! Нашёл, да?

— Ещё один спятивший, — пробурчал Полнов.

Чандер почувствовал, как погрузчик за ним пришёл в движение. Он взглянул вверх, ожидая увидеть, что это не бульдозер, а тварь притаилась в его ожидании, но увидел лишь пустую кабину.

— Полнов, — сказал он, — погрузчик двигается.

— Что? — Полнов посмотрел вверх, затем, зачем-то, вниз. — А где крепёжные ремни? Почему... — он, вздрогнул и, поменявшись в лице, уставился на контейнеры. — Их нет, — сказал он. — Чёртов компьютер заманил нас в ловушку. Эй! — он вскочил на ноги. — Слышишь, ты! Компьютер отстрелил ремни и теперь наклоняет по оси станцию, контейнеры...

— Я не сдамся! — заорал вновь тот же голос. — Я видел своими глазами, и я не дурак, я не выйду к вам, что бы вы ни говорили!

Пол ощутил наклонился. Мимо прокатился ещё один погрузчик. Заскрипели, трогаясь со своих насиженных мест, контейнеры.

— Наверх! Цепляйтесь за крепежи! — Полнов, нагнувшись, сам первым кинулся вперёд, за ним следом и Чандер, таща за собой женщину. Где-то захлебнулся воплем раненый, и огромный контейнер, оставив за собой широкий красный след, заскользил вперёд чуточку быстрее.

— Давайте! — кричал Полнов, — пока они не набрали скорость!

Они цеплялись за крепежи и лезли вверх. Женщина, кажется, осознала серьёзность ситуации и тоже набрала темп. Справа, обдав воздухом, пронёсся контейнер, чуть дальше огромная стопка, вначале медленно, а потом всё быстрее, стала заваливаться на бок.

— Влево! — заорал Полнов, — Влево!

Чандер прыгнул. Мимо проскрежетал контейнер, уперся боком в стену блока и замер, нутужно процарапывая себе путь. Кинувшись вперёд, они обожали его с другой стороны, пока по его застрявшей туше стучали контейнеры поменьше. Полнов, что-то крича, показывал на противоположную стену, когда толстая чёрная громада огромного контейнера, разорвав, наконец, застрявшего младшего собрата пополам, подмяла его под себя. В проём хлынули контейнеры помельче, половинки разорванного контейнера разогнулись и понеслись вниз, постепенно набирая скорость. Заметив брешь, Чандер рванул к ней, удивлённо поняв, что женщина всё ещё жива и тоже направляется туда же. Лицо её было сосредоточено, зубы сжаты.

«Так же она и тогда выжила, — понял он. — Когда другие паниковали, она действовала, хотя и помешалась».

В последний момент Чандер увидел небольшой контейнер, несущийся прямо на них, и толкнул женщину в сторону, сам же отпрыгнул назад. Контейнер пронёсся между ними, и они, поднявшись на ноги, вновь полезли вверх. Мимо пронёсся, кувыркаясь, погрузчик, коробки из разорванных контейнеров скользили совсем рядом, но они, всё-таки, прорвались. Внизу всё это ударялось о борт и застывало искорёженной грудой металла.

Чандер, вытянув руку, схватился за лестницу и залез на неё, затем помог подняться тяжело дышащей женщине.

— Господи, — сказал он, — мы живые!

— Это ненадолго, — покачала она головой. — Вот увидишь.

Внизу что-то загрохотало. С самого верха груды вниз слетали небольшие куски металла и коробки. Чандер выругался.

Компьютер опять наклонял станцию, но теперь уже в другую сторону.

— Мы не сможем, — он не отрывал взгляд от рассыпающейся груды. — Мы не сможем вернуться от такого количества, это будет одна огромная волна, которая...

Дёрнувшись, ворота шлюза рядом с ними пришли в движение. Чандер с

открытым ртом смотрел на них и не мог в это поверить.

— Нет, — сказал он. — Это что, это оно возвращается? Почему сейчас?

Он опустил голову и затряс головой.

— Оно не успеет. Я лучше спрыгну тогда.

Снизу грохотал, осыпаясь, металл. Сверху жужжали, открываясь, ворота.

Когда жёлтая фигура, подтянувшись, проникла в блок, Чандер не удержался и закричал. А затем, разглядев её получше, выпрямился и замахал рукой.

— Хохлы! Это хохлы! — он повернулся к женщине. — Они всё-таки пришли, понимаете? Их станция тут недалеко, видимо, получили наш сигнал, и...

Фигура в жёлтом защитном скафандре, уцепившись за один из крепежей на стене, протянула руку и набрала на панели длинную цифровую комбинацию. Станция замерла.

Затем он набрал ещё один код, покороче, и станция вновь пришла в движение, плавно выравниваясь. Загудели, опускаясь, входные ворота, через которые Чандер с выжившими проникли сюда много-много лет тому назад. Вслед за первой, в блок проникли ещё несколько фигур в жёлтом, и, уцепившись за крепежи, стали ждать. Наконец, станция выровнялась. У противоположной стены сыпались вниз последние обломки контейнеров. Одна из фигур приблизилась к обессилено сидящему Чандеру.

— Говорить можете? — раздался приглушённый голос из динамика.

— Да... могу, — Чандер улыбнулся. — Спасибо, ребята! Спасибо огромное! Я Чандер Васильев, техник...

— Вы заражены?

— Нет.

— Где находятся зараженные?

— Нет заражённых. И заразы нет.

— Код...

— Я знаю про код. Но здесь нет заразы. Тут какое-то существо, оно просто рвало людей на части, и капитан, запаниковав, набрал код.

— Что за существо? Вы его видели? Оно есть на записи?

— Нет, я его не видел. Но оно должно быть на записи, только её посмотреть нельзя...

— Можно, — перебил его жёлтый. — Согласно международному соглашению, при таких ситуациях код может ввести любая страна. Мы только что это сделали. Сейчас на нашей станции уже приступили к расшифровке. Понадобится пара минут.

— Не успеете, — женщина, держась за поручень, поднялась на ноги. — Он уже близко. Мне пора уходить. Быть может, пока он будет заниматься вами, я успею спрятаться.

— Женщина, вам ничто не угрожает, садьте, пожалуйста, на место.

— Нет, — она покачала головой и подняла палец вверх. — Уже скоро.

— Сергей Юрьевич, — одна из фигур в жёлтом протянула главному панель. — «Киевлянин» на связи. Только почти ничего не понятно.

— Майор Оборов слушает, — он прибавил громкости. — Вас плохо слышно, повторите.

Чандер посмотрел вверх, и вдруг замер.

— Нет, — сказал он. — Этого же не может быть...

— ...оттуда! Сейчас же! Никого не брать! Всех...

— Повторите, «Киевлянин»!

Через смотровое стекло прямо в лицо Чандеру смотрела Она. И смотрела, он знал это, прямо в его глаза — пока ещё несмело, но уже необратимо.

«В космосе тебя даже Бог не видит», — вспомнил он.

— ...срочно! Никого не брать! Скорейшая отстыковка, это...

— Кушать! — закричала женщина и бросилась к открытым воротам. — Он опять будет кушать!

«Её травы, — подумал Чандер. — отбивают запах... Может, и выживет».

— Эй! Слышишь меня, цыган! — надрывался майор. — Я не уйду, пока не узнаю, что здесь произошло!

— Бегите, — ответил ему Чандер. — Это надолго. Пока Она не скроется.

— О чём ты? Ты меня слушаешь вообще? Отвечай!

Чандер отвёл глаза от почти полного диска выходящей из-за планеты Луны и повернулся к затынутым в тонкие жёлтые костюмы людям, под которыми было ничем не защищённое мясо. Увидев его лицо, они отшатнулись и закричали.

— В космосе, — прорычал Чандер, опускаясь на лапы, — всегда полнолуние.

А затем он стал кушать.

СЕРГЕЙ КАТУКОВ

От автора: «Опыт с обоюдным гипнозом описан в книге Майкла Талбота „Голографическая Вселенная“. Он меня так заворожил, что я решил смоделировать его в каком-нибудь рассказе. Осталось только придумать героиню, обладающую способностью к „инфантильному демонизму“, как сказал о подобном типе характера Т. Манн в „Докторе Фаустусе“».

Через несколько лет после учёбы Нинель всё ещё каждое утро вспоминала об утраченных иллюзиях. Собственное имя казалось ей легкомысленным кружевным узором на верхней, невосприимчиво-тяжёлой части штор, которые едва шевелил ветерок из утреннего раствора форточки. Или будто порхало названием женского белья. Ни-не-льзь. «Узор, как на трусиках», — смеялась она про себя и устраивала неспешные, выпуклые «потягушки», представляя, что её тело — центр гравитации, к которому тенями тянутся вещи в комнате: шкафчики, тумбочка, кресло, стулья и коврик. Словно линии на скатерти, которую тащат за один уголок. Ещё несколько минут, и проснётся тревожный, тоскливый звук будильника, зовущий на работу в её юридическую контору. «Ретро-пикание одинокого космического спутника, пролетающего над одинокой девушкой Нинелью», — иронизировала она и проводила пальцем по лекальному рельефу одеда.

Отец Нинель был крупным партийным работником. Ещё в то, заканчивающееся советское время. Одноклассники по-тихому смеялись над её именем, выбранным партийным отцом (если читать наоборот — выходил псевдоним Ильича), которое как-то шизофренично накладывало на образ девочки-отличницы профиль вождя мирового пролетариата. Страннее всего то, как это нелепое наложение соединялось на одинаково схожем для обоих большом плафообразном лбу. Вплоть до института она носила пышные плотные причёски, закрашивавшие её выпуклое бледное чело. Взгляд её гипнотизировал однокурсников-мальчиков, легкомысленно-затаённый и как бы всегда убегающий, словно он сам по себе всегда над чем-то смеялся или скрывал болезненное головокружение своей обладательницы.

«Я не могу понять, почему ты ещё не с парнем», — проползал под гулом столовой вопрос её подружки с факультета фи-пси. (Предусмотрительный папа по своему разумению определил Нинель на юридический, который она посещала старательно и безразлично).

— У тебя глаза такие... Бабские... Как будто просят молока. Или как будто ты постоянно хочешь на ручки, — язвила Ирина, занимавшаяся философией Жоржа Батая. В отличие от Нинель у неё не было таких глаз. И таких бледных, чуть полноватых губ, гипсово задиравших ложбинку под носом. И наивного

овала лица рафаэлевских мадонн. Это была не красота. Но зовущее, выманивающее откуда-то тающее любопытство...

— Давай я тебе устрою randevu. В среду у нас лекция по конкурентному гипнозу от новенького преподавателя. А вечером в общежитии факультатив по теме. Загипнотизируешь какого-нибудь мальчика.

— О чём это ваше конкурентное?

— Нелечка... Тебе не всё ли равно?

— Не знаю...

— Не будь дурочкой. Придёшь и узнаешь.

— Да? — Нелечка опускала притворно-стыдливый взгляд, ковыряла в салях, снова поднимала на Ирину то ли бессонные, то ли бесстыжие глаза.

— Да!

— Ну, я не знаю, — и обе прыскали со смеху.

На лекцию Нинель не пришла. Только через неделю заглянула в общежитие, где, словно адепты новой секты, вокруг лектора сбились небольшой стайкой студенты-старшекурсники. Ирины не было. Из-за этого чувствовалось спокойнее, раскованнее, и Неля присела за самой последней спиной. «Спиритический сеанс», проходивший при камерно и пещерно подрагивающих свечах, оказался весьма развлекательным действием. Платочки огоньков то и дело встряхивались от колебавшихся воздух смехов. «Магистр» художаво, по-циркульному расставившись в центре, носил причёску, как у Леонардова музыканта. Улыбка обнажала кончики зубов. Голос был гулким, заставлявшим прислушиваться, снотворным. Звали его Роман Барт.

Он беспрестанно гудел, стоял, раскачиваясь, с выпрямленной, как по леске, спиной, двигая только руками... Неля никак не могла уловить смысл его слов. Они, будто рыбки, образовав вдруг понятно сложившийся узор, внезапно разбежались... Слоги родного языка, казалось, склеивались, слипались таким новым и непривычным образом, будто становились сочетаниями древнего, языческого повествования, поэтическим трактатом заклинаний. Наконец, он поставил пару стульев друг против друга. Пригласил желающих, которые должны были, следуя его подсказкам, наперегонки загипнотизировать своего визави. Ни у кого ничего не выходило.

— Смех вам мешает, молодые люди! Сосредоточьтесь! — внушал Барт, сам едва ли старше подопытных и едва сдерживаясь от веселья.

— Ага! Я тебя первый загипнотизировал! — наконец вскрикивал первый испытуемый.

— Ничего подобного! Вот, видишь? Вот он я, — и второй поднимал ладони, резко, по-фокусничьи вертя ими.

— Так не пойдёт, господа! — сокрушался «магистр». — Нам нужен серьёзный человек, который бы педантично следовал правилам методики. — Барт близорукко пошарил глазами по студентам и опрометчиво заглянул в последний ряд из единственного человека. Обрадованно улыбнулся, вежливо, за кончики ладоней, выудил оттуда покорную Нинель. Она смущённо, иронично

улыбалась глазами вниз.

— Будьте серьёзны! Я вижу в вас большой потенциал. Вот вам напарник, — внимательно отслеживая неуловимый Нелин взгляд, он усадил её на стул. — Вы здесь новенькая?

— Да, — ответила она просто.

— Ваш любимый цвет — голубой, — сказал Барт, несколько выждав.

— Да.

— Положите ладони на колени. Чувствуете: ваши руки теплы. Представляйте всё, что я скажу. Каждую деталь. Каждый оттенок. Сила вашей фантазии безгранична. Посмотрите в глаза напарника. Они — большие луны на ночном небе. Далёкие-далёкие луны...

Голос «магистра» оказался у неё за затылком. Она увидела два блестящих чёрных зрачка. Юноша напротив неё смутился и краснел. Быстро смаргивал. Она, чуть напрягши веки, вгляделась, разобрав, как отсвет далёких светил бросил на луну трепетный луч, и заколебались тени лунных гор. Одиноким лунным скалолаз поднимался по одному из кратеров, осыпая голубоватый грунт и голубоватые тени. Изображение луны задрожало, напряглось и застыло. «Спать», — мысленно приказала она. Молодой человек, сидевший на стуле напротив, свалился на пол. Раздались отдельные охи, а потом общий смех, какие-то слова, аплодисменты. Глаза Барта только на мгновение вспыхнули смехом, а потом в них возникло выражение опасности. И непреодолимой жажды.

— Как вас зовут? — спросил Барт, когда они вышли на улицу. Сетчатый, косой снегопад светился от фонарей.

— Нинель, — ответила девушка, смахнув снежинку с ресниц и, наморщив носик, улыбнулась. Он, о чем-то подумав, мельком посмотрел на её лоб, спрятавшийся под пушистым чепчиком волос.

— Нинель... Нинель... Приходите, пожалуйста, послезавтра. У меня есть одна большущая просьба... Задание.

— Какое задание?

Снегопад был сильный, мешал смотреть прямо, отовсюду лез влажными колючками. Надо удержать, заинтересовать Нинель. Взял её руки, спрятанные в варежки.

— Приходите к нам на факультет. Пожалуйста. Кафедра общей психологии. Или лучше сразу в лабораторию экспериментальной психологии. Знаете, там завкафедрой ещё Андрей Петрович Бальджо? Знаете, что о нём говорят?

— Что?

— Петрович, как кета, наполненная икрой удовольствия!

Она смотрела на Ирину своим смеющимся, бесстыже извиняющимся взглядом («Нелька, ты так смотришь на людей, как будто раздеваешься перед ними»), в столовке под оловянный стук вилок и ложек рассказывая о том, как

«угомонила» сначала одного «напарника», потом второго, потом, когда за неё взялся Барт, ему удалось что-то такое сделать, что она как будто вышла из комнаты и очутилась на взморье. Дул неприятный ветер, крапинки соли ложились ей на кожу. Внизу, между валунов, стоял сам Барт и выжидательно смотрел на неё. И потом, как во сне, они куда-то вместе пошли. И вышли на порог общежития. Он, сбиваясь, часто щёлкая кадыком, упрашивал прийти к нему на кафедру. «Зачем?» — спрашивала она. «Затем, — говорил он, — что загипнотизировать-то я вас загипнотизировал, но только уже после того, как первой это сделали вы. У вас дар».

— То есть он изнутри своего гипноза тебя, что ли, загипнотизировал?

— Да. И говорит, что на кафедре знаменитый психиатр.

— Какой?

— Который с икрой, полной удовольствия.

И всё-таки Неля тогда пришла. Барт весело суетился, частушечно сыпля о психиатрических делах, о том, что Бальджо в отъезде, угощал цветочным чаем, высохшими ирисками, потом убежал и вернулся с Костей, ассистентом, способным, как и он, Барт, будучи загипнотизированным, также обратить своего оппонента в это изменённое состояние сознания.

— Понимаете, Неля, нам остро нужен ещё один человек. Костя — очень хороший практик. Вдвоём мы провели уже много сеансов. Научились уходить от уловок друг друга. Это как в греко-римской борьбе — не попасть в зажим, постоянно ускользать. Но потом Бальджо посоветовал не бороться, не соперничать, но, наоборот, исследовать это обоюдное состояние. Для этого нужен третий. Понимаете? Андрей Петрович постоянно занят. И мы уже несколько месяцев не можем вот просто собраться вместе и устроить этот эксперимент.

— Вы должны сесть друг против друга, — продолжал он, зашторивая окна чёрным полотном. — И каждый рассказывает о своих ощущениях и образах. Извне третий — то есть я, — фиксирует и ведёт эксперимент. Подстраховывает. На всякий случай.

— На какой? — беспомощно улыбаясь, произносит Нинель, оглядываясь на исчезающие под плотной занавеской окна, на свечи, которые зажигает Барт.

— Мало ли... Вдруг человек не сможет самостоятельно выйти оттуда, из гипноза. Или упадёт со стула.

— Или не захочет вернуться, — добавляет насмешливо Костя.

— Это он шутит.

— Вы готовы? — спросил Барт, исподлобья глядя на сидящих перед ним экспериментаторов.

Нинель кивнула.

Ей показалось, она вошла первой. Сдёрнула полотно, встала на подоконник и шагнула в окно.

Перед лицом проплыла серая, в тусклую чеканку чешуи рыба. Вильнула хвостом и внезапно обрушила мириады светящихся точек. Они выскочили

как бы издавека, словно рыба была не рядом, но, наоборот, очень далеко, — это она, необозримо гигантская, парила, почти не удаляясь. И точки, вращаясь опасными фейерверками, превратились в галактические эллипсы. В один из которых Нинель нырнула. Опьяняющая, углекислая теплота поглотила её и выплеснула на берег. В фиолетовый песок вторгалось шипение волн, пенящихся, как шампанское. Ярко-синий пляж, изгибаясь, уводил взгляд за горизонт. Алмазная, отполированная галька светилась изнутри, превращая берег в великолепие неизведанных небес. Из океана, лазурного, прозрачно-изумрудного, поднималась гряда хрустальных гор, пульсировавшая рубиновым светом. Неземные небеса, прочерченные то оранжевыми разломами, то словно опаловыми вкраплениями пузырьков, освещались откуда-то с линии горизонта. Возле Нелиных ног, двигая жабрами, подрагивая, лежала рыба. Девушка брезгливо оттолкнула её в прибой. Та ударила хвостом, и из буруна поднялся Костя. Он выглядел как перламутрово-сияющая ящерица с гладким телом и покрытой татуировками лицом. Нинель засмеялась, подняла крылья, огромные, как паруса целого фрегата, и, ударив в песок, яростно взмыла в небо.

Барт выглядел усталым и разочарованным. Костя сидел, ероша волосы. Нинель ушла быстро, почти ничего не сказав, не попрощавшись. Через неделю начиналась сессия. Казалось, она легко забыла про сеанс.

Как-то вечером она вдруг подумала (или «подумалось» изнутри её?): для чего она учится, что ей в жизни нравится? Что ей в мире надо? И вообще: какая она на самом деле? Ведь она уже взрослая. Всё про себя знает. Но вот это всё — разве это настоящее? Или просто словесные формулы? Застенчивая, молчаливая, старательная студентка. Послушная дочь представительного папы. Незаметная фигурка с насмешливыми губами и взглядом, таким неопределимо-притягательным. И как эта фигурка развернулась в том сне наяву в летающего монстра! Как она сожгла целый мир! Как, поставив страшную когтистую лапу на тело беспомощного существа, давила мощной пятой извивающуюся ящерицу, оказавшуюся Костей!

Ей было стыдно? Ничуть. Жалко чужое тельце? Нет. Наоборот, смешно. Прихрашиваясь перед зеркалом, отправляясь на вечеринку по поводу завершения сессии, она посмотрела на себя — и мир зашатался, и огненный дракон ужалил её в глаза.

— Ты что, мазохист? — неприязненно спросила она Костю, когда он однажды зимой догнал её по дороге на факультет.

— Нет. Ты о чём?.. Барт хочет повторить сеанс.

— А ты?

— Что я?

Нинель посмотрела на тонкое, интеллигентное лицо Кости. Как оно кривилось, корёжилось тогда от невыносимой боли!

— Я больше туда никогда не пойду.

— Хочешь, проведём без Барта?

Она остановилась. Как же это она сразу не заметила? Костя просительно, жалко улыбался, а глаза сияли, переливаясь восхищением и мольбой.

— Но только без Барта.

И был первый и второй сеанс. И зима, далёкая, заоконная, прошла и завершилась в десятках невероятных, неземных, непонимаемых миров. Всю весну они погружались глубже и глубже, дальше, в безвременные пространства самых запрятанных и зазеркаленных вселенных. Их измерения так жёстко и безжалостно искривлялись и сжимали своё содержимое, что приходилось воплощаться в самых странных и страшных монстров, чтобы не расщепиться под давлением чудовищной гравитации. Они, в самых странных, вычурных и прекрасных обликах, кружились в танце над сияющими горами, над душистыми джунглями, над благоухающим райским садом. Он, пресмыкаясь, увиваясь у её ног, обвивая их своим телом, целовал её тысячью губ, ласкал бесконечным числом нежнейших пальцев, крыл и воскрылий. Она же, в роли повелительного, рокового, безумного существа едва одаривала его хотя бы одним взглядом, а развязкой игры всегда становилась гибель нежного, слабого создания, в которое обращалась Костина фантазия.

И потом ей пришла в голову странная идея...

Костя был безнадёжно влюблён в неё. Она знала и, посмеиваясь исподтишка, не отвечала взаимностью. Знали Ирина, Барт и все окружающие. «Сеансы» были тайной. Костя под страхом прекращения не смел пикнуть об этом. Мучительно погибая в каждом из них, он, возрождаясь, снова, раз за разом, шёл на осознанную гибель. Но зачем это нужно было ей?..

Ей пришла в голову странная идея... Гипнотизировать друг друга было уже слишком просто. Миры, действовавшие раньше на мозг как молниеносный, смертельный удар лезвия, теперь были почти обжитыми. Тут и там угадывалось знакомое. Уже не захватывало дух от удушающего страха и неизвестности. Ощутимо подступала скука. Во время одного из полётов, вырвавшись за пределы аргоновой атмосферы душевной планетки, она предложила новую игру: погрузиться на один гипнотический уровень глубже. Она первая толкнула его в транс. Они провалились в новую, такую древнюю и чёрную пустоту, что потеряли друг друга. Никогда сюда не проникало ни одно человеческое сознание. Сами ощущения, мысли как будто выворачивались наизнанку. Если о чём-то сохжем с понятиями ощущений и пространства тут вообще могла быть речь...

Наконец, отыскав друг друга, они повторили фокус, проваливаясь ниже и ниже, в неопределимое, в такое хтоническое и разреженное, что сознание, казалось, приблизилось к границам Абсолютного Ничто. Нинель поняла, что они с Костей и есть само Пространство, и их мысли, ощущение самосознания — единственные атрибуты Времени. То, что хоть чем-то схоже с ним. Они дышали — и так существовало Пространство, они мыслили — и так длилось Время. Нинель попробовала сделать мысленный окрик. Но за пределами того, чем была она

самой, мысль, как и звук в вакууме, не существовала.

Вдруг какая-то геометрическая фигура, бесцветная, едва отграниченная от пустоты, возникла где-то на самом пределе сознания. Дёрнулась, исказилась, бросилась навстречу двум крошечным сгусткам мысли в крошечной тьме. Бросилась жадно, как бросается на запах живого существа веками, тысячелетиями спящий в анабиозе, ждущий своего часа древний, может быть, древнейший вирус. Он метнулся к девушке, слепо ударился об неё, потом ещё и ещё раз, с разных сторон, словно ощупывал, и вдруг вонзился в самую суть её ментального существования.

Она, извиваясь, завопила от боли, так, как никогда ни одно существо не корчилося, ужаленное в самый центр своего жизненного ядра. Костя бросился на помощь. Она чувствовала, как леденящее, уничтожающее Нечто, охватило её. Последним островком ясного, знакомого мира был Костя. Нинель схватилась за него, облекла собой и впилась в него, яростно, спазматически... Костя инстинктивно ринулся от неё, и они оба вынырнули на предыдущем уровне, потом — ещё и ещё, ближе к реальности. Ей казалось — она катится, кубарем летит по лестнице гипнотических вложенностей туда, наружу, вниз, ломая рёбра всех существ, в которых воплощалась. И мерещились образы сотен монстров, сплетающих свои крылья, хвосты, шеи в любовной страсти и борьбе.

Когда она, задыхаясь, в безумии, в ужасе выскочила наружу, из гипноза, была ночь. дезориентирующая неизвестность. Чужая комната. Нетронутые книжные завалы в полутьме серебрились под пылью в углах. Со столика в бесконечно долгом движении сползал ворох толстых глянцевого журналов. Над ними, в бликах уличных фонарей двумя безглавыми башнями темнели два толстодонных стакана со следами виски. Вокруг — пачки снотворного. За окном мелькали огни авто. В центре комнаты темнота сгущена плотнее, чем в углах. И, истончаясь силуэтами на бледном оконном фоне, в самом центре позировали два старинных рогатых кресла. Две одинаковые реплики устали друг на друга неподвижными барельефами на спинках. Два гипнотически ужасающих взгляда Горгоны Караваджо. В немом бессилии выпасть из их круга, начерченного мастером-плотником на надголовниках, прислонялись головы: Кости — на одном кресле и её — на другом.

Словно смертельно раненая, шатаясь, выбежала Нинель из Костиной квартиры. Стояла весна в самом расцвете. Босые ноги девушки касались травки на обочине дороги, по которой она бежала. Недавно прошёл дождь. И луна нижним краем светила из облаков...

... Потом она узнает, что Костю долго и безуспешно лечили Барт с Бальджо. Что потом заболел сам Барт, и что Бальджо продолжал лечить того и другого, пока сам мог, борясь с собственным упомощательством. Он подозревал, что, спустившись туда, на самый последний уровень, Костя и Нинель разбудили какое-то древнее чудовище, пожирающий сознание вирус. Он вырвался

в мир и теперь передаётся через взгляд, возжигающий любовную страсть. Гибнут мужчины, женщины же только пропускают его через себя, улыбаясь хищным, затаённым оскалом.

Поэтому на Нинель эта встреча почти никак не сказалась. Она всё так же оставалась легкомысленной, соблазнительной, но ещё более далёкой, насмешливой и холодной. Только одна страсть завелась в ней, обострила свойственную ей черту характера: соблазнять и мучить по-настоящему, доводить до иступления и бросать в пропасть отчаяния. Каждые выходные вечером, тайком шла она в тихий переулок, в дом, над которым, неспешно загораясь, светилась томная, красная надпись. Переодевалась в костюм Евы и под маской Лилит кружилась вокруг пилонa, раздавая поклонникам скрытое послание о безумии.

АЛЕКСЕЙ ЖАРКОВ

От автора: «Типичный терроризм направлен на то, чтобы причинить людям, в первую очередь, физические страдания, во вторую — боль утраты, и впоследствии — разбудить навязчивый страх. Мой рассказ о другом терроре — психологическом, о другой форме и методах террора, которые не наносят телу физических повреждений, но запросто калечат психику, незримо превращая своих жертв в уродов».

Поезд начал тормозить и, наконец, остановился. Такую короткую остановку обычно не объясняют, и люди не обращают на неё внимания — мало ли что. Метро — сложный организм, бывают и тромбы.

Легкий толчок, поезд снова поехал, я расставил ноги шире, крепче взялся за поручни, еще раз проверил — не завис ли рядом кто-нибудь толстый, с книгой или смартфоном в одной руке. Я готов, я знаю, что будет дальше, мы репетировали несколько раз — в это же время, на этом же перегоне. Эта короткая остановка была совсем не технической — какой-то дурак застрял в дверях поезда, идущего перед этим. Того дурака зовут Жора. Жора Клешня.

Поезд тронулся и тут же снова дал по тормозам. Посыпались на пол сумочки, мобильники, кто-то ойкнул, кто-то коротко взвыл, загудели, зашумели, но ничего страшного еще не случилось. Страшное будет дальше, оно только готовится случиться, поднимает руку, чтобы постучать в дверь. Оно притаилось белой тряпкой на рельсах. Сейчас машинист выйдет, вызовет какие-то там свои службы, а в вагон притащит тело. Притащит, да уж... Тело зайдёт само! И вот тогда начнётся страшное.

Прошла минута, вторая, третья, брожение чужих слов, всех возможных версий происходящего достигло моих ушей. Разумеется, бомба на первом месте, до чего же наивно! Хотя... «Бомба»? В каком-то смысле это верно. Бомба тоже начинает с себя.

Я в первом вагоне, «тело» явится именно в первый — так удобней машинисту, который не оставит человека валяться у заряженных током рельсов. Пока то да сё, это «тело» очнётся. Я к этому готов, а вот остальные — нет.

Мой пульс участился: эх, что сейчас будет!

Волнительный момент.

Дверь открылась — «ох, ах, до чего необычно, такого раньше не было» — народ полез за телефонами. Да, именно это и нужно. Вагон не полный и свободного места достаточно, чтобы все видели всё. Машинист тащит тело в пока еще белой рубашке, он вспотел и покраснелся, помогает человеку переставлять непослушные ноги. Потом наверняка будет об этом жалеть. Перед ним расступились, освободили место. Я рядом, наблюдаю за всем, что происходит. Без меня ничего не состоится. Не состоится как следует, или пройдет слишком быстро. А нам надо, чтобы долго.

До станции — всего минута езды, но мы сейчас не поедem. Почему? Потому

что я здесь, и я вижу машиниста. Он аккуратно выбрит, лицо доброе, ему около пятидесяти, но это не важно, спина или голова? — вот над чем я сейчас думаю. Спина у него и так побаливает, если он не сможет вести поезд по этой причине — его могут уволить. Наверное, этого я не хочу. Пусть будет голова.

Я встаю в первый ряд зрителей, рядом стоит какой-то студент с рюкзаком, он только что не уступил место дедушке, свинтус, я хотел его наказать, да бог с ним — сегодня особенный день в его жизни — сейчас он познакомится с Вадиком по кличке Порох.

Сегодня Вадик в белой рубашке. Тот еще псих, упоротый безмозглый фанат своего жуткого дела, из тех, кто «сам не знает, что творит», но творит всё равно с удовольствием.

Машинист сопроводил «тело» до сиденья, встал рядом, потёр щеку, схватился за голову, зажмурился. Да, это сделал я — минут пятнадцать у него будет дьявольски болеть голова, и столько же времени мы не двинемся с места, и поезд встанет по всей серой ветке. Об этом расскажут в новостях, а по Интернету разлетятся сотни фотографий и штук десять видеороликов, снятых дрожащей от ужаса рукой.

Вадик, ах, Вадик, и так не особо красивый. Это твой звёздный час, чокнутый Вадик, начиная же, всё готово. Он «очнулся», уселся ровнее, осмотрелся, его начали спрашивать... участливо, бедные добрые люди. Вадик снял рубашку и достал нож.

Толпа затихла, машинист схватился за голову обеими руками и упёрся лбом в поручень. Я не усердствую: извини, потерпи минут пятнадцать, и я отпущу.

Тишина и максимальное внимание, кругом полно здоровых мужиков, девушкам не стоит бояться этого коротенького, почти перочинного ножичка — 5 сантиметров, таким даже в носу можно ковырять. Но у Вадика нож особенный — с черной рукоятки скалятся разноцветные черепа, расписанные в игривый горошек на мексиканский манер. Жаль, никто не видит этой замечательной рукоятки. Вадик смыкает челюсти и ухмыляется, затем проводит лезвием по собственной груди — из раны капает кровь, он проводит еще — толпа визгливо стонет.

— Закрой глаза, Дима.

— Мамочки...

— Да это псих! Остановите его.

О да, это еще какой псих! Это псих с большой греческой буквы ПСИ — «Ψ». Сейчас он намечает выкройку, затем начнёт снимать лоскуты, обнажая липкие комья своего желтоватого жира. Но это лишь начало его выступления. Через десять минут, я уверен, здесь будет заблёван весь вагон — Вадик знает своё дело, и ему сейчас совершенно не больно. Почему? Потому что я рядом.

Через час я уже сидел в другом вагоне. Другие люди, другие одежды, те же смартфоны и та же столичная скука в глазах. Сытые, спокойные лица. Бояться им вроде нечего. Их тела в безопасности — а вот психика... На входе в душу не поставишь металлодетектор, а глаза не заставишь закрыться, когда жадный мозг потребует зрелищ. Защиты от такого нет, и вот уже сердце в припадке

животного ужаса колотит свою тесную клетку. Разве можно оторваться? Ведь это как гипноз, когда полуголый человек, подражая какому-то фильму, лижет острейшее лезвие ножа. Его язык расплзается на половинки, а кровь заливает рот, и стекает на шею, на окровавленную грудь, откуда бьют по глазам сочные блики его догола раздетых костей.

Даже мне иногда бывает тяжело переварить увиденное — что же говорить о тех, кто был в том вагоне? Пятнадцать минут на представлении Вадика это почти вечность. Это погружение в ад без скафандра. С широко открытыми глазами. Наверняка им всем будут сниться кошмары. И не только им — Сеть, она же большая. В ней кошмары производят кошмары.

Мои мысли отвлеклись на погоду, потом на утро, а затем я увидел воришку, который выхватил у пожилой женщины смартфон и лихо рванул вместе с ним в закрывающуюся дверь. Я посмотрел на него — всего секунду — и передо мной возникла полная карта всех его болевых рецепторов. Ноги, руки, голова, все внутренние органы — почти каждый миллиметр человеческого тела снабжен нервными окончаниями. И это, в каком-то смысле, моя территория. Такой у меня особый дар — могу сломать человеку руку, ногу, разорвать сердце, лопнуть мочевой пузырь или даже убить, сделав всё перечисленное одновременно. Могу сделать всё это, не поднимаясь с сиденья, через стекло с надписью «места для инвалидов, лиц пожилого возраста и пассажиров с детьми». Но я не ломаю его кости — я управляю болью, я сделаю так, что его мозг решит, будто кость сломана. Ноги и руки, конечно же, у него останутся целы, но он узнает об этом, только когда успокоятся все его рецепторы. Эти, впрочем, я могу и успокаивать — едва ли Вадик Порох продержался бы так долго, если бы я не блокировал его боль. А боль была страшной: рецепторы выли так, что будь они католическим органом — церковь разорвало бы в клочья.

Так что же, парень подрезал смартфон, рванул прочь, но тут в его ступне «что-то стрельнуло», и нога подвернулась. Моя работа. А то, что зубы выбил, падая на полированные мраморные плиты, и нос сломал — это он сам — тут уж извините! У тела есть масса, и повреждения, ею вызванные, говорят, заживают дольше всяких других. Женщина обрадовалась, что парень так удачно упал и корчится на полу. Так ему и надо! Подольше бы! Успеть бы вернуться, пока не убежал! Тем временем поезд заполз в нору туннеля. Женщина вернется на эту станцию и найдет это разбитое ничтожество в полицейской камере, в скользких розовых соплях и с изуродованным носом. Может быть, из жалости она не напишет заявление.

Как я в это вляпался?

Мы познакомились с Вороной на лекции какого-то серенького профессора с мрачной фамилией Крюков. Чем больше он рассказывал о средневековых пытках, тем более зловещей мне казалась его фамилия. Лекция проходила на первом этаже какой-то библиотеки, за стеклом от ночного города. Все стены заставлены книгами, с потолка свисает проектор, темнота, тишина и только сипловатый голос Крюкова старательно пропитывает воздух картинами

средневекового разложения. Он рассказывал о пытках. Я пришел его послушать, потому что боль — моя тема, и всё, что рядом с ней — тоже. Мне это было интересно, и ей, Вороне. Она сидела рядом и слушала, что-то даже записывала. От неё пахло сладким, безумным, нереальным, умопомрачительным развратом. Это особенный запах, который может учуять только тот, для кого он предназначен. Один сочтёт его кисловатым, другой терпким, третий решит, что это какие-то особенные духи, чтобы привлекать каких-нибудь абстрактных самцов, и только один — тот, у кого есть ключ к запутанному шифру этого запаха, для кого он окажется интересней самой захватывающей книги — вот его настоящий адресат. Я оказался тем, для кого цвела эта девушка. И я не мог пройти мимо, и, судя по тому, что после лекции на выходе из библиотеки мы сплелись в бессовестном поцелуе, смущая и веселя прохожих, поэзия наших тел оказалась взаимной.

Европейские средневековые пытки, несмотря на страшное название и сопровождающую их демоническую атмосферу, смотрелись весьма однообразно. Боль причиняется обычно самая простая: острая кожная, та, которую медики называют эпикритической. Мозг привыкает к ней достаточно быстро. Зная это, средневековые изуверы просто растягивали пытку во времени, как например «колыбель». До более сложной протопатической боли — ноющей, нестерпимой, берущейся неизвестно откуда и разливающейся огнём по всему телу — дело доходило крайне редко. В причинении сложных протопатических болей значительно преуспели китайцы, где медицина и антимедицина¹ всегда развивались лучше европейских. Слушая профессора Крюкова, и наблюдая за тем, как он трясет перед собой пустым пластиковым стаканом (неприятная привычка), я развлекался проецированием на него боли от тех пыток, о которых он рассказывал. Бросал на него блёклую тень тех страданий, которые он описывал. Говоря, скажем, о горящей на костре «ведьме», Крюков ёрзал и чесался, а когда речь зашла о пытке грушей, извинился и шустро убежал в туалет. Этой паузой я воспользовался, чтобы познакомиться.

Ах, Ворона, она так и не открыла мне своё настоящее имя. Полгода мы с ней вместе, а я так и не знаю, как её на самом деле зовут. Зато познакомился с компанией её психов: Жора Клешня, Сеня Колесо и Вадик Порох.

Влип я, конечно, с этой своей биохимией. Рассказал ей, что могу блокировать боль, а она — этим трём психам. Тех возбудили мои способности, и они попросили помочь, сразу же обозвав меня Блоком. Свою странную миссию они объяснили тем, что книги и кино стали якобы слабы, сплаттерпанк мало кого интересует, а будоражить кровь — дело нужное и правильное, и все, на самом деле, этого хотят, только боятся. Вроде, как в воду зайти людям страшно, зато в воде их ждёт неминуемый кайф. Каша, в общем, в голове, но я зачем-то согласился. Этим особенно вдохновился Порох. Совершенно безмозглое существо, от радости он чуть не вырвал себе указательный палец, рука его потом распухла, и ныла неделю, зато безумная фантазия решительно пошла вразнос. К тому же оказалось, что теоретическая база у них уже давно и

¹ Это мой собственный авторский термин, обозначающий науку, противоположную медицине, не излечения, а медленного и изнурительного уничтожения человеческого организма, вплоть до умерщвления.

мастерски подведена: Каррен, Кетчам и, конечно же, Клайв Баркер — куда же без него? Сборник «Книги Крови» у этих трёх был за библию. Этой крови я с ними столько посмотрелся... Ах, Ворона!

В этот раз она пришла ночью, когда я спал. У неё был ключ, который теперь я хочу забрать.

Окна моей кухни смотрят на маленький парк, с полянками и крохотным лесом, и каждое утро по этому парку бегает девушка. Полная противоположность Вороны, её оживший антипод. Моя Ворона — вся черная: волосы, брови, глаза, сумочки, вся ее одежда, украшения, нижнее белье, подмышки, ресницы и лобок — она вся, вся черная, только кожа белая. Глядя на ее фотографии, вспоминаешь о флюмастерах. Хотя красный в ней, разумеется, тоже есть. Много, много красного. Красный есть в каждом, кто еще жив или недостаточно мертв. Есть и в Вороне. А та девушка — совершенная ее противоположность — светлая и разноцветная. Лимонные кроссовки, нежно-зеленые спортивные бриджи, клубничный топик и белая пушистая резинка на золотистом хвостике. И лицо светлое. Точно ангел рядом с тенью пернатого черта. Каждое утро вижу ее на пробежке.

Но дело, конечно же, не в ней.

Как это ни странно звучит, во мне снова тлеет боль. Этим утром почему-то особенно сильно. Боль, боль, я знаю о боли все, я вырос из боли, пробовал на вкус всякую. Но вот душевную... У души не обычные рецепторы, и когда они активизируются — боль приходит из того мира, который мы не можем увидеть, лишь иногда способны почувствовать и уж точно не в силах контролировать. Это боль другого порядка, другой природы и других свойств, и так уж вышло, что до недавнего времени я с ней не сталкивался. К счастью, как выяснилось. И когда неделю назад вдруг столкнулся, оказался беспомощен, а она — горько смотрела на меня из грязного бездомного пса, еще живого, но смертельно раздавленного машиной.

Пес был в шаге от смерти, это было видно, он еще вздрагивал и тихонько выл. Его боль горела костром и плавилась, просачиваясь в мозг через раздавленное мясо и поломанные кости, и беспощадно разьедала разум. Мой разум. И я не мог с этим справиться, не мог перенаправить в сторону этот липкий поток, подавить эти страдания, они были мне неподвластны. Животные — не тот концертный зал, где я играю на нервах. И мне показалось, будто и я умираю вместе с этим раздавленным псом. Лежу рядом с грязным, кочевающим обрубком собаки. И корчусь от странной, незнакомой мне боли. На темной дороге перед ослепительным торговым центром, я прощаюсь за него с этим миром и со всеми, кто в нем живет. Бедный добрый пес.

Он помучался еще немного и сдох, а во мне зародилось что-то новое. И вчера вечером в метро я неожиданно понял, что это. Кожа Вадика заживет, язык починят, ухо... Тут он, конечно, промахнулся, простые вещи надо знать, ухо — это хрящ, новое не вырастет. Но Вадик дурак, а не Ван Гог. Псих с нездоровой тягой к эпатажу и запугиванию людей видом собственноручно отрезанных ушей. Извращенная версия эксгибициониста. Черт с ним, с Вадиком, но если его зрители... Если хотя бы часть из них испытала что-то подобное,

что я испытал при виде того пса — значит, я не должен более содействовать этой больной компании. И никогда не должен был. Сострадание — одно из лучших человеческих качеств, и его нельзя распинать на фальшивом кресте.

Из спальни появилась Ворона, сонная и мятая, с пустыми дырками от пирсинга на бровях, на ушах, и в губе. Мне стало противно.

— Жрал уже? — прочистив горло, прохрипела Ворона.

Я помотал головой.

— А кофе пил? — она протерла глаза и посмотрела на меня, как на открытый холодильник. — Язык, что ли, проглотил?

После вчерашнего представления Вадика этот вопрос показался мне не таким уж и метафоричным.

— Нет, — ответил я. — Хочешь кофе — делай.

— Ладно, — она рассеянно осмотрелась, засовывая под свои черные волосы белую кисть с черными ногтями. — Тебе делать?

— Нет, спасибо.

— Как хошь, — буркнула Ворона и поплелась к столешнице. Нашла там заляпанный пульт и включила телевизор.

Пока она готовила кофе, я таращился на экран, на мельтешение костюмов и лиц, на ползущую под ними красную полосу текста, белые цифры, номера, стрелки, пропуская болтовню и движение мимо глаз и ушей. Вдруг увидел что-то знакомое. Лужу крови знакомых очертаний.

— Сделай громче, — попросил я Ворону.

«...состоялся в московской подземке, свидетелями публичного членовредительства на этот раз стали пассажиры серой ветки, между станциями „Нагорная“ и „Нахимовский проспект“. Это уже пятый случай...»

— Пятый? — воскликнула Ворона. — Вот время летит.

«...по мнению психолога Инны Леонтьевой, мы сталкиваемся с одной из разновидностей психического терроризма, к которому приводит молодых, неокрепших в социальном плане, людей любовь к так называемой литературе ужасов...»

— Что за бред? — Ворона.

«... по мнению депутата Государственной Думы Олега Проскурина, нам необходимо запретить публикацию книг подобного содержания на законодательном уровне, или, как минимум, внедрить систему поименного лицензирования произведений, в дополнение к ограничению деятельности...»

— Фу, ненормальные, — процедила Ворона, одной рукой придерживая на плите турочку, а второй переключая канал. Запела музыка. Потянуло свежим кофе.

Телевизор прозвал их психотеррористами. Самоубийц не судят — их закапывают, не отпевая. Добровольных членовредителей — лечат. А что делать с теми, кто «насмотрелся»? С теми, кто видел тех или других, и теперь смотрит по ночам очередной сезон кошмарных воспоминаний? Сами виноваты?

— Как там Порох? — спросил я.

— Нормалек, — ответила Ворона, — с ушами только накосячил, вошел во вкус пацанчик. Так что Клешня объявил конкурс на новое погоняло — я думаю,

Фантомас будет самое то.

На ней была моя рубаха и тапочки, и больше ничего. Грудь просвечивалась сквозь тонкую ткань. У меня снова участился пульс. Она заметила, пробежала по мне взглядом и ухмыльнулась.

— А после ноготков будешь меня трахать?

Когда она говорила «меня трахать» — мой мозг пустел, оттуда, как из ванной, будто спускали всю кровь и мысли, все, что там плавало, мгновенно погибало в водовороте сливного отверстия. Кровь переливалась в паховую часть тела, а сердце ускоренно молотило пульс.

Ноготки, вот уж эти ноготки. Завтра, в музее имени Дарвина. Они будут рвать друг у друга ногти. Плоскогубцами, на глазах у детей. Безумно и мерзко.

Но я кое-что придумал.

— Нет, — ответил я.

— А я тебя буду, — сказала Ворона игриво и хищно.

От таких слов у меня обычно нет защиты. Раньше не было. Собравшись, я «вырвал» себе все ногти до последнего. И на ногах тоже. И мне стало совсем не до секса. Боль, боль, боль. Двадцать раз боль, на руках и ногах, впивалась теперь в кости, по всему телу носился ураган боли, зато я снова принадлежу сам себе.

Ясное утро. Перед входом в музей стояла липа — с нее, как с трибуны, звонко чирикал воробей. Родители с детьми, в основном, мамы. «То, что нужно» — прошипела мне в ухо Ворона. Они подготовились, распечатали какие-то листовки про интерактивную демонстрацию возможностей человеческого тела. Мультишная картинка на основе витрувианского человека Леонардо да Винчи. Без ограничения по возрасту. Мы зашли в здание и разбрелись по залам. К десяти часам утра детей стало так много, что они запросто перекричали бы не только воробья, но и громкоговоритель администрации.

Субботняя программа музея включала в себя лекцию о тропических растениях и практические занятия с микроскопом — дети разглядывали клетки лука, разрезанного и сплющенного между стеклами комара, живых инфузорий и еще что-то. Кроме этого, была викторина «Угадай животное» и лотерея с призами в виде плюшевых микробов. Ворона и два её психа планировали мимикрировать под одно из таких представлений. Мясистый Жора Клешня тащил тяжелый ящик с инструментами, длинный и кривоногий Сеня Колесо нес пакет с листовками и бинтами, Ворона — фотоаппарат и сумочку с медикаментами. В ней, кроме прочего, лежала мазь «Лазарий», благодаря которой у них потом все так быстро заживает и бесследно срастается. Остальное — на всякий случай.

Неожиданно я заметил, что у Жоры на руках — по три пальца. В том, что он избавился от них сам, я почему-то не сомневался. Ноготки, ноготки. Ноготки это только начало, так сказать, затравка. На финал они приготовили шоу под названием «Книга лица»: Клешня, к тому моменту лишенный ногтей, проводя ножом между глазами, делает вертикальный надрез ото лба к подбородку, после чего разводит кожу в стороны, раскрывая изнанку лица, как книгу.

Если бы я не видел это собственными глазами, я бы решил, что такое невозможно. Увы, еще как возможно. Мало того, едва заметный шрам от такого разреза я разглядел даже у Вороны. Видимо, до встречи со мной эти психи

широко использовали сильнейшие обезболивающие.

«Книга лица» — мне кажется, это самое страшное, что я видел в жизни. Но у них в запасе есть фокусы и покруче. Лицо, в конце концов, заживет, а вот глаза на место не вставишь. Но на безвозвратные потери эти психи решаются редко, а в последнее время не решаются совсем. Может, взрослеют? Вадик Порох-Фантомас не в счет, тому всего девятнадцать.

Мы поднялись на самый верхний этаж. Здесь располагался вместительный и просторный игровой зал. По дороге Ворона раздавала листовки и бойко зазывала «на шоу». От такой наглости родители потеряли бдительность. Никто не заподозрил в нас вирус, вторгшийся в здоровый организм. Теперь уже поздно — пока они спохватятся, детишки вдоволь насмотрятся живых и настоящих кошмаров... Насмотрелись бы!.. Если бы я не перешел в тот день на их сторону.

В широкой гамме физических болей есть одна, моя любимая. Недавно я осознал ее огромную похожесть на боль душевную. Не в том, разумеется, смысле, что человек страдает от беспомощности, вызванной сочувствием или состраданием, а в том, что ее так же сложно отследить. Мозг человека, как застуканный воришка, при появлении этой боли начинает путаться в показаниях. Ворона и ее психи, конечно, готовились, но вместе с ними готовился и я. Я решал свою сложную задачу, вспоминая раздавленного пса в густой кровавой луже перед торговым центром. И решил. Готовьтесь, психи! После этого даже в ваших луженых снах появятся выбоины и трещины, из которых прольется в души ад. Интересно, что вы отрежете себе в следующий раз?

Мамы уселись, малыши усталились на Ворону. Она затараторила что-то про уникальность человеческого тела, а ее психи принялись раскладывать на столе блестящие хирургические инструменты. Сверкающий металл за-гипнотизировал детей. Они оторвались от мам и выстроились кружком вокруг ножей и зажимов. Я стоял у самой двери, где, согласно плану, должен был страховать команду от неожиданностей. На секунду я почувствовал себя предателем, предателем своих новых друзей. Мне стало тошно. Я засомневался, стоит ли мне так вероломно плевать в лицо товарищам? Нет ли другого способа отучить их делать подобные гадости? Но друзья ли? Жора протер шесть своих пальцев спиртом и взял со стола реберные кусачки. Дети замерли в ожидании, они превратились в глаза и уши, полностью, как могут делать только дети. Их души и разум — чистая губка — приготовились к тому, чтобы впитать в себя какой-то новый удивительный опыт. То, что они сейчас увидят, останется с ними на всю жизнь... Разве не предательство это? Разве это не плевком в лицо друга? Ведь они считают нас друзьями.

Жора пустил кусачки по рукам, большие, изогнутые, он дает их подержать, я слышу детские рецепторы — кусачки тяжелые и холодные, идеально подогнаны, ходят легко. Говорят, что украсть у вора — не воровство. Значит ли это, что и предать предателя — не предательство? Жора забрал из детских рук потеплевшие кусачки и принялся протирать их спиртом. Сеня попросил мальчишек отступить на шаг и взять девчонок за руки. Зачем? Психологом себя возмнил? Пожалуй, с меня хватит.

Они запомнят этот день надолго. Моя любимая боль, встречайте! Мой

послушный фантом, мой призрак, пустое место, на всех рецепторах и нервных окончаниях вашего черного тела, знакомьтесь — Маэстро Фантомная Боль.

Человек встречается с ней редко, обычно, когда теряет какую-нибудь конечность. Она приходит невидимая, как привидение, но ты чувствуешь, как робко она покусывает твою отлучившуюся в другое измерение конечность. Это замогильные монстры пробуют на зуб твоё тело. Умри, и ты окажешься на их столе весь, целиком.

Детские монстры, я слепил из них воображаемое чудовище с пятнадцатью головами, сорока семью хвостами, с несчетным количеством всевозможных конечностей и замысловатых, максимально чувствительных отростков. Пусть называется «Бабай», легендарный кошмар и герой большинства детских страшилок. Я соорудил это невиданное существо и прилепил к его телу Ворону и обоих ее чокнутых помощников. Каждый стал головой, прыщом головы на огромном бесформенном теле. И я дал всем им почувствовать Бабая изнутри. Срастись с ним. О, бедные рецепторы! Какая лавина импульсов, какой водопад информации, центральная нервная система едва справляется, что же будет дальше, когда я начну резать этого монстра, вырывать ему языки и ноги, дробить кости и жечь огнем и ядами его чувствительные отростки. У человека около двухсот костей, мне этого мало — в моем Бабае их в тысячу раз больше, и сейчас я ломаю каждую. Для вас, дорогие мои психи. Вы думаете, что знакомы с болью? О, нет. Вы даже не нюхали ее гнилой перегар, не слышали ее гулкие шаги, не ловили на кожу отблески ее обжигающего сияния. Я покажу вам, что такое боль. Я — ваша боль. Вам нравятся ужасы, нравится читать и смотреть, как у людей рвется кожа и вылазят кишки, теперь пришло время все это почувствовать. Лично. Увидеть и почувствовать скрытое измерение ваших любимых книг крови. На себе, в своем собственном аду, с кровавыми приветами всем этим Баркерам и Уэлшам. Да, Ворона, кожа рвется не на бесчувственной бумаге, она рвется здесь, сейчас, где ей самое место — на тебе.

Чтобы моя компания не дезертировала в болевой шок — я сделал все бескровно. Звучит странно, ведь все происходит лишь в воображении моей шизанутой компании. Мозг, однако, часто рисует то, чего нет. Его зрение питается от рецепторов, а те кричат от боли. Так мозг додумает и потерю крови, и потерю плазмы, и даже экссудацию. Хотя мало кто знает, что это такое, и что это смертельно.

Малыши с недоверием уставились на неожиданно побледневших ассистентов и докладчицу. Я шепнул сидевшей рядом женщине, что выступающим, кажется, плохо, и надо бы обратиться в администрацию, или даже вызвать скорую. Девушка встала, поднялась на цыпочки, она была низенькая, и присмотрелась. Им плохо, да... Это еще мягко сказано! Знала бы она, насколько им сейчас плохо. Разноцветная толпа карапузов замерла в изумлении. Едва дыша, Ворона легла на пол и забилась в конвульсиях. Жора повалился на стол, рассыпав инструменты. Сеня сполз по стене и сложился в кокон, а на его лице выступила испарина.

Пока родители эвакуировали своих притихших гномиков, я пробрался ближе к россыпи хирургической утвари, вокруг которой корчились на полу мои бывшие товарищи. Ворона уставилась на меня раздутыми красными глазами, скрипя зубами и скалясь. Жора выл, обхватив голову, сначала тихо,

а потом все громче и громче. Наконец, когда кроме нас никого не осталось, из него вырвался пронзительный нечеловеческий крик, а рот открылся до того широко, что губы покрылись вишневыми трещинами. Внезапно он открыл свои прежде зажмуренные глаза, и я увидел, как дрожат его огромные почерневшие зрачки. Меньше всего, кажется, проявлял себя Сеня. Он так и лежал, сжавшись в гигантское яйцо, внутри которого часто и громко рычал. Какой-то у него был, видимо, свой особенный способ противостоять сильной боли. Скорая приехала, когда изо рта Жоры начала идти желтоватая пена. Ворона случайно зацепила рукой один из своих пирсингов, некрасиво раздрав нижнюю губу, и стала похожа на вурдалака, которого рвет кровью.

Через несколько минут все закончилось. В комнату влетели мужики в синих штанах и куртках, и забрали все, что осталось от моего Бабая. В карете психам, конечно же, полегчало, и я думаю, тогда они и задумались над местью. Да уж. Я очень надеялся, что они поймут, с кем связались, и что лучшее решение — обо всем забыть. Лучшее, хоть и не простое.

Но я ошибся.

Через неделю ко мне заявился Вадик Порох. Я даже не сразу понял, что это был он — уши на месте! Я стал к ним присматриваться, его это уши или не его? Он приехал за вещами Вороны. Собирал их по всей квартире, сверяясь со списком и сопя. От меня он молча отводил взгляд. Мне тоже было неловко. Неловко и стыдно. Наконец, он не выдержал, швырнул в сторону какую-то Воронину тапку и произнес:

— Жора боится из дома вылезать. Сеня на таблетках. Ворону в дурке держат... Мы же все тебе верили!

У меня пересохло во рту.

— За что ты их так? Тебя хотя бы раз кто-то из ребят обидел? Хоть раз, а?!

«Нет», — ответил я мысленно, и почувствовал, как в моей душе просыпается и расправляет костлявые крылья нечто большое и уродливое. Что-то страшнее, чем простая боль. И будто видя это, Вадик продолжил:

— Думаешь, мы боимся твоей дурацкой суперсилы? — он пренебрежительно хмыкнул. — Да она же не настоящая, твоя боль. Не страшная. Предать друзей — вот что больно и страшно. Мразью стать.

Он посмотрел мне в лицо, гоняя желваки перед своими вновь пришитыми ушами, и больше ничего не сказал. Подобрал в сумку последнюю тапку, скомкал и швырнул мне в лицо бумажку со списком. И ушел, оставив меня один на один с этим новым зловещим монстром, который уже полосовал когтями мое сердце. И это было действительно больно, но, увы, — с этой болью я ничего сделать не мог. Угловатый, дерганный почерк Вороны, я подобрал и развернул ее список: «...чашечка в виде котенка, там одна только черная, увидишь... черные тапочки, не белые же, черт меня... и будешь ухаживать, скажи этому психу, что я буду скучать».

Мне было очень плохо. Меня терзала совесть. Я пытался найти Ворону, но след ее терялся сразу за отделением скорой помощи. За ним ни о какой «вороне» никто не знал. Даже, если удавалось объяснить без имени, о ком идет речь, разговор заканчивался на вопросе: «Кем вы ей приходитесь?». Действительно, кем? Одним из психов, наверное.

Я

С тех пор прошел месяц. По городу повсюду полыхал летний зной, в этом году почему-то особенно жаркий. Мне пришлось даже уменьшить емкость мусорного ведра. Купил поменьше, чтобы чаще выносить, а то к вечеру начинало подванивать. Заменял черное ведерко на синее. Совесть вроде успокоилась.

По утрам я выхожу из дома, надев белоснежные кроссовки «Асикс», облачно-серые беговые брюки «Адидас», тоненький браслет пульсометра «Гармин» и футболку с надписью «Время боль» швейной фабрики «Стрелка». За домом прохладный лес, живой и зеленый, розовая гравийная дорожка, которая хрустит, словно крупный сахарный песок, и яркое синее небо над желтой кепкой. Катя уже на дорожке. Конечно, я бегаю быстрее, чем она, но мы все равно обязательно встретимся в лесу, ударим по рукам, улыбнемся друг другу, а вечером, после работы, она снова придет ко мне, и тогда, покусывая свежую пиццу, мы будем смотреть какой-нибудь красочный фильм.

Катя, Катя, Катерина. Она совсем-совсем другая, она светлая и добрая, совсем не похожа на Ворону, со всеми ее наколками, пирсингом, заклепками и какими-то жуткими черными мыслями. Единственное, что пока никак не клеится к воздушному образу — заставленная хоррором книжная полка. Черт меня раздери, у нее там Кинг, Кунц, Кэмпбелл... Немного почитав первого, ужасом представляю, о чем могут быть другие. А смотреть мы собрались какую-то «Мглу». Так что я, на всякий случай, не рассказываю о том, что умею.

Надо бы к этой Кате внимательней присмотреться.

ВАЛЕРИЙ ЛИСИЦКИЙ

От автора: «„Паскудники“ — это небольшой эксперимент, попытка писать не так, как я пишу обычно, и в непривычном антураже. Симбиоз мистики и атмосферы раннего СССР вышел, на мой взгляд, довольно любопытным».

Ребята у меня в отряде были непростые, потому и такой глупости, как записочки с благодарностью за интересный урок, я от них не ожидал. Обычная такая записка, клочок линованной дешёвой бумаги. У нас все на такой писали: и учителя, и ученики. Даже Николай Николаевич свои в ультимативной форме составленные служебки, напоминающие письма с угрозами, на ней составлял.

Я, помню, помял тогда этот белый прямоугольничек в руке, да спрятал в карман пальто. Глупость-то глупость, конечно же, но глупость приятная. Признали, видать, меня наши беспризорники. Хотя бы кто-то из них. А чтобы от этой банды признания и, тем более, уважения добиться — это, знаете, не таким уж простым человеком надо быть. Кремнем! Человечищем! Я-то себя таким никогда не считал, думал даже увольняться. А вот поди ж ты.

«Товарищ Белокопытов лучший учитель!» Так-то!

Не успел я записочку спрятать, как ворвались наши оголтелые в класс. Крикливые, как вороны, и такие же драчливые. Расселись за партами, как на проводах. Мне даже показалось, что вели себя пристойнее, чем обычно. Хотя, показалось, наверное.

А слова благодарности на меня как вдохновляюще подействовали! Не поверите, я никогда ещё до того момента так уроки не вёл! Сам увлёкся, да и их, кажется, увлечь смог. Хотя мой предмет они никогда не уважали. Алгебра да геометрия — серьёзно ли для беспризорников? «Мы, — говорили, — дядя, и без алгебры медяки в кармане пересчитаем. А геометрия нам на что сдалась? Неужто кого из нас, босоногих да неблагонадёжных, до полей допустят? Так что, — смеялись, — землю нам топтать привыкать надо, а не мерить».

Я на них не обижался. Ребята-то они хорошие были, умные, в основном. Кто ж виноват, что жизнь их в зверят озлобленных превратила? То-то вот и оно.

А с запиской той я не утерпел, да и отправился вечером к Николай Николаичу. Смотрите, что мне сорванцы наши на стол подсунули. А в других приютах говорили — неисправляемые! Исправляемые, да ещё как! Николай Николаевич тогда папироской пыхнул, улыбнулся в усы и сказал:

— Вот! А вы, товарищ Белокопытов, увольняться собирались! Таланта у вас, якобы, нет! Вот он, педагогический талант ваш! Изложен на бумаге с предельной искренностью! Так что вы ступайте, работайте. А записку эту сохраните. Дую, не раз и не два она вас от сомнений убережёт.

Только ошибался Николай Николаевич. Не стала для меня эта записка утешением. А чем стала? Да я и сам не знаю... Но давайте обо всём по порядку, хорошо?

Этот клочок бумаги я так из пальто и не вытащил. Держал во внутреннем кармане. И каждый урок он мне кожу жёг сквозь подкладку. Сажу я на своём учительском стуле без спинки, прижмусь спиной к холодной стене, чтобы хоть немного боль в пояснице унять, да смотрю, как банда над листками своими склонилась — языки повысовывали от сосредоточения, карандашами скрипят... Дрянная у нас бумага была. И карандаши тоже — дрянь.

Сидят они, кропают свои кривобокие равнобедренные треугольники. Кто от руки, кто какую палочку приспособит вместо линейки. Некоторые, кто по-старательнее, сами деревяшки обстругивали и ко мне несли. А я им ножом, по образцу со своей собственной, сантиметры с миллиметрами обозначал на них. Тогда ещё, помню, поздняя осень была. Темно, сыро. А у нас в классе и рам-то в половине окон не было, что уж там о стёклах говорить. Утепляли как могли, тряпками, досками, словом, что найти получалось — всё в дело шло. А в комнате всё равно мороз стоял. Десять минут — и пальцы коченели. Много ли так начертишь-то? Но они старались. Ну, или вид такой делали.

А пока они трудятся, я всё взгляд от макушки к макушке перевожу и гадаю: кто? Кто из них мог такое послание учителю написать? Ромка Синявкин? Нет, он к сантиментам не склонен. Захочет чего сказать — подойдёт и в лицо всё, как хорошее, так и плохое. Прямой он, как шпала. Тогда, может, Васяка Чёрненький? Тоже умный парень. Но благодарить такой не станет. Чёрненький для себя избрал в жизни путь перекати-поля, ему геометрия с алгеброй интересны были чисто условно. Ну, есть такие предметы — хорошо, может, научусь, как обчитать кого. Нету — ну и чёрт с ними, жил же без них как-то. Вообще, много их было, умных ребят в том отряде. Коля Свиридов, Жека Бахрушев. Витальки, Большой и Малый...

Почему же я к ним напрямую не подошёл с этим вопросом? Тот, кто с беспризорниками не общался, этого и не поймёт. Нельзя забывать, что это не дети рабочего класса, честные и воспитанные. Наши подопечные на улицах жили, с младенчества христарадничали. Несколько «хитрованцев» среди них затесалось. Ну, самой Хитровки тогда уже не было, ликвидировали. Но «воспитанники» этой клоаки не в воздухе растворились. Рассеяли их по всем Советам — кого в колонии, кого ещё куда... А те, кто помладше да не опасен, в приюты угодили. Станут такие прямо на вопросы отвечать? И не забывают — для них что жандарм, что комиссар, что учитель — одно лицо, только в разной форме.

Так, в общем, я и не смог догадаться, кто же автор послания. И решил схитрить. Тот, кто революцию прошёл, не глупее же беспризорников? Я хоть и тогда уже немолод был, ребятам казался вообще мумией египетской, а ум-то живой смог сохранить. И потому вступил в сговор с Абельханом Аймаметовичем, учителем русского. Он, даром что татарин, язык любил так, как писатель не каждый любит. Мы с ним дружили, поэтому он мне не отказал. А план был простой: устроить ребятам диктант, в котором слова будут содержать тот же набор букв, что и в записке. А потом уж по почерку определить автора.

Конец истории? Да как бы не так. Беспризорники — народец ушлый. Почерк не совпал ни с кем из отряда. На всякий случай проверили ещё второй отряд, в котором я не вёл, там тоже ничего. Левой рукой писали, черти! То есть, это мы так подумали тогда.

Но всякая тайна перестаёт привлекать, если не поддаётся сразу. Да и не до праздных размышлений в детских домах. Там как на фронте, бытовые проблемы наваливаются каждый день и большим скопом, не до загадок становятся очень быстро. А у нас проблем хватало.

Во-первых, приближалась зима. А мы только-только получили в своё распоряжение старую купеческую усадьбу. Ну, как усадьбу... Название одно. Стены голые мы получили. Окон нет, кое-где дырки от пуль в стенах, копоть повсюду. Годы-то какие были? Некуда было больше беспризорников девать. Ремонт сами занимались. На первом этаже классы, на втором — спальни. У педагогов отдельные, а воспитанники по-спартански, отрядами ночевали. Вот мы там и вкалывали. Не забывая об уроках, конечно, от программы-то отстать нельзя. Повариха с завхозом сами кухни в порядок приводили. Спасибо, хоть стройматериалами нас власти снабдили.

Утеплялись мы в срочном порядке, зима в тот год лютая ожидалась. Каждый день ходили на вылазку в лес, за дровами. Запрягали клячу полумёртвую, брали воспитанников, кто покрепче, да и отправлялись.

Но только быт наладили более или менее — новая напасть! В начале зимы народу ещё на целый отряд нам пришлют! Тридцать человек обещали, может, больше даже. А селить их куда? Ясное дело, помещения надо готовить заранее, а то из этих тридцати двадцать в госпиталь отправятся в первую же неделю. А ребята заартачились. Так и так, не желаем на новичков горбатиться! Мы тут своими руками себе всё обустроивали, а им на готовенькое? Ну, можно понять их, конечно...

Словом, позабыл я совершенно про записку эту. И не вспоминал до самого декабря. А вспомнил только потому, что обнаружил у себя на столе, так же, с утра, новую записочку. Снова на клочке бумажки. Только на этот раз не с похвалой за учительское усердие. Было там написано: «Вы нам нравитесь». Тем же корявым почерком. А внизу приписка, явно второпях начерканная, печатными буквами: «ЖИВОЙ ТЁПЛЫЙ».

И отчего-то меня в пот бросило. В холодный.

Сам не знаю, чего я испугался. Взяло чем-то от этих слов таким, недобрый. Как угроза они воспринимались. Время-то голодное было. Зимы мы почти без припасов встретили. Пацаны жрать хотели, как волки. Бродили все тощие, глаза горели. Мы тогда педсоставом с Николаем Николаичем посидели все вместе, обсудили, да и даже стали глаза закрывать, когда наши подопечные убегали в город «промышлять». Ну, а как иначе? Чего ж им, с голодудохнуть? Да и коллектив спланивался, старшие младших подкармливали, заботились, как о братишках...

Нехорошо, да! Но не было тогда другой возможности. Закрутили бы мы гайки — и посыпались бы наши беспризорники по городам, как яблоки с веток.

Делили мы все горести пополам с воспитанниками, у всех животы к спинам прилипали, в руках карандаши держать не всегда выходило от холода, а тут на тебе. «ЖИВОЙ ТЁПЛЫЙ».

Да и буквы эти печатные... Наши-то все уже прописные освоили, Абельхан Айматович постарался на славу. И выглядели они так, будто карандаш держали не пальцами в щепоти, а в кулаке — остриём вниз. Странно это было. Противоестественно.

Но и не настолько, чтобы панику разводить. К Николаю Николаевичу я

обращаться не стал. Вообще скрыл ото всех. А там и новое поступление, почти месяц назад обещанное, подтянулось. И опять стало не до расследований. Их же принять надо, расселить, научить пристойному поведению. Драки каждый день. Нет, стенка на стенку мы им не позволяли, но мелкие стычки случались часто.

Так и жили, как Абельхан шутил — зверели в снежной пустоши в компании главных жертв царизма. Ну, не знаю, кого как, а меня только это понимание и держало там тогда, что ребята эти, на диких волков в человеческом облике похожие — жертвы...

Был среди новоприбывших паренёк из местных. Сёма Костриков его звали. Говорили, что фамилия не настоящая, он её якобы придумал, чтобы с родителями ничего общего не иметь. Ну, я-то особенно не вникал в это всё. Главное, паренёк тихий был, послушный, не задиристый. Только напряжённый какой-то всё время, но я это на трудное детство списывал. Много ли вы счастливых босяков уличных видели?

И проникся он ко мне какой-то симпатией. В математике у него способностей было немного, но за советами жизненными он сразу ко мне спешил. Я и не против был. Не для того ли мы там все и находились, чтобы стать этим детям не просто учителями, а друзьями и наставниками? Да и, признаюсь, лестно мне было, что такой пацанёнок вокруг всё вьётся, с каждой проблемой ко мне сразу: Сергей Василич, помогите! Я и помогал.

Так что следующую записку мы с ним вместе обнаружили. Под Новый Год это случилось. Я только на учебном этаже появился, подошёл к двери класса — а он уж там. Спросить, видимо, что-то хотел. Стоит, в коридоре стенку подпирает. Учебные помещения у нас не запирались никогда, класс был открыт, но он не заходил. Я тогда ещё подумал, что есть в Сёмке какая-то деликатность врождённая...

Подошёл я к нему, поздоровался. Зашли мы в класс. А у меня к тому времени уже в привычку вошло свой стол рабочий проверять перед началом уроков. Вдруг чего ещё напишут? И ждать этих записок так странно было... С одной стороны, интересно, а с другой — как-то боязно. «ЖИВОЙ ТЁПЛЫЙ» — это мне покоя не давало.

Заходим мы, я гляжу — есть записка! На том же месте, на той же бумаге! Я её цапнул, прежде чем Сёмка успел прочесть, и встал к нему так, чтобы он подсмотреть не смог. Беспризорники — народ глазастый.

Читаю я, а сам изо всех сил стараюсь, чтобы руки не задрожали и лицо не переменялось. Было в той записке три строчки. Первая написана печатными буквами, хорошо мне знакомыми: «ТЁПЛЫЙ МЯГКИЙ». Мне тогда ещё подумалось, что такое описание хлебу бы подошло, который мы привозили нашим проглотам. Вторая строчка была такая: «Наш любимый учитель товарищ Белокопытов». Это прописными буквами. А третья — снова печатными. «ЖАЛКО ЕСЛИ УМРЁТ». И последняя буква с таким нажимом написана, что бумага порвалась.

И вот стою я, стараюсь виду не подать, как мне неприятно это читать было, но Сёмка всё равно почуял неладное. Говорит:

— Всё хорошо, Сергей Василич?

А я ему отвечаю, стараясь говорить как можно спокойнее:

— Всё, Семён, нормально. Спину что-то опять прихватило. Ты только вот скажи, не видел тут никого, пока стоял в коридоре?

Никого он, разумеется, не видел. Только слышал какие-то шорохи странные,

но это мог ветер ветошь в окнах трепать.

Первым порывом, конечно же, я на него и подумал. Но потом сообразил, что первая записка у меня на столе появилась задолго до того, как Костриков в приюте появился. Так что давить на него я не стал.

Настало время урока. Пришли ученики, расселись, а я снова смотрю на них внимательно. Только теперь уже не так, как после первой записки. Тогда-то я полный гордости и радости был. Вот, мол, какой я педагог! А сейчас всё думал: это кто же из них прикончить меня решил? Послание я тогда воспринял вполне однозначно, как угрозу. Не в буквальном же смысле меня кто-то за температуру тела нахваливает?

Тоскливо мне стало, прямо вам скажу.

С этой-то запиской я уже решил отправиться к Николаю Николаичу. Как бы там ни было, а угрожал кто-то учителю, ему о таком знать надо в первую очередь. Я объяснил всю ситуацию, спросил совета. Он долго молчал тогда. Хмурился, усы кусал. А потом сказал:

— Вы, Сергей Васильевич, не переживайте особенно. Это почти наверняка розыгрыш, но мы этого шутника на раз отловим. Работайте спокойно.

На том и распрощались.

Но с того дня начались со мной странности. Не мог я никак выспаться. Лягу вечером спать, и начинается. Шорохи какие-то, скрипы в коридоре. Шаги тихие. Я выглядываю — никого. Дежурные тоже ни сном, ни духом. А ведь надёжные ребята в ночные дежурства-то стояли, проверенные! Списывал я всё на переутомление и голод, держался изо всех сил. Нельзя было допустить, чтобы хулиганы, которые эту дрянь писали, видели, что старикан Белокопытов сдавать начал. Никак нельзя.

Хотя, один случай меня чуть не доконал. Помню, уснул я быстро, но вот в первом часу ночи проснулся, будто толкнули меня. Прислушался — так и есть. Крадётся кто-то в коридоре. Думаю себе, сейчас-то я тебя поймаю, сорванца. Тихонечко, как мышка, с кровати поднялся. Ни одна половица не скрипнула! И пошёл неслышно к двери. Крадусь я, а сам всё слушаю. Возня в коридоре не стихает, даже, кажется, громче стала! Обнаглели! Подхожу к двери, кладу ладонь на щеколду, чтобы открыть... Ну, сейчас как в сказке: выскочу, выпрыгну, да полетят клочки по закоулочкам! А из коридора вдруг голосок раздаётся. Тихий такой, как змея шипит.

— Давай-давай, выходи... — говорит. А потом добавляет: — Живой товарищ Белокопытов...

И с таким нетерпением это слово «живой» прозвучало... Я заорал. Благим матом заорал, на весь наш огромный корпус. Перебудил всех, а дверь отпер, только когда услышал, как Николай Николаич моё имя выкрикивает.

Он меня о чём-то спрашивать стал, а я ответить не могу. Говорили потом, я белый стоял, как мел, и глазами вращал безумно. Да он, кажется, и так всё понял. Выругался матерно сквозь зубы, и как был, босой, побежал к воспитанникам нашим в спальни. Искать виновников...

Не нашёл он никого, конечно же. И дежурные, понятно, ничего не видели и не слышали.

Николай Николаевич никого отловить так и не смог, да и лучше мне не стало. Даже, напротив, ухудшилось состояние. Спать я почти что совсем перестал, в столовой кусок в горло не лез...

Воспитанники, конечно, заметили. Они всё же неплохо ко мне относились,

если разобраться. Подходили, сочувствовали. Говорили мне что-то, а я только без конца в глаза им вглядываться мог: не мелькнёт ли где радость под маской жалости? Они хоть и зверята скрытные были, но я их читать тоже научился. Да и не скроешь такое, насмешку с торжеством смешанную.

Только не видел я ничего. Кажется, и правда сочувствовали, насколько могли.

А между тем по ночам стало ещё хуже. Шумы в коридоре усилились. Это уже не просто шорохи были — кто-то бегал там, грохоча босыми пятками, хныкал, скрёб дверь ногтями. Иногда ещё будто губы к щели под дверью прикладывал и тянул, подвывая: «живо-о-ой, тё-о-о-оплый». А потом по двери кулаком с размаху — р-раз! И снова носится по коридору, хнычет.

Коллег я спрашивал, конечно. Не то что спрашивал — до того довёл их расспросами, что они от меня шарахаться стали! Хотя дело, может, и не в расспросах было. Выглядел я тогда ого-го. Тоший, бледный, круги синие вокруг глаз. Но, как бы там ни было, коллеги не слышали ничего. Ни единого звука. Словно концерт этот весь был для меня одного.

Это-то меня и волновало сильнее всего. А ну, как я действительно с ума схожу? Не мог же педагогический коллектив к травле присоединиться? Нет, конечно, отношения не со всеми у меня ровными были. Но не до такой степени, чтобы все единодушно меня желали с ума свести!..

Я даже несколько раз готов был идти к Николаю Николаичу и просить меня прямо с рабочего места в дом скорби доставить. Невмоготу становилось, по вечерам особенно. Казалось даже, до конца зимы мне не дожить. А спас меня Сёма. Костриков. Ну, то есть, как спас. Наметил пути к спасению.

Перехватил он меня во дворе после уроков. Я заметил, что он уже давно со мной побеседовать хотел. И у класса каждое утро сторожил меня, и во дворе всё поджидал. Неделю уж я его избегал, а тут не смог увернуться. Подошёл он ко мне и говорит тихим шёпотом:

— Сергей Василич, не отстанут они от вас. Уехать вам надо.

У меня аж в глазах помутилось! Не отстанут, значит?! Уезжать?! Да ещё и Костриков мне об этом сообщает. Тот самый, к которому я как к родному!

Беру я его в ответ за локоток. Думал, ласково, а пальцы будто судорогой свело. Сжал так, что, наверное, у него синяки остались. Беру я его и говорю:

— Кто же это, Сёмочка, меня так просто не оставит в покое? — горло перехватило вдруг, но я комок сглотнул торопливо и продолжил:

— Ты мне толком всё Расскажи, всё-всё, что знаешь.

Он дёрнулся, будто убежать хотел, а рука моя сама собой ещё крепче сжалась. Он вскрикнул, что ему больно. А я только оскалился, как пёс бешеный, и захрипел:

— Говори, Семён! Говори, а то к Николай Николаичу отправимся вместе!

У него аж слёзы на глазах выступили. Он-то помочь хотел, спасти, а я! Не знал ещё тогда Сёма, что намёками да вздохами людей не спасают.

— Нельзя... Нельзя такое советскому человеку говорить! — кричит сквозь слёзы.

А я молчу. Уставился ему в глаза своими краснющими да воспалёнными, и молчу. Не знаю, сколько я так стоял перед ним. Мне кажется, что час точно. На деле-то, наверное, минута пройти не успела. И он захныкал:

— Паскудники! Паскудники до вас добраться хотят!

Я ему в ответ:

— И без тебя знаю, что паскудники! Ты мне имена назови!

А он как взвизгнет:

— Нет у них имён! Так и зовут все Паскудниками! Считайте, по батюшке!

Выврал потом он руку из когтей моих, да и умчался куда-то. Догонять его я, понятное дело, не стал. Да и не смог бы. Зато по какому-то наитию отправился к Николай Николаичу. Зачем? Сам не знаю. Захотелось, наверное, душу излить.

Прихожу я к нему, а он кофей пьёт. Я уж думал, позабыл этот запах, не помню, когда последний раз пил до того. Спрашивать, откуда он раздобыл такую ценность, я постеснялся, а он отчитываться не стал. Усмехнулся только в усы, заметив моё удивление. Угостил чашечкой, добрая душа, усадил за стол. Смотрит на меня и вид делает, будто всё у нас хорошо. Будто не замечает он, что я за несколько недель лет на двадцать постарел...

Попили мы с ним кофейку, поболтали о текущих делах каких-то. Я хоть как-то взбодрился. И тут он меня спрашивает:

— С вами всё в порядке, Сергей Васильич?

Быстро спрашивает, чтобы я с духом собраться не успел. И я, должно быть, от растерянности, ему так же в лоб отвечаю:

— Николай Николаич, а кого в здешних краях Паскудниками по батюшке называют?

Ну, что в голове вертелось, то язык и выдал. Тем более, Николай Николаич-то из тамошних мест родом. Должен был знать. Это я всё уже потом придумал, все эти объяснения свои. А если бы тогда он у меня в ответ поинтересовался, зачем я спрашиваю — разговор бы наш и иссяк. Но вышло иначе.

Он откинулся на спинку стула, глаза прикрыл и задумался. Молчал долго. А потом ответил:

— Неужто до сих пор про Паскудникова помнят?

И рассказал мне историю. Давным-давно, первым владельцем той самой усадьбы, где нас расположили, был купец. Очень богатый, а фамилия у него была Скудников. И была у купца проблема. Не мог он никак наследников себе завести. Детки рождались, да только все как один — мёртвые. И это его, понятное дело, угнетало.

Первым делом он молиться попробовал. В то время все проблемы так решить пытались. Да только бог на молитвы-то разве что в священных книгах отвечает. Отчаялся тогда Скудников. И решил обратиться к тому, кто поговорчивее. К дьяволу, то есть. И дьявол ему вроде как вылечил все проблемы по этой части. Начали у купца детки рождаться. Живые.

Только беда в том, что детки эти — и не люди были вовсе. Через месяц после рождения у них клыки отрастали и полоса шерсти по загривку, до самого копчика. Глаза раскосые, изжелта-красные...

Боялся их Скудников. Но не настолько, чтоб надежду потерять. Уверен он был отчего-то, что, если долго пробовать — обязательно родится у него обыкновенный мальчик. Так они и плодились у себя в усадьбе, как мыши. Раз в год жена ему рожала, приходит в себя не успевала. А приплод был — по трое за раз!

Не знаю уж какими путями, прознал народ про то, что там творится. И прозвали купца Паскудниковым, переиначили фамилию его. Бояться его стали. Каждый раз, как он в городе появлялся, спешили все по своим домам прятаться. А он мрачнел год от года и дичал, сам стал на зверя походить. Прислуга от него разбежалась... Да они же, должно быть, и разболтали о том, что этот

купец у себя дома вытворял.

Терпели его, терпели... У нас же как терпят. Ждут, пока моченьки хватает, а там уж баста! Вот и Паскудникова этого решили в расход пустить. И отродье его заодно. Собрались мужики, кто посмелее, и отправились к соседу. Только ни одного ребёнка, или кого там, в доме не нашли. Самого купца, да жену его, и всё. Одицавшие оба, как собаки. В грязи да рваньё.

И решили с ними по-простому вопрос. В народных традициях. Вздёрнули обоих на воротах усадьбы и красного петуха пустили...

Потом в доме этом и другие люди жили. Восстанавливали, обживались. И убирались через год-два оттуда. Нехорошее, говорили, место.

Заставил меня рассказ Николаича задуматься крепко. Я его за кофей поблагодарил, да побежал к себе в комнату. Уселся там за стол, разложил все три записки перед собой. Смотрел на них, думал о чём-то. Сидел так, скрючившись, пока спину не прострелило, прямо от плеч до копчика. Встал, крикнув, и пошёл к уличной стенке, лечиться холодом. Холод — верное средство от любой хвори. Не знаю, как бы я уроки высиживал, если бы не...

И стало где-то в голове у меня зарождаться не понимание ещё, а намёк на понимание. Будто я наткнулся на что-то важное, но сам ещё толком не понял, на что. Слово это — «ТЁПЛЫЙ», которое во всех записках было, кроме первой, никак мне покоя не давало. Тёплый... А кто ж не тёплый-то? Все мы тёплые, пока живые.

И как стукнуло мне в голову что-то. Сам не понимаю, что со мной произошло такое. Подхватился я с места, пока ещё ночь не совсем наступила, и побежал в деревянной сарай. Мимо спален ватажников наших, по каменной лестнице... Должно быть, оттолкнул кого-то с дороги, да сам того не заметил. Бегу... Глаза навывкате, шепчу что-то беззвучно. Думаю, кто-то из дежурных уже тогда к Николай Николаичу бросился: Сергей Василич, математик, с ума сошёл!

Заскочил я в сарай, схватил колун, да обратно. А на крыльце уже толпа воспитанников стоит. Отбой вот-вот должен был быть, да разве после такого зрелища их в кровати загонишь! Увидели, как я на них с топором бегу — прыснули в разные стороны! Только мне не до них было. Бежал я в свой класс.

Заскочил в пустое помещение. Хорошо, догадался с собой хоть свечу и спички прихватить. Иду я к учительскому столу, а в голове одна мысль бьётся, точнее, даже слово, а не мысль: тёплый, тёплый, тёплый...

Остановился, смотрю на своё место в дальнем углу. И вижу, будто со стороны наблюдаю, как я подхожу туда, сажусь, локти на стол кладу, наваливаюсь всем весом на них, начинаю говорить. Говорю, всё больше на стол надавливая. А потом вдруг кривлюсь от резкой боли в пояснице. И что я тогда делаю? Верно! Откидываюсь назад, прислоняюсь спиной к стенке, да так и сижу до конца урока.

Спиной к стене прижавшись.

Тёплой спиной к холодной стене...

Размахнулся я, да как врезал колуном! Огромный кусок штукатурки отвалился. Я — ещё раз, хрясь! И давай долбить! Бью по стене, бью колуном, а в голове одна мысль: что же я, старый дурак, делаю-то?! Думаю так, а сам стену крушить продолжаю... Из дыры глина и ещё что-то сыпалось. Может, штукатурка древняя, не знаю.

А потом я остановился. Будто кто за руку меня схватил. Колун опустил, смотрю — точно посередине дыры кусок глины болтается. Я его схватил —

и потянул на себя. Мне сперва показалось, что не получится его убрать, а он будто сам ко мне в руку прыгнул. Поднимаю я его, а там...

А там череп. Детский, клыкастый, с глазницами раскосыми. Это его я сквозь стену грел каждый день теплом своим, выходит...

Обернулся я, не зная даже, что сказать. Гляжу, а за моей спиной толпа стоит. Рты разинули, глаза удивлённые. Николай Николаич, Абельхан, другие педагоги, воспитанники... Стоят и смотрят то на меня, то на череп этот.

А дальше был НКВД. Черным-черно у нас в приюте стало от кожаных плащей и курток. Допрашивали каждого, кто вообще хоть раз мимо моего класса прошёл. Меня мурыжили дольше других. Даже в Москву увезли...

Я не скрывал ничего. Так и говорил: я человек советский, в магию, загробную жизнь и всё остальное не верю, но что было — то было. И рассказывал всю историю без утайки. Да и опасно было бы утаивать. Они на лжи-то собаку съели. Вот я и талдычил им, иногда раз по десять в день, всё по порядку, от первой записочки до черепа в стенке.

Потом меня, конечно, выпустили. Повезло несказанно. Но в приют к Николаю Николаичу мне путь уже был заказан. Даже не знаю, остался ли сам приют-то? Могли и раскидать по другим учреждениям.

Если подумать, то закончилась история не так плохо. На Крайнем Севере тоже школы есть, и в них нужны учителя. А тем, что несёт свет знаний в самые дальние уголки нашей Родины, советский человек должен гордиться.

Так что, товарищи, давайте расходиться. Спать пора.

АЛЕКСАНДР ЮМ

Об авторах: «Харьковчане Александр Юрьев и Александр Мовчан создали в 2015 году творческий коллектив под псевдонимом Александр Юм. Инженеры-строители по образованию, авторы окончили Харьковский автомобильно-дорожный институт и работают на одном предприятии. В литературе отдают предпочтение фантастике, реализму и хоррору. В копилке авторов победа в 2016 году с первым романом цикла „ОСКОЛ“ на конкурсе научно-исторической фантастики, проводимом интернет-журналом „Самиздат“, и первое место в литературно-педагогическом конкурсе „Добрая лира-6“. Несколько историй вошло в сборники издательства „АСТ“, в рамках проекта „Народная книга“».

БЕЛЕНЬКОЕ

На правом берегу славного Днепра, посреди степи, затерялось небольшое село. Стеленные соломой мазанки хоть и бедны, но все побелены известью, и даже покрытые пылью горшки на плетнях радуют глаз случайного путника. И название у села ласковое — Беленькое. Только на подворьях пусто.

Как настала великая жара, в окрестных балках высохли ручьи. Да что ручьи — могучий Днепр местами обмелел, обнажив берега чуть не до русла. Богатые на урожай поля сожгло беспощадное солнце. Стало тихо без суесящихся овец, вечно чем-то недовольных коз и лениво мычащих коров. Опустели и без того не шибко оживленные степные дороги, позабыв убаюкивающий скрип колес да топот копыт. И вроде совсем недавно чумаки возили табак в Крым, а от туда возвращались с полными возами соли, без которой самая никудышная хозяйка не накроет стол; вился к мерцающим звездам дымок от раскуренных люлек, шелестел ковыль, да под зычные «цоб-цобе!» длиннорогие волы держали в ночи верный путь.

На версты вокруг нынче не то что птицы или зверья не встретишь — полевого сверчка не слышать. С заходом солнца раскаленный воздух уже не обжигает, как днем, но крепко сжимает в своих объятьях. Душно. Кажется, что Чумацкий шлях исхудал, растеряв добрую часть молока, пролитого на черное небо, и месяца не видно, словно черт его украл.

Беленькое потонуло во тьме. Кроме одной хаты на околице — ближней к колодцу-журавлю, задравшему длинный клюв с ведром.

Тук-тук... Осторожно постучали в светящееся окошко. А потом так же негромко, но быстро, чтоб, не дай бог, не перепугать спросонок хозяев и в тот же час, чтоб не услышал кто чужой — тук-тук-тук...

Кто-то, пригнувшись у окна, опять постучал. Тук-тук-тук-тук...

Из-за печи выросла тень, и в хате стемнело, как на дворе.

— Кто тут? — раздался из сеней грубый голос.

— Пустите, Христа ради!

Скрипнула и, провиснув на завесах, отворилась дверь. Глиняный каганец вынырнул из мрачного нутра, освещая ганок. Босоногий парубок, тяжело дыша и озираясь, переминался возле порога.

— Пустите. За мной кто-то бежит! — Он смахнул ладонью капельки пота со лба.

— Шо за казак от своей тени тикает? — Крупная чернявая баба затряслась от смеха, придерживая на груди цветастый платок, брошенный поверх льняной сорочки. В вытянутой руке каганец колыхался, как лодка на волнах рассерженного Днепра, и вокруг склонившего русую голову хлопца тени на ганку заплясали гопак. — Заходи.

Парубок прошел следом в хату и, отыскав взглядом икону, покрытую накрахмаленным рушником, перекрестился.

— Мир вашему дому!

— Котомку — на лавку, за стол садись. Сапоги скидай, а то, как хомут, на шею нацепил. Или нацепил, но другой?.. Женатый, не?

Хлопец покраснел.

— Куда мне, матушка...

— Как тебя звать?

— Петро.

— Голодный?

— Спасибо, матушка. Я ел сегодня.

Баба приосанилась, разровняла складки на платке.

— Та что ты все — матушка, матушка... Горпиной зови.

Петро и вовсе поник. В самом деле, не такая она уж баба — не разглядел с темноты толком. Молодуха. Плотная, сбита вся такая, пышногрудая. Смазливая, одним словом. Юбку ровную надела, фартуком подвязалась, засутилась, закрутила задом. Ух, хороша! И хозяйка ничего: в горнице прибрано. А вот окно... Вроде бы месяц пробивается из-за туч и возле плетня мелькнуло что-то. Непонятно. Запотело оно, что ли? Как надышал кто.

— Чем богаты, — Горпина поставила тарелку с солониной. Посыпанное толченым перцем, с чесноком и тимьяном, нарезанное добрыми шматами мясо пахло до головокружения. — Жалко, хлеба нет.

Петро достал из котомки стиранный-перестиранный рушник. Потянув за концы, развернул. Кучка мелких яблок, три вареных картошины, соленый огурец, пучок подвявшего зеленого лука и на четверть отъеденная паляница.

Горпина смотрела на залихватски торчащий, поджаренный козырек пшеничного хлеба, еле слышно причитая:

— Дура я, дура... Последнюю жменю, последнюю... А оно и зернышка не завязалось.

Внезапно замолкнув, она будто уснула. Только черные глаза были широко

открыты и некрасивые морщины перечеркнули ее высокий чистый лоб. Через минуту, часто заморгав, оживилась, как и не было ничего:

— Ой, Петро! Ты куда идешь? Рассказывай, а я сейчас горилочки.

Парубок, сдирая ногтем сморщенную кожуру с картошины, открыл было рот, но лишь вздохнул.

— Ну... — Взял огурец, повертел, подул на него и положил на тарелку рядом с мясом.

Что говорить-то? Как шел по степи целый день да прилег под кустом передохнуть? Проснулся под вечер и только на развилке понял, что заплутал, — где раньше камень стоял, нет ничего. А небо уж затянуло, не видно ни зги. Повернул наудачу направо. Плелся почти на ощупь, как слепой, выставляя вперед палку. А рядом с тропой кто-то прячется, шелестит в ковыле, сопит. И не отстает... Он шагу прибавляет — и тот, что не показывается, тоже. Он закричал, палку кинул со всей силы, где тень скользнула, и — бежать...

Горпина сняла с полки штоф из зеленого стекла и наполнила чарки.

— Со свиданьем!

Петро закашлял — горилка ободрала измученное жаждой горло. Хозяйка, подвигая одной рукой крынку с водой, другой легонько ткнула хлопца в плечо.

— Рассказывай! А то не дам!

— Чего не дашь? — Петро, захмелев, повернулся к окну, чтоб пригласить чуб, и замер.

— Как чего? Запить. А ты что подумал? — лукаво подмигнула Горпина. — В город идешь?

— А? — Петро, не в силах оторваться от окна, всматривался в темень. Во дворе будто бы кто-то ворочался на земле, обсыпаясь пылью. — Да... — Он закрыл глаза и мотнул головой. О! Теперь никого. Надо ж померещиться такому? — ...Я на завод хочу устроиться — их сейчас великое множество.

— Ага! — сверкнула глазами Горпина. — Понастроили днепрогэсов, вот и засуха страшная! Вода из самого глубокого колодца ушла. Люди хаты побросали, поехали все из Беленького в Запорожье!

— Конечно. Там и работа, и учеба, и обеды в столовых. И кино!

— И девки молодые. Гуляй, веселись! Муженек мой туда же... — процедила Горпина, сжав кулаки.

В наступившей тишине горящий фитиль каганца трещал, как дрова в костре на Ивана Купала. Страшно прыгать через огонь, а ведь никуда не денешься от взгляда черных глаз...

Зачарованный хлопец встрепенулся, услышав скрип досок на ганку. Затопали мелкие проворные шажки, и Петро покрылся мурашками.

— Ты чего? На, пей.

Парубок залпом осушил крынку с водой и попросил налить горилки. Взял больше нормы, опьянел. Язык развязался, и Петро рассказал хозяйке, что ему никогда не было так страшно, как этой ночью.

— ...Оно и сейчас подле хаты...

— Тю! — рассмеялась Горпина. — То тебе солнце голову напекло, ну, и голодный добавок. А на дворе мой поросенок бегаёт.

— Кто?

— Сынок. Как родился — днем спит, а ночью играет. И больше со свинками, пока всех не порезали. Теперь по степи сам гуляет.

— И не боится? — проглотив ком, спросил Петро и залпом выпил еще чарку.

— Степового? Так нет его, рогатого. Сказки. А Тарасику шестой пошел. Работник. Мамке помогает.

— Такой мамке и я б помог, — смыв горилкой клейкий страх, Петро неспешно обвел пальцами вокруг рта. Придвинувшись вплотную, он обнял Горпину и крепко поцеловал в губы. Цветастый платок сполз, сорочка расстегнулась, открывая полную грудь. Парубок, окончательно осмелев, увлек хозяйку на лежанку за печкой.

Подкинулся Петро на постели, оттого что мамка поет. Мертвая. Стоит возле гроба, худая и белая, в одной сорочке, с распущенными волосами. Голова склоненная, лица за волосами не видно. И поет колыбельную, качая гроб. А в гробу лежит он — Петро.

Обливаясь холодным потом, хлопец бьет себя по щекам. В голове шумит, и вот-вот выскочит сердце. Петро очумело глядит по сторонам. Занимается рассвет, горница пустая, а из соседней комнаты доносится песенка.

Натянув кое-как исподнее, он на дрожащих ногах подошел к едва приоткрытой двери. Заглянул в щелочку, а там — Горпина, в ночной сорочке, с всклокоченными волосами, тихо напевая, качает люльку.

Словно замороженный, парубок, однако, смотрит не на хозяйку, а на детские ножки, свешенные наполовину через быльца. Пальцы поджаты к черным от пыли и грязи ступням, напоминая копытца.

Петро протирает глаза — Горпина накрывает кружевной накидкой люльку. Он быстро крестится и возвращается на лежанку.

— Вон ту выкатывай, — хозяйка, подсвечивая сверху, указывала под лестницу. В погребе темно и узко, толком не развернешься. Петру лезть туда совершенно не хочется. — Прицепишь кадку, и дело пойдет. Поднимать ведром землю мы с Тарасиком и сами можем, только долго это, и запас воды кончается.

Из погреба веяло холодом и чем-то сладковатым.

— Перельешь рассол и подавай. Ту не тронь, остолоп! — Горпина ударила кулаком по распахнутой ляде. Петро пригнулся, за шиворот посыпалась поелка. — Вылазь!

Поменялись местами: парубок держал каганец, а хозяйка ворочала бочки.

— Нелегко тебе, поди, ма... Горпина. Без мужа и еще с дитем?

— Маслишься? Вот докопаешь колодец — значит, настоящий казак. А то ночью вы все горазды... Принимай!

Когда кадка была поднята, Петро не поверил глазам. На дне сплелись в клубок мертвые змеи. Ужи или гадюки — неизвестно. Без голов, с содранной шкурой, они все равно вызывали ужас и отвращение.

— ...А Тарасик бошки им рубает и домой несет. Потрошит ловчей меня, солью натирает, пересыпает травами и перцем — не может без солонины.

Похоже, там еще была жаба и голый, со вспоротым брюхом, еж. Петра затошнило. Приходилось, конечно, есть одну лободу и щавель, но всяких гадов?

Копает Петро усердно. После горячей ночи с Горпиной духота в колодце не такой страшной кажется. Деревянный журавль кланяется, опуская клюв в узкое жерло, скрипит серая, в длинных трещинах, жердь. Парубок нагружает кадку глиной, Горпина поднимает, переворачивает. Вокруг оголовка изрядно насыпано.

Отчаянно хочется пить, но вида не подает хлопец, все копает и копает. Когда лопата не может взять плотный грунт, в ход идет железный лом, тяжелый и острый.

Петро, запыхавшись, задрал голову. Ну, сколько до сруба? Аршин так до десяти. Глубоко, а все равно жарко, словно в бане, правда, без пара. И как ни крути, ад здесь, на грешной земле, где палит огнем солнце, вода желанней и слаще кагора, и нет никакого рая, обещанного рыжим попом из Верхней Камышевахи. Попробовал бы он вдолбиться в твердое, будто камень, дно! А еще надо быть начеку — мало ли, разогнется поржавевший крючок и полетит на маковку груженная бочка. Увернуться, считай, некуда. И не выбраться без подмоги, в особенности, если журавль поднял клюв с кадкой, как сейчас.

Зато можно передохнуть — Горпина отошла покормить мальчика. Станный он все-таки, точно звереныш. А ведь лица его он так и не видал. Одни ноги. Хотя какие ноги — копыта. Как он топтал подле хаты!

Петро передернул плечами. Это ведь и в пыли Тарасик валялся — больше некому. Свинья свиньей, разве что не хрюкает; все рыскает в поисках добычи. Интересно, а говорить он умеет? И тут Петру сделалось плохо. Перед глазами заколыхался ковыль — не разглядеть, кто притаился. Дышит тот, кто притаился, часто-часто, вбирая воздух ноздрями. Следит. Всматривается, выискивает подходящий момент для броска. И только дашь слабину...

Наверху послышался шорох. И сопение — точь-в-точь, как в степи ночью. И шепот, как шелест ковыля.

— Мамо, солонина в колодце?

— Тихо, Тарасик.

— Мамо... Солонина, как батько, в кадке?

— Еще нет. Пускай до воды докопает.

У Петра глаза навывкате. Свесившись в колодец, на него уставилось свиное рыло. Глазки маленькие, недобрые; из раскрытой пасти, с коричнево-желтыми клыками, тянется слюна. Алчно подрагивает грязно-розовый пятак, иссеченный ссадинами и шрамами, бездонные черные дырки с шумом втягивают воздух.

— Солонина, — прошептал Тарасик, и детская ладошка пригладила окрашенные в красное шерстинки вокруг пасти. — Копай быстрее, солонина.

Парубок засучил ногами, вжимаясь в стенку колодца. Ноги отчаянно скользят по глине, льется пот по груди, та ходит ходуном от бешенства неведомой силы, выгибающей тело в дугу. Петро хватается за горло, хрипит.

Свиное рыло искривляется в жуткое подобие улыбки, когда хлопец уже не дышит. Его русые волосы стали блее снега, голова упала на плечо, язык вывалился, в уголке перекошенного рта показалась слюна...

А вода в колодце так и не появилась. Может, ушла она вся, чтоб накрыть днепровские пороги — туда, где плотина. Может, еще что.

Солончаки кинулись на степь, высасывая жизнь до последней капли. Суховеи засыпали пылью колодец, обрушились все до единой мазанки, и упокойная тишина, как саваном, покрыла Беленькое. Ничего и никого не стало в округе. Но порой, в душную июльскую ночь, выглядит из-за туч рогатый месяц, будто высматривая случайного путника в умирающей степи.

АЛЕКСАНДР ПОДОЛЬСКИЙ

От автора: «Рассказ появился на свет исключительно из-за образа героини. В какой-то момент мне просто захотелось написать что-нибудь не слишком серьёзное со старушкой-кошатницей в главной роли. Я сел за клавиатуру, начал набрасывать обстановку, а тут и сюжет в голове созрел».

У пенсионерки Аглаи Петровны всегда было много кошек. Они скрашивали её одиночество, наполняли жизнь приятными заботами, а заодно и оберегали от злых духов. Когда имеешь дело с потусторонним, помощь не повредит.

Колдовством Аглая Петровна промышляла не часто: силы уже не те, да и времена изменились. Теперь ведьмы консультировали клиентов в Интернете и наводили порчу по фотографиям из соцсетей, а у неё не то что электронного кошелька — даже компьютера не было. Хорошо, хоть сплетни и соседские рекомендации вырुчали.

Когда местная ребятня, дрожа от страха и протягивая мятые сто-рублёвки, попросила спасти издыхающую собаку Жульку, Аглая Петровна не смогла отказать. Она ни разу не пробовала возвращать с того света — не тянула назад тех, кто уже подошёл к черте, да и не верила, что ей это по силам. Но слёзы в глазах детишек сделали своё дело.

Древнюю книгу заклинаний, написанную одним безумным арабом, Аглая Петровна старалась лишний раз не трогать. Больно уродливым было издание, а от переплёта и вовсе пованивало мертвечиной. Однако задача была не из лёгких, поэтому ответ пришлось искать именно там.

Аглая Петровна всю ночь провела над ветхими страницами и чунками со зловонным варевом. Она принесла собаку в дом и торговалась за её жизнь с иным миром, буквально физически ощущая присутствие чего-то неведомого. Встревоженные кошки кружили рядом, мигал свет. Непогода стучалась в окно.

Но всё получилось. Наутро Жулька, которую вообще-то сбил грузовик, как ни в чём не бывало, бегала у подъезда и виляла хвостом. Рядом прыгала от счастья детвора, звенел смех. Измученная Аглая Петровна выдохнула и улыбнулась. Она справилась. Все были довольны.

Все, кроме кошек.

— Кыс-кыс-кыс! — звала Аглая Петровна с кухни, высыпая сухой корм прямо на пол.

Раньше её в тот же миг окружило бы пушистое облако, взмыли бы вверх хвосты всевозможных расцветок, а чавканье смешалось бы с довольным мурчанием. Но теперь кошки не приходили.

Отовсюду Аглая Петровна чувствовала насторожённые взгляды. В кварти-

ре повисло напряжение, даже кошачья шёрстка казалась наэлектризованной. На обоях стали появляться царапины в виде странных символов, усиливался запах мочи. С появлением луны кошки заводили свои песни, и чудилось, что кто-то отвечает на их зов прямо сквозь стены, сквозь пространство.

Несмотря на запертые окна и двери, с каждым днём кошек в доме становилось больше. Половину Аглая Петровна уже не узнавала. Ночью у её постели кружили хвостатые тени и загорались нездешним цветом глаза. Ворочаясь на влажных от пота простынях, Аглая Петровна не могла отличить явь от кошмара. Раз за разом скользили по её коже маленькие зубки, копались в волосах коготки, а сотканное из множества пастей чудовище заполняло комнату до самого потолка.

Следующим вечером кошки разбили все лампы и обрушили люстры, поэтому пришлось зажигать свечи. Аглая Петровна больше не сомневалась: её удумали извести.

— Да что ж я вам сделала, родненькие? — причитала она. — Ну, собачку вылечила, так то ж для детишек ведь!

Но в кошек будто вселилось что-то. Решение могла подсказать та самая книга. Аглая Петровна хранила её на антресолях в коридоре, потому что рядом со зловещим томиком жутко болела голова. Словно книга сама не хотела, чтобы её читали.

Но иногда это было необходимо.

Аглая Петровна залезла на табуретку, нашла на полке уродливый корешок, потянула. И тогда сбоку прыгнуло быстрое, пушистое. Со шкафа бросились в атаку другие кошки. Замелькали когти, хвосты, и Аглая Петровна рухнула на пол.

Дышать было тяжело. Аглая Петровна чувствовала солёный привкус во рту, чувствовала, как подкрадывается чернота. Перед глазами кружилось, всюду дрожали свечные огоньки. Пахло тлеющими травами и палёной шерстью.

Страшное слово «ритуал» мелькнуло в голове Аглаи Петровны, когда кошки пустили ей кровь и сложили рядом мёртвых птиц, когда выстроились вокруг спиралью и закричали, заревели, позвали. Привычный мир треснул. Теряя сознание, Аглая Петровна успела увидеть, как приходит нечто во мраке, как оно ломает стены и отдирает их от реальности, будто шкурку от апельсина...

...Кошки мурлыкали и ласково тёрлись о хозяйку, приводя её в чувство. Шершавые языки зализывали раны, усики карябали лицо. Аглая Петровна с трудом подняла голову и осмотрелась. Сквозь тьму проступали контуры исполинского чертога. Горели факелы на колоннах, высоко под сводами змеились не то щупальца, не то хвосты.

Скрипя костями, Аглая Петровна встала на ноги. Позади неё, будто через огромный глазок, можно было разглядеть очертания родной квартиры. Проход был открыт, стоило лишь шагнуть туда. Но кошки жалобно голосили и звали за собой.

— Вы что же это такое натворили, а?

Они крутились возле книги заклинаний на полу, царапали её, пытаясь от-

крыть, и бегали от ног хозяйки к громадной винтовой лестнице. Та уходила вниз, в подzemелье, где пахло сыростью и болезнью. И где тяжело дышало нечто очень древнее.

— Кто у вас там?

Кошки хором замаякали, и Аглая Петровна могла поклясться, что услышала слово «мама». На неё, не моргая, смотрели десятки умных глазок. Аглая Петровна верила, что кошки живут на два мира сразу, поэтому видят и чувствуют сокpытое от людей. Теперь же и её пригласили в гости на другую сторону. Очевидно, не просто так.

— Ведите, хитрюги, — усмехнулась Аглая Петровна. — Помогу, чем смогу.

Она подхватила книгу с пола, нацепила слетевшие тапочки и зашаркала вслед за питомцами.

НИКИТА СТОРОЖЕНКО

Автор о себе: «30 лет. Родился и вырос в г. Мончегорске, Мурманская область. Образование не связано с писательством. Автомеханик, охранник, аппаратчик-гидрометаллург — кто угодно, но только не студент филологических курсов. Сейчас работаю на Металлургическом комбинате. Могу похвастаться одной самиздатовской публикацией в сто экземпляров. Я написал рассказ, а другой парень выполнил всю работу по подготовке издания и выпуску тиража, разошедшегося среди „своих“».

В большом спорте четыре вида плавания: спина, баттерфляй, брасс и кроль. Олег начал «карьеру» с самого примитивного — по-собачьи; на следующем этапе, перепробовав все стили, он выбрал наиболее массовый — вольный.

Родители отдали Олега в секцию плавания. Он добился вызова на соревнования городского и областного масштаба, но звёзд с неба не хватало, довольствуясь местом в середине таблицы. Олегу исполнилось пятнадцать лет, когда упорный труд, наконец, дал результат. Победа в «большом» заплыве. Первое место в своей возрастной категории, на соревнованиях городского масштаба. Тренер, шестидесятилетняя толстушка, ходячий таймер со свистком во рту, почуяла запах жареного и подсуетилась; Олега пригласили на сборы олимпийского резерва.

Приняв поездку в Петербург за увеселительную прогулку, Олег второй раз в жизни плавал в пятидесятиметровом бассейне. На тренерском мостике — один из ведущих специалистов в стране.

По итогам скоротечных и сумбурных сборов Олег удостоился средней оценки и вернулся домой ни с чем, без перспектив, похвалы или напутственного слова. Карьера закончилась, по сути, и не начавшись. У Олега нет современного гидрокостюма, нет увлечённого тренера... Не считать ведь за специалиста женщину, проводящую во время тренировок занятия аквафитнеса для группы старушек?

Олег искал в интернете, на You Tube. Он просмотрел множество видео, проанализировал заплывы с крупнейших соревнований — Олимпийских игр, чемпионатов мира на короткой и длинной воде. Любимый заплыв — стометровый кроль Олимпиады 2004-ого года в Афинах, где голландец Питер ван ден Хугенбанд на последних метрах дистанции в сантиметровое касание опередил южноафриканца Шумана. Феноменальное зрелище! Олег часто его пересматривал, каждый раз получая мощнейший прилив вдохновения.

В большинстве своём великие пловцы обладают выдающимися физическими данными, этикие генетические фрики: длинные руки, широкие ладони, большой размер ноги. Немаловажный фактор, дающий преимущество — плавательный костюм. Правда, можно вспомнить и привести в пример Александра Попова, до последнего выступавшего в плавках и сражав-

шегоса на равных с принаряженным молодым поколением, да и Хугенбанд предпочитал шорты.

Олег прочитал несколько книг о плавании, например — «Как рыба в воде: эффективные техники плавания, доступные каждому». В ход шли разнообразные «плюшки» — зажим для носа, специальные лопатки, увеличивающие площадь ладоней. Он купил ласты: продавцу пришлось долго сдвухать с них пыль, поскольку они провалялись на полке много лет. Все эти вещи помогают во время тренировок, но бесполезны на важных сборах, где и вершатся судьбы молодых спортсменов.

Олег искал способ повысить результаты, и не нашёл ничего лучше упорных тренировок в бассейне. Час за часом. Сеанс за сеансом. Пышные женские формы на соседней дорожке. Снобы, мнящие себя великими пловцами, то и дело поглядывающие по сторонам в поисках аппетитной попки. (Бывают такие деятели. Прячут глаза за тёмными очками для плавания, а член — в просторных плавках).

В погоне за секундами Олег просил совета у тренера (очень неожиданный ход) — мол, как насчёт спортивных добавок? Может, протеин, гейнер, аминокислоты? Может, прикупить — креатин, казеин, изотоники, глютамин, трибулус? Что бы всё это ни значило — авось поможет? Вызовем тяжёлую артиллерию: как насчёт допинга? Пойдёт хоть лекарство от насморка, именно так ведь велогонщики покоряют трёхнедельные заезды Тур де Франс, Джиро и Вуэльты? Пускай допинг станет отправной площадкой, а в будущем вся грязь, недостойная русского спортсмена, выйдет из организма и никакие ВАДЫ и РУСАДЫ, с новейшими технологиями выявления обманщиков, не найдут и следа от уколов.

— Нет, — ответила тренер.

Тогда Олег решил поиграть с разумом. Он придумал идиотский способ. Если точнее, то первым из всех идиотов воспользовался им на сто процентов. Метод внушения, дамы и господа! Если Майкл Джонсон или Усейн Болт убежали от гепарда, то Олег угребал от акулы.

На первое занятие по новой «методике» Олег пришёл в бассейн без привычного набора читерских гаджетов. Ни ласт, ни лап, ни водонепроницаемого таймера на запястье, для замера результатов, ни фитнес-трекера. Лишь идиотская идея и сомнения за конечный результат.

Акула. Большая белая, зубастая, мать её, акула. Людоед из книги Питера Бенчли. Смертоносная тварь из фильма Стивена Спилберга. Шесть метров в длину, более двух тонн веса. Плавающая «панацея» от всех болезней, чующая кровь на расстоянии пяти километров. Острый плавник над водной гладью. Улыбка-оскал. Акула-меч, вытащенная на борт рыбацкого судна, успевает ранить несколько человек, прежде чем её обезвредят или скинут обратно в океан.

С такими мыслями Олег прыгнул в воду.

Ну, хорошо, пускай размер будет меньше двух метров, дадим ей больше манёвренности. Что с мотивацией? Почему она погонится за ним, а не другими десятью пловцами, пришедшими на утренний сеанс? Вроде мелочь, но плавая бок о бок с красивыми дамами, трудно убедить себя в существовании акулы, выбравшей не сочные бабы ягодицы, а худое мосластое тело.

Но — решение найдено!.. Ногтём Олег сильно надавил на внутреннюю стенку носового хряща — сложно найти более лёгкий способ вызвать кровотечение.

Красная струйка потекла по губам и закапала с подбородка. Олег перевернулся на спину, зажал нос и пару раз проплыл бассейн, а когда кровотечение остановилось, мысленно хохоча от осознания собственного безумия, представил в бассейне большую белую акулу. Он поплыл, сначала не спеша, брасом, но после половины дистанции всем нутром почуял тревогу и ускорился.

Неправильно рисовать образ акулы под конец дистанции. Почему бы не стартовать с мыслями, что её спустят с цепи через пять или десять секунд?

Легко потерять образ, когда необходимость в нём пропадает после финишного касания бортика — пускай акула плавает в бассейне постоянно. Плавник должен маячить где-то на периферийном участке зрения, весь сеанс, от звонка до звонка. Это подстёгивает. Подстёгивает буквально выпрыгнуть на бортик бассейна, словно дельфин на океанский берег! Лучше погибнуть, спёкшись на Солнце, чем мелкими кусочками свариться в желудке.

Паранойя, смеялся про себя Олег. Паранойя становится моим лучшим другом.

Через две недели Олег взял ручные часы с таймером, дабы проверить результаты заплывов. Один — в раздумьях о погоде и бесконечной рутине учебного дня, второй — с акулой на хвосте. Но случилась беда. Если первый заплыв показал вполне сносные цифры, оправдав ожидания, то второй попросту не состоялся. Олег не смог вытеснить из мыслей трёхметровую рыбину.

Внутренний взор переместился с плавника под воду, где встретил разинутую пасть и барахтающиеся в панике ноги. Олег остановился посередине бассейна и глянул на дорожку. Никого, что естественно, если ты не до конца идиот. Но на соседней дорожке — сильный всплеск. Огромное тёмное пятно проплывает под разделителем.

Олег бешено колотит воду, доплывает до бортика и вылезает из воды. Улыбается.

Олег не посещал тренировки три дня. Для молодого спортсмена — большой срок, но есть серьёзная причина. Не стоит делиться ею с родителями или тренером. Даже с лучшим другом. Неизвестно где окажешься, заявив о тенях на дне бассейна, о подводных зрительных иллюзиях, какие мерещатся при сонном параличе. Может, проснёшься в дурдоме, кто знает? Ну, перенапрягся парень в погоне за результатом. И никаких побед, денег и славы. Приглашения в сборную, на олимпиаду и чемпионат мира.

Тени... Акула имеет природную маскировку. Снизу светлый, а сверху — тёмный окрас. Наносит удар, дальше следует пробный укус. Отплывает и кружит вокруг жертвы, выжидая, пока та истечёт кровью и станет не способна оказать сопротивление. Разрывает в клочья. Пожирает, заглатывая добычу, подобно африканской яичной змее. Кархародон — латинское название белой акулы.

Олег вернулся к тренировкам спустя три дня, после длительной мысленной борьбы, в результате примирившись со всеми страхами.

Это не большая белая акула, а большая удача. Нужно подчинить страх, протянуть руку и поздороваться с ним самым крепким рукопожатием. Заключить сделку с дьяволом.

Открой разум, скажи: «Здравствуйте, могу я на вас рассчитывать? В сложный момент, когда соперник оторвался на полкорпуса, а я сбился с ритма и паникую?»

Да плевать на технику и выносливость! В экстремальных ситуациях человек способен на совершенно фантастические поступки, граничащие с эффектами фильма «Матрица». Пробежать десятки метров с простреленной башкой — легко, но сколько проплывёшь без откушенных ног, гребя руками? Вполне возможно станешь параолимпийским чемпионом с новым мировым рекордом.

Доска нормативов по плаванию, с условиями присвоения разрядов, висит на стене позади стартовых тумб. Олега давно не интересовали звания мастера спорта или заслуженного мастера спорта, ещё кого-нибудь. После первого заплыва, несмотря на трёхдневный отпуск, он побил личный рекорд на три десятые секунды, что равняется предварительным заплывам чемпионата мира на короткой воде! В финал с таким временем не отобраться, но заявить о себе во весь голос можно и нужно.

— Кархародон, — прошептал Олег и усмехнулся.

Он точно псих, но ведь секунды не врут.

Фантастика! На последнем чемпионате мира на короткой воде двадцатидвухлетний голландец проплыл «полтинник» кролем с результатом — двадцать и одна десятая секунды, и победил. Если верить таймеру, то Олег установил сегодня новый личный рекорд — 21,7. Шесть десятых до первого места!

Весь заплыв Олег видел пасть акулы и свои барахтающиеся ноги. Он набирал скорость достаточную, чтобы по инерции буквально выскочить из воды на бортик. Потрясающая мотивация! Ни больше, ни меньше — остаться в живых.

Тренер наблюдала за подопечным всё утро. Олег чувствовал её удивление. Запахло жареным, и она тут как тут. Нет, спасибо. Вашей заслуги здесь не больше, чем у продавца, напомнившего купить средство от запотевания линз плавательных очков. Хотите поздравить? Прыгайте в бассейн, порадуйте Кархародона ста с лишним килограммами отборного мяса. Рыбка обрадуется — ведь костлявых, предвительно повозив по дну, в тщетных попытках обглодать кости, она отпускает.

Олег выпросил у родоков деньги на плеер для подводного плавания. Теперь в ушах звучит знаменитая мелодия из фильма «Челюсти». Плывешь под музыку, ассоциирующуюся у всех людей со смертоносной тварью; хочешь-не хочешь, сумасшедший ты или нет, руки-ноги заработают в два раза быстрее.

Есть ещё идеи? Смастерить огромный макет акулы и с помощью груза, опустить на дно бассейна? Можно поспорить: поток посетителей сократится в три-четыре раза, если вовсе не иссякнет.

Очередной рекорд. Цифры ласкают взор. Момент максимального выброса адреналина, ноги поднимают брызги до потолка, ибо первыми попадут в пасть акулы. Касание бортика, но ты не в безопасности. Отнюдь. Поскорее выбирайся целиком на сушу — никаких свешенных в воду ног, даже стоит отодвинуться подальше, дабы не разделить участь Самюэля Джексона в «Глубоком синем море».

На соседней дорожке вопит женщина. Шестидесятилетняя спортсменка, накручивающая за час под километр дистанции. Надеется с помощью ежедневного плавания вывести из тела все шлаки загазованного Комбинатом города. Где она работает? В сернокислотном цехе? Или в ещё какой-нибудь

жопе мира, где достаточно одного вдоха, чтобы окочуриться прямо на месте? Хочет жить вечно, но вывести грязь из организма не так просто. Стаканчик мороженого стоит получаса пробежки, так зачем париться?

— О, мой бог! Господи, боже ты мой!!! — В ужасе женщина превышает способности организма и чуть не выпрыгивает из бассейна. Люди перестают плавать и с интересом смотрят на продолжающую истерить женщину. Мужчины гадают, кто бросится вытаскивать её тушу, переглядываются. Решимости в глазах нет ни у кого.

Женщина падает без сил, вереща заплетающимся языком. Сквозь поток неразборчивых слов люди различают:

— Выбирайтесь из бассейна... Выби... из бассейна... там... я видела... Там!!!

Но там ничего нет. Женщину уводят в раздевалку. Люди продолжают купаться, как ни в чём не бывало, но переглядываясь, вопрошая друг друга глазами: «Вы ничего не видели? Что за бред она несла?»

На следующий день, пока Олег штурмовал собственный рекорд, закричал мужчина. Здоровенный бугай, рассекающий центральную бесплатную дорожку, выделенную работникам Комбината. Не похож на уставшего от жизни слесаря, — вероятно, разжиревший от лени начальник. Пожалел денег на крытый дачный бассейн, за что и поплатился. Нечего элите делать среди обычных горожан. Нашёл царёк, гонит волны, не заплатив и копейки, пока челядь выкладывает триста рублей за час купания, и трётся на боковuşках.

Нелепо размахивая руками, мужичок кричит, чуть не визжит, аки баба, и неуклюже перемахивает над разделителями дорожек. При этом боров всматривается в лица людей, словно спрашивая: «Ну, хули ты не помогаешь?!»

Олег отвёл взгляд.

— Что случилось, мужчина? — спросила инструктор, но осеклась, когда «шишка» вылез на бортик. Нога у мужика распорота вдоль икры, и кровь хлещет, мощно пульсируя. — Господи, какая рана!

— Да помогите же мне, — с пробивающимися властными нотками кричит «шишка». Мужика уносят на руках.

Олег продолжил плавать в одиночестве. Даже инструктор не заставила его вылезти, хотя под водой, аккуратно в районе центральной дорожки, выросло кровавое пятно. Олег нырнул и проплыл сквозь него. Никого, ничего.

Бассейн закрыли на неопределённый срок. В конце концов, полиция останется ни с чем, а кое-кого определяют на обследование в психиатрическую клинику.

— Его покусали, — говорят ребята в раздевалке. Пока бассейн держат под замком, они не теряют времени и упражняются в настольном теннисе и волейболе.

— На ноге следы от укуса. Врачи в шоке! Зубы у твари должны быть огромными!

— Это бред, согласны?

— Кости — в фарш. Ногу отрезали по колено, потому что пошло какое-то заражение.

— А ногу, ногу, — заголосил паренёк, спеша всех опередить, — заморозили и отправили в Москву!

— Даже в интернете есть заметка: типа в Колмогорском бассейне обитает

громадная пиранья. Днём она спит в подземных водах под фундаментом, а ночью её подкармливает сторож.

— Но сторож умер, — дополняет Олег, — или уволился, типа того. Подкармливать пиранью стало некому, и она оголодала, поэтому и выбралась поохотиться в самый разгар утреннего сеанса.

— Тебе повезло. Ты реально ничего не видел? Почему она выбрала именно того мужичка?

— Он плыл медленно, а я быстро.

Городской бассейн обещали открыть через неделю, а пока, дабы не потерять форму, Олег плавал в санатории-профилактории, где, опять-таки, право на бесплатное посещение имели работники Комбината. Цена за билет в два раза меньше, но длина дорожек всего двадцать метров, что здорово сбивает с ритма.

Однажды Олег попал к группе пенсионерок, пришедших на аквафитнес. Под энергичную музыку инструктор прыгала у кромки бассейна, а женщины пытались повторять её движения. Кряхтели, пыжились, пускали пузыри от натуги.

Ну и хрень, думал Олег, отплывая подальше.

Вахханалия продлилась недолго. Инструкторша трясла грудями, подбадривая пенсионерок, а заодно и мужиков. Неожиданно одна женщина закрытилась вокруг оси, словно юла, и ушла под воду. Всё произошло молниеносно, и Олег стал единственным очевидцем. Только когда тело поднялось на поверхность перед лицом другой женщины, возникла паника. Пока все мужики пребывали в ступоре, Олег помог достать тело из воды.

— Умерла, — рассказала позже тренер. — Девчонки звонили в санаторий, говорят, скончалась. Теперь на допрос вызывают.

Городской бассейн, наконец, открыли. Олег стоял в плавках около тумбы, а тренер вроде как подошла дать инструкции, но тут же перескочила на другую тему:

— Это уже третий случай за две недели. Сначала та истеричка. Мужик, который подал в суд на нас и докторов, определивших его в дурку. Теперь бабка с сердечным приступом. Первый летальный исход. Беда какая-то. Скоро люди вообще плавать перестанут.

Слава богу, думал Олег, слава богу, у неё не хватило ума связать все инциденты с его присутствием.

Пришло время городского первенства. В заплыве на сто метров вольным стилем отбирался участник региональных соревнований. Олег показывал на тренировках великолепную форму. Настал момент удивить и тренера, и людей, причастных к развитию спорта в городе.

Завтра, благодаря новой методике тренировок, секреты которой не стоит распространять в СМИ и беседах с друзьями и близкими, он проснётся участником региональных отборочных соревнований, а далее — одна дорога... В сборную, к призовым деньгам, интервью на ТВ, личной странице на Википедии.

Ведь всё легально. Капелька сумасшествия никому не повредит.

В городском бассейне небольшая трибуна на сто человек, и сегодня она заполнена до отказа, а кому не досталось места — стоят в проходах.

В раздевалке Олег не пожелал делить компанию с другими участниками. Вместо общения с конкурентами, пускай те и относились к соревнованиям без особого энтузиазма, он принял получасовой контрастный душ. Заполненные трибуны не вызвали у него благоговейного трепета. Единственное, на что стоит обратить внимание — акулий плавник, на мгновение рассёкший водную гладь.

«Большая рыбина, — подумал Олег, — куда больше предыдущей».

Олега подвели ко второй дорожке — место для тёмной лошадки. Не играет роли: третья ли для фаворита или шестая для явного аутсайдера. Олег понимал: это не соревнование, не борьба за первое место. Это борьба за жизнь. Олег не сомневался — в нужный момент одна лишь тень на дне бассейна погонит его вперёд, и финишируя, вместо радости он испытает благодарность богу за шанс жить дальше.

Она на моей стороне, повторял про себя Олег, вставая на тумбу, акула играет в моей команде.

Раздался сигнал, участники прыгнули в воду. Олег плохо стартовал и, по собственным ощущениям, плыл последним. Третья и четвёртая дорожки оторвались на корпус, но до конца первого полтинника Олег наверстал отставание. Уровень воды в бассейне подскочил, пошли волны. Олег чувствовал присутствие акулы — подобно тому, как человек ощущает комара, летающего перед закрытыми глазами. Пловцы остановились. Пять участников непонимающе озирались вокруг, крутили головами, но заметили только Олега, пошедшего на второй полтинник.

Зрители закричали, голоса слились в один протяжный вой, громче пожарной сирены, так что никто из находящихся в воде не различал слов. Один парень стянул шапочку и сунул палец в ухо, но услышать предостережение толпы ему не повезло. Он вмиг ушёл под воду, и та забурилась, красное пятно оставило зрителям лишь неясные тени. Кровь расплзлась от центра бассейна, волнение воды утихло, но иногда всплески давали знать о продолжающейся на глубине борьбе. Прошло секунд десять, и настала тишина. Пятно крови порозовело, готовясь представить людям страшное зрелище.

Остальные пловцы успели выбраться из воды, обновив рекорд высоты выныривания. Персонал соревнований застыл как вкопанный. Зрители повскакивали с мест; особо впечатлительные, согнувшись в три погибели, побежали из помещения, и лишь один снимал трясущимися руками... Его мобильник запечатлел на видео плавник и тень, в долю секунды исчезнувшие в водах бассейна.

Вода стала много прозрачнее и под крики родителей жертвы — они спустились с трибуны и рвались прыгнуть в бассейн — люди увидели тело, скрюченное в неестественной форме, будто человека пропустили через мясорубку.

— Вылезай! Вылезай! — крикнул мужчина в спортивном костюме, наклонился и ухватил Олега, подплывшего к борту, за подмышку.

— Не трогай!

— Там! Что-то в воде! — неуверенно сказал мужчина, сомневаясь в реальности происходящего.

— Мне не страшно, меня не коснётся.

— Стой!

Но Олег не слушал и спокойно, не суетясь, поплыл к центру.

Кто-то взял длинную палку для отлова мусора и, зацепив тело, потянул

к бортику. Люди запротестовали, человек десять требовали ничего не трогать и звонили в полицию, в скорую помощь.

— Помогите! Городской бассейн! На человека напали!

Олег подплыл к телу, что вызвало у народа панику, они заорали и замахали руками, призывая вылезать из воды немедленно. Олег отбуксировал тело обратно к центру.

— Не трогай моего сына! Все выйдите вон! Его надо спасать, вытащить из воды, звоните в скорую! Что вы стоите?!

Олег отпустил тело и нырнул в кровавую массу. В помещении воцарилась мёртвая тишина. На секунду над водой показалась спина, позвоночник худощавого тела походил на акулий плавник. Но Олег не вынырнул за глотком воздуха, лишь плеснув ногами, скрылся под водой. Прошло больше минуты, когда он появился на глазах ошеломлённой публики.

Он медленно поднялся над водной гладью, высоко задрал голову с закрытыми глазами. Из рта стекал ручеек розовой жидкости, а на макушке лежал растрёпанный кусок плоти.

— Эй, щас же выбирайся из воды, слышишь!? — крикнули из толпы. Большая часть людей отошла от бортика к стене и потянулась к выходу, поскорее на свежий воздух.

Олег не реагировал, дышал полной грудью, и казалось, пребывал в состоянии транса. Наконец, открыл глаза... И люди увидели две чёрные бусинки вместо глаз, огромный выпуклый нос, и две точки по бокам — ноздри. Разрез рта увеличился в два раза, напоминая оскал демонического клоуна. И зубы — маленькие треугольнички, выступающие кривым рядом.

И хотя акулы не издают звуков, под сводами пронёсся оглушающий хищный рык.

ИРИНА ЕПИФАНОВА

Как она не жила никогда,
Так и не умерла.
Из усыплённых взяла кота,
Следом за ним пошла.

Шли они долго ли, коротко ли,
Шли, как выходит срок...
Десять принцесс из темниц спасли,
Сносили семь пар сапог,

Открыли Индию и законов
Физики пару штук,
Выпали снегом, легли легко
В сотни горячих рук.

Стали дождём, проросли травой,
Роздали всем долги...
Какой же ты мёртвый, когда живой —
Кормишь собой других.

Когда мы дойдём, устанем когда,
Свернём за земной окоём,
Я обниму своего кота,
И больше мы не умрём.

А небо опять безнадёжно больно ноябрём
И тянет ко мне жестяные изящные руки.
Мы будем жить тихо и славно, пока не умрём,
Пока у богов не закончатся шутики и шутики,

Пока я однажды, проснувшись с утра, не пойму,
Что, выдумав мир, позабыла сценарий и роли.
Летать мотыльком?
Слишком поздно узнав, почему
Мне крыльями не шевельнуть,
Не вздохнуть. Прикололи.

А сердце уже не болит, перестало болеть.
Лишь дырка в груди, сквозь которую
шмыгают мыши.
Мы будем жить славно,
оставшись одни на земле.
Тогда ты меня наконец-то услышишь.
Услышишь?

Всё то, чем ты себя спасала,
Вполне могло и убить.
Моток пути от метро к вокзалу —
За Ариаднину нить.

Под левой грудью — лязг шестерёнок
От кофе и папирос.
В бессонницу мир непривычно тонок,
Ткнёшь пальцем — пробьёт насквозь.

Циничен ценник на всё, что зыбко,
Фантазмы растут в цене.
Раз сшибка с прошлым — твоя ошибка,
Не жмись и плати вдвойне.

Лети, Герда, как птица в клетке.
Та сказка права в одном:
Он не придёт. Он ушёл к соседке,
Там вечность и ром со льдом.

Дыши, адово перегорая,
Сложись в кулак и — вперёд.
Болит — значит, ещё живая,
До свадьбы, глядишь, пройдёт.

Отдай своё сердце, девочка.
Штука не слишком точная.
Кардиоросчерк: пик, а потом прямая.
Верить в людей — как рисовать по точкам,
Вместо жирафа — слон, да и тот хромает.

Отдай свою гордость, и не таких обламывали.
Нежность с цинизмом —
не лучший коктейль для ужина.
Швах на работе, пять смс от мамы,
А на десерт — ряженный твой контуженый.

Отдай своё сердце, почки и прочий ливер,
Они плохо скроены и для другого города.
Раздай по знакомым, сбagri,
избавься от лишнего.
Купи на avito счастье, б/у, недорого.

Рассказ-миниатюра. 1269 знаков. Дебют.

Поздравляем автора с первой публикацией!

Родился 5 июня 1993 года в Пензе. По образованию — врач-стоматолог. Художественной литературой увлёкся ещё в начальной школе, хоррором — в 16 лет. Колумнист онлайн-журнала DARKER. Организатор литературных конкурсов «Чёртова дюжина» и «Виселица».

РОМАН ДАВЫДОВ

ОДАРЁННЫЙ

Дверь закрывается, лязгает засов. Мир сжимается до пропахшей гнилью и сыростью комнатухи.

Потрескивает единственная лампочка. Я смотрю строго на дверь, но краем глаза вижу каталку и труп на ней. Взгляд соскальзывает на мёртвое тело. Это мужчина, довольно плотный. Кожа цвета пергамента. Тёмные волосы, густые усы.

Мой дар — моё проклятие...

Сознание уносится в незнакомую деревню. Ещё живой усач в синей рубашке и джинсах шагает по тропинке среди густой травы. Нырять в лесок.

Мгновение — и это уже не он, а я. Чувствую груз лишнего веса и внушительный живот, подрагивающий при ходьбе. Левое плечо ломит, тяжесть в груди. Дышать трудно, но я привык.

Что-то врезается в затылок. Я падаю. В глазах темнеет. Тело становится чужим, отделяется от гаснущего сознания. Но я ещё чувствую: кто-то шарит по карманам.

Это сосед Лёшка, наркоман. Трясущимися руками он хватает мой телефон и кошелек. Я ещё дышу. Лёшка замечает это. Кадык на его тощей шее подскакивает, он замахивается ногой. Бьёт.

Я вылетаю обратно в комнатуху. Лежу на полу, в той же позе, что и мёртвый толстяк в его последние мгновения.

Голова раскалывается, пульсирует в такт бешено скачущему сердцу. Я стучу ногой в дверь. Пытаюсь встать. Тело подчиняется неохотно.

Лязгает засов, и люди в белых халатах вывозят каталку. — Выпустите меня! — молю я. Без особой надежды.

Ночь только началась. В коридоре ждут ещё шесть каталок. Шесть покрытых тайнами смертей. Мой дар — моё проклятие. Меня не отпустят, пока я не умру с каздым. Так сказал следователь.

МАРИЯ АРТЕМЬЕВА

ПУГАТЬ ГЛАГОЛОМ

ПОВЕСТВОВАТЕЛЬНЫЕ ФОРМЫ В ХОРРОРЕ

Хорошая история складывается из многих вещей, но есть одна вещь, которая превращает даже самую плохую историю — в хорошую.

Как вы думаете — что это? Правильно!

Краткость. (Возможная сестра таланта). Если представить, что краткость — это функция, то у нее будет своя производная: динамизм.

То есть любой краткий текст читается быстро, легко, и, значит, он — динамичен.

Самое краткое предложение может быть выражено одним словом. **Зима. Вечер. Москва. Гопники.** Динамично. Емко. Кратко. Тут даже и сюжет уже наматился, но история пока не сложилась — слишком все размыто.

Чтобы сделать историю — нужно показать читателю не статичные картинки, а кино — то, что происходит: предметы и персонажи в движении, во времени.

И тут на первый план выходит часть речи, наиболее тонко заточенная под эти цели — глагол. Основной двигатель в тексте.

Выражаясь образно, все остальные части речи — создают материю и пространство истории, а вот глагол и отглагольные формы — создают время.

Глагол наиболее сложная в грамматическом смысле единица языка. На то он и двигатель!

Перечислить и рассмотреть все категории глагола — и правда, как двигатель внутреннего сгорания разобрать.

У глагола есть постоянные свойства (грамматические признаки) — неподвижные части двигателя, вроде коробки, а есть изменяемые — движущиеся, рабочие детали.

К первым относятся спряжение, вид, залог, возвратность и переходность. Спряжение трогать не будем, других коснемся, если понадобится. Изменяемые свойства — время, число, лицо, наклонение и род. Именно они нам наиболее интересны.

Начнем с простого.

«Последний день перед Рождеством прошел. Зимняя, ясная ночь наступила. Глянули звезды. Месяц величаво поднялся на небо... Тут через трубу одной хаты клубами повалился дым и пошел тучею по небу, и вместе с дымом поднялась ведьма верхом на метле».

В этом классическом тексте (надеюсь, все узнали «Ночь перед Рождеством» Николая Гоголя) самый распространенный глагол — глагол изъявительного наклонения прошедшего времени совершенного вида, имеющий род, число, лицо. И это самый популярный глагол в русской классической прозе.

Для его формы есть даже специальное название: «прошедшее повествовательное».

Давайте разберемся — почему большинство авторов писали и пишут в прошедшем времени? Что в нем такого уникального?

А вот что: это не совсем глагол. На самом деле это форма древнего причастия. В древнерусском языке у глагола было гораздо больше форм, чем в современном: две начальные, четыре формы прошедшего времени, три формы будущего, и шесть разрядов причастий.

То, что сейчас мы считаем изъявительным глаголом прошедшего времени — это вторая часть сложной глагольной формы, состоявшей когда-то из глагола-связки БЫТЬ + причастия особого вида, которое обозначало состояние-после-завершенного-действия (выглядело это примерно так: ОН БЫХЪ ПРИШЕЛ, ОН БУДЕШИ ПРИШЕЛ, ОН БЫСТЬ ПРИШЕЛ).

Наши древнерусские предки повыбрасывали лишнее (подобно тому, как мы сейчас вычищаем из своих рассказов БЫЛКИ), но оставили самую мякотку: ПРИШЕЛ. Язык развивается по законам рациональности и все глагольные формы сейчас стали намного проще, сохранив необходимую гибкость и функциональность.

Глагол в форме «прошедшего повествовательного» наиболее информативен. Вот, к примеру, такой текст:

«Я пришел в Захаровку к вечеру, когда солнце уже село за горизонт. Деревня встретила меня глухим, недобрым молчанием. Заброшенные дома торчали, словно испорченные черные зубы на фоне густо синеющего неба. При виде их мне стало не по себе».

Хотя имя персонажа не названо, мы сразу можем понять — это мужчина. Последовательность его действий совершенно ясна. Все достаточно просто и мы ждем, что последует дальше.

Однако, в хорроре информативность и ясность — не всегда достоинство, не правда ли? Довольно часто, нам нужно наоборот — запутать читателя, чтобы не выкладывать ему все сразу. Мы можем сделать это, изменив форму изложения, то есть изменив двужуший глагол.

«Я приходил в Захаровку к вечеру, когда солнце уже садилось за горизонт. Деревня встречала меня глухим, недобрым молчанием. Заброшенные дома торчали, словно испорченные черные зубы на фоне густо синеющего неба. При виде их мне становилось не по себе».

Мы использовали тот же глагол, но несовершенного вида. В современном русском языке несовершенный вид глагола выполняет роль продолженного времени.

При такой форме глагола персонаж нашего экспериментального отрывка превратился в мазохиста: ведь он ПОСТОЯННО ходил в деревню, где ему становилось страшно. Когда он это делал, как долго и — зачем?.. Вот сколько вопросов и загадок возникло, стоило нам всего лишь изменить форму прошедшего повествовательного.

Изменив форму глагола повествования, мы можем спрятать от читателя главное действующее лицо. В нашем случае для этого достаточно написать в другом времени.

Например, в настоящем.

«Я иду в Захаровку. Вечер. Солнце садится за горизонт. Деревня встречает меня глухим недобрым молчанием. Заброшенные дома торчат, словно испорченные черные зубы на фоне густо синеющего неба. Я вижу их, и мне не по себе».

При неизменном подлежащем (я) мы уже не знаем — кто наш персонаж: мужчина или женщина. Да и человек ли вообще?

Как правило, написанное в настоящем времени читать утомительно: надо все время помнить и указывать, кто в данный момент действует, что создает однообразие в тексте. В настоящем времени всегда пишут ремарки к театральным пьесам и киноповести (особый формат киносценариев — сценарий «вольным стилем»). Единственная причина, почему это так — потому что в кино и театре действие — самое важное, необходима особая четкость в описании последовательности событий.

Иногда эту «киношную» форму можно удачно использовать в хорроре.

«Что-то приближается к станции. Некоторое время назад этой звезды не было, но появившись, она стала ярче и поползла. Разгорелась и будто даже увеличилась. И это не тусклый Фобос, который дважды в день проходит между станцией и Марсом, и не Деймос, обогнавший её вчера. Это другое.

На станции есть небольшой телескоп.

Космонавт отталкивается от иллюминатора и плывёт к консоли управления. Его зовут Григорий, он покинул Землю двести двадцать дней назад. Он нажимает пару кнопок, телескоп просыпается и начинает послушно перебирать шестёрёнками отправленные ему угловые минуты и градусы.»

(Алексей Жарков «Черная лампа»).

Здесь автор пишет повествование в настоящем времени для достижения эффекта сиюминутной документальности: читая, мы как будто смотрим видео, наблюдая за происходящим на станции.

А вот пример повествования в настоящем времени от первого лица (единственного и множественного числа).

«Очень холодно. Идёт метель. Мы двигаемся медленно, и нам очень тяжело, но каждый раз, когда я оборачиваюсь, я вижу, как цепочку наших следов разрезает длинная прямая от креста, который тянут индейцы. Они теперь большие говорят на своём и смотрят вверх, но не так, как мы. Мы смотрим вверх, но они смотрят не так высоко. Они смотрят будто на всю гору сразу, как мы смотрим на небо.

И так же, как мы, они боятся».

(Евгений Шиков «Вендиго»)

Выбирая такую форму повествования, автор преследует сразу две цели: во-первых, стилизует дневник персонажа, во-вторых — скрывает действующее лицо и запутывает читателя.

Можно запутать все еще сильнее, если использовать в повествовании не первое лицо (я, мы), не третье (он, она, они), а второе (ты, вы). Вот как это будет выглядеть — в настоящем времени и во втором лице.

«Ты идешь в Захаровку. Вечер. Солнце садится за горизонт. Деревня встречает тебя глухим недобрым молчанием. Заброшенные дома торчат, словно испорченные черные зубы на фоне густо синееющего неба. При виде их тебе становится не по себе».

Чувствуете, как в тексте сразу возникла атмосфера подозрительности? Где-то, за границей поля нашего зрения, появился кто-то, кто следит за персонажем, комментирует его действия. Тайнственный наблюдатель. Скрытый от нас до

поры, до времени...

Такой прием исключительно удачно использовал Владислав Женеvский в своем рассказе «Бог тошноты».

«...Ты падаешь на колени и в последний раз опорожняешь свое земное существо. Ты знаешь только, что нужно выдавить из себя что-то незваное, чужое, и тогда снаружи все наладится. Но потом забываешь, что ты — это ты, утыкаешься головой в колпак колеса и затихаешь. Тебя больше нет.

Тогда я отделяюсь от стенок твоего желудка — аккуратно, усик за усиком. Мне было уютно и спокойно здесь, но всему свое время. Я ползу по изодранному пищеводу наружу, насытившийся, но ослепший и оглохший. Наконец, я стекаю с твоих губ ниточкой слюны, возвращаясь в большой мир. Солнечный свет цекочет мое невесомое тело».

Страшное существо, убившее девушку, раскрывает себя только в финале рассказа. Вот еще один пример удачного эксперимента с повествованием во втором лице:

«А потом море отступает. Ты видишь, как по антрацитовоy глади пробегает рябь, а потом кромка воды отходит от берега, обнажая камни и (насколько ты можешь разглядеть со своего насеста) кости огромных неведомых рыб. Плохой признак, думаешь ты. Море никогда не уходит просто так — оно всегда возвращается и воздаёт во стократ.

Но тысячам живых трупов, заполнившим всё окружающее пространство, нет никакого дела, что там, вдали, море перечеркнула белая стремительно приближающаяся полоска. А потом ещё одна. И ещё. Великая трясина вздыбливается. Белая полоса превращается в ревущий пенный гребень. А они продолжают петь...

Ты никогда не видел цунами, а потому с ужасом зажмуриваешь глаза. Грохот волны заполняет всё окружающее пространство; ты чувствуешь, как содрогается берег, принявший на себя удар водяной стены, ощущаешь на коже ледяные брызги. Через минуту приходит вторая волна и третья.

Когда ты, собравшись с духом, открываешь глаза, ты видишь залитую водой набережную и сотни тел, плавающих в беснующемся море. Они толкуются там, как ломтики картофеля в кипятке. Но на места унесённых стихией уже приходят новые люди-мертвецы. И они по-прежнему поют.

Ты осмеливаешься поднять взгляд к горизонту и видишь ЭТО».

(Петр Перминов «Стоя на песке морском»).

В этом тексте, ведя повествование в настоящем времени и во втором лице, автор создает ощущение странности и «вневременности»: не понятно, когда происходят — или происходили, да происходили ли вообще события. Вещий сон, жуткое пророчество, грозящее гибелью — читатель не знает, что это, но знакомый ему мир по-лавкрафтовски покачнулся, зыбко поплыл перед глазами. И все — благодаря глаголу «не той формы».

Подведем итоги.

Глагол в художественном произведении управляет временем.

Прошедшее повествовательное — традиционная и рационально обоснованная форма для повествования в художественном произведении.

Экспериментировать с повествовательными формами в хорроре можно и нужно, но не ради самого эксперимента, а тогда, когда это позволяет выполнить задуманную художественную задачу.

ПО РАССКАЗУ А. ШОЛОХОВА
ХУДОЖНИК М. АРТЕМЬЕВ

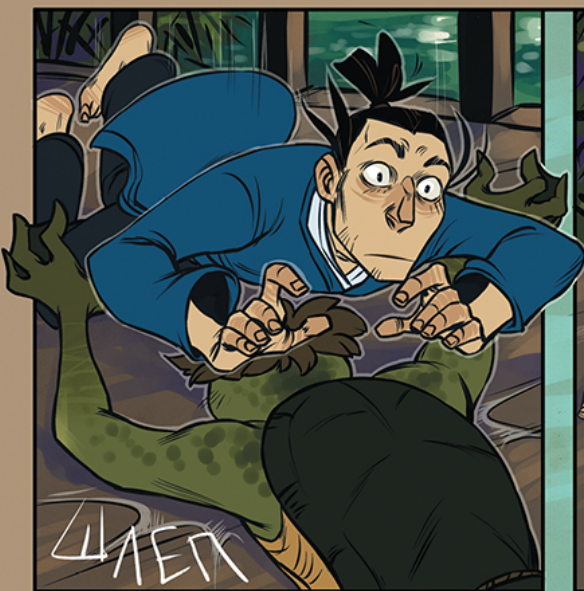

КАППА

«РЕЧНОЕ ДИТЯ»
ЯПОНСКАЯ РАЗНОВИДНОСТЬ ВОДЯНЫХ.

ОБОЖАЮТ БОРЬБУ СУМО И ОГУРЦЫ.

СЛАБОЕ МЕСТО - БЛЮДЕЧКО НА ГОЛОВЕ.
ЕСЛИ ВОДА ИЗ НЕГО ВЫЛЕТЕТА -
КАППА ПОТЕРЯЕТ СВОИ СИЛЫ.

